

ВАЙНАХ

Литературно-художественный журнал

2. 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики
по национальной политике,
внешним связям, печати и
информации

Адрес учредителя: 364060,
г. Грозный, бульвар С. Дудаева, 8,
Дом Радио

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере свя-
зи, информационных технологи-
й и массовых коммуникаций
по Чеченской Республике 05
февраля 2014 г. Регистрацион-
ное свидетельство
ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Директор
ГАУ «Издательский дом»
Сулиман
Мовлаевич Мусаев

Главный редактор
Сулиман
Мовлаевич Мусаев

Редколлегия:

М. Ахмадов
М. Магомадов
З. Алиева
С. Алиев
Л. Довлеткиреева
Р. Межиева
А. Умарова

Адрес редакции/издателя: 364024
г. Грозный, ул. Н. Назарбаева, 92

Тел.: 8 965-959-56-81
E-mail:

izdatelskiy_dom2019@mail.ru
Сайт: <http://www.izdat-dom.ru>

Журнал выходит один раз
в квартал. 16+

izdat_dom_chr

izdat_dom_chr

izdat_dom_chr

izdatdomchr

izdat_dom_chr95

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ ЧЕЧЕНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Роза ИСАЕВА.
*Создание Чеченской автономной области и
деятельность научных экспедиций в Чечне:
первая половина 20-х годов XX века* 2

ПОЭЗИЯ

Адиз КУСАЕВ.
Грядущее тревожит душу. Поэма 7
Таиса ХАДЫЗОВА.
Мне снилась осень. Стихи 38
Асламбек ТУГУЗОВ.
Монолог шейха Мансура. (отрывок из поэмы «Шейх Мансур») 72

ПАМЯТЬ

Ризван МИДАЕВ.
Судьба ветерана. Очерк 50
Бауржан УТЕПОВ.
Сержант Узев. 54

ПРОЗА

Хавас АКБИЕВ.
Неоконченная повесть. Повесть. Окончание 16
Муса АРСАНУКАЕВ.
Воспоминания об Африке. Путевой очерк 55

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Миясат МУСЛИМОВА.
Шейх. Стихи 41

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Саламбек АЛИЕВ.
Возвращение Шейха Мансура. 74

ПУБЛИЦИСТИКА

Роза МЕЖИЕВА.
На примере одной публикации о чеченском Прометее. 79

ФОЛЬКЛОР

Пхъармат. Шира дийцар. 91

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

З. МУРТАЗАЛИЕВА.
Куклы ТЮЗа на сцене и в виртуальной реальности.
(Семь вопросов Руслану Хачукаеву). 100

РЕЦЕНЗИЯ

Муса БАГАЕВ.
Монолог, вызывающий к диалогу. 105

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Роза МЕЖИЕВА.
«Мое небо. Моя земля. Моя крепость». 108
Саламбек АЙДАМИРОВ.
«Орга»-«Мах Дуг» – «Мах Дуг»-«Орга»:
кавказско-литературное братство. 110

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Саламбек АЙДАМИРОВ.
Новые рассказы Исы Закриева. 111

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ 112

*К 100-летию чеченской государственности***Роза Исаева**ст. научный сотрудник
Института чеченского языка**Создание Чеченской автономной области и
деятельность научных экспедиций в Чечне:
первая половина 20-х годов XX века**

В начале 20-х годов XX в. в Чечне, как и по всей стране, началось мирное строительство. Была развернута деятельность по дальнейшему успешному развитию региона в соответствии с новой экономической политикой, провозглашенной на X съезде РКП (б). Важнейшее значение имели выдвинутые съездом задачи ликвидации фактического неравенства народов России.

В этих условиях огромное политическое значение для чеченского народа имело заседание Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) от 30 ноября 1922 г., на котором было принято постановление: «Выделить Чечню из состава Горской Республики в Автономную область». Руководящим органом новой автономии был утвержден Революционный комитет во главе с Т. Э. Эльдархановым. Так получила практическую реализацию идея, сформулированная в то исключительно сложное время выдающимися чеченскими политическими деятелями Т. Эльдархановым, Д. Акаевым, Х. Ошаевым, А. Гайсумовым, О. Ахтахановым и др. [1, с. 3, 40].

Программа социально-экономического рывка в целом по стране вызвала необходимость усиления научных исследований для определения перспектив дальнейшего развития регионов. Однако Чечня, которая являлась одной из отсталых аграрных областей страны, не располагала необходимой собственной исследовательской базой для развертывания широких и всесторонних научных исследований. В этих условиях возникла необходимость привлечения научных сил со стороны.

Неоценимую помощь в деле развертывания научно-исследовательской работы в горских национальных областях Северного Кавказа, в том числе и в Чечне, оказали экспедиции центральных и северо-кавказских краевых научно-исследовательских учреждений и вузов. Их исследования в начале 20-х гг. XX в. явились, как и прежде в дооктябрьский период, одной из основных форм проведения здесь научных исследований.

Так, в тяжелейших условиях новые власти приступили к изучению регионов, особенно национальных окраин, с целью их скорейшего вовлечения в хозяйственную и культурную жизнь страны [2, с. 253].

Одной из первоочередных задач культурной революции, развернувшейся в стране, явилась ликвидация неграмотности, просвещение широких масс. Это был «период развертывания работы по созданию письменности для ранее бесписьменных народов, организации национальной школы с преподаванием на родном языке, принятия мер по развитию новой национальной культуры, развертывания широкомасштабного языкового строительства» [3, с. 12].

Поэтому в рассматриваемый период особую актуальность и важность приобрели исследования в области языкознания.

В 1920 г. при Московской секции Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) был организован Комитет по изучению языков и этнических культур народностей Востока СССР, перед которым были поставлены задачи создания алфавитов для ранее бесписьменных северо-кавказских народов. В частности, Комитету вменялось изучение «применимости латинского, русского и арабского шрифтов к северокавказским языкам» [4, с. 36]. Кроме того, в 1922 г. при Институте востоковедения им. Н. Нариманова был создан подразряд по исследованию северокавказских горских языков [5, л. 43].

С самого начала своей деятельности Комитет по изучению языков и этнических культур народностей Востока СССР развернул широкие экспедиционные исследования.

Важнейшее значение для организации и проведения экспедиционных лингвистических исследований в Северо-Кавказском крае имело совещание представителей автономных областей и республик Северного Кавказа – делегатов X съезда Советов, которое состоялось 30 декабря 1922 г. в Москве. Чечню на совещании представлял председатель Чеченского облревкома Т. Э. Эльдарханов.

Заслушав и обсудив вопрос «об этнолого-лингвистическом изучении Северного Кавказа, ведущимся подразрядом исследования северокавказских языков при Институте востоковедения и о мерах содействия таковому изучению, совещание постановило: 1) признать исследовательскую работу, ведущуюся подразрядом, как в области лингвистики, так и в области этнологии, насущно необходимой и безотлагательной, имеющей, безусловно, практическое значение в вопросах создания национальной письменности и народного просвещения туземцев Северного Кавказа вообще, а также при выработке мер к социальному переустройству их быта; 2) в деле изучения Северного Кавказа признать необходимым для подразряда, не ограничиваясь лишь кабинетной работой в Москве, устраивать регулярные командировки и ежегодные летние экспедиции на месте, где живут изучаемые народности; 3) всемерно поддержать перед коллегией Наркомнаца, Госпланом и другими учреждениями проект научных экспедиций, предполагаемый подразрядом летом 1923 г. на Северный Кавказ для продолжения работ, начатых в 1920 и 1921 гг., как, безусловно имеющей не только чисто научное, но и практическое, научно-прикладное значение в деле национального строительства на Северном Кавказе, в вопросах поднятия культурного уровня и производительных сил населения» [6, л. 43 об.].

Так в 1923 г. в Чечню была направлена экспедиция под руководством профессора Н. Ф. Яковлева, «одного из талантливых русских кавказоведов. Особенно велик его вклад в языковое строительство в нашей стране, в исследование языков народов Кавказа [7, с. 7]. С его именем связана разработка научной основы изучения абхазско-адыгских и нахских языков» [8, с. 4]. Одной из задач экспедиции явилось «собираание лингвистических материалов по северокавказским яфетическим языкам» [9, л. 322]. В результате проведенных полевых работ экспедиции удалось собрать богатейший этнолого-лингвистический материал, который позволил, в частности, «установить особенности

фонетического и морфологического строя чеченской речи. Были записаны тексты ряда преданий, выяснено отношение диалектов горной Чечни к ингушскому языку и к языку плоскостной Чечни, записаны тексты на этих языках» [10, с. 273]. Вот как отзывался об итогах экспедиции директор Яфетического института Российской академии наук, академик Н. Я. Марр: «Собранные лингвистические материалы, несомненно, имеют исключительно научное значение, тем более что ими установлены особенности фонетического и морфологического строя речи северо-кавказских народов, пока мало изученных. Материалы собраны насущно необходимые отчасти и по фольклору, и литературные» [11, л. 322 об].

Художественно-этнографическую экспедицию с целью «изучения культурно-бытового состояния Чечни и памятников ее художественно-изобразительного и музыкального творчества» [12] летом 1925 г. направил в Чечню Северо-Кавказский краевой совет по культуре и просвещению горских народов. Экспедицией был собран ценный материал по истории национально-освободительного движения и шейхизма в Чечне. Членом экспедиции, композитором А. А. Давиденко, были записаны около 100 чеченских мелодий, песен и танцев, из которых 30 в обработке для фортепиано были позже изданы [13]. Это был первый опыт записи и обработки чеченского музыкального творчества [14, с. 23]. Кроме того, участники экспедиции – художники Ф. М. Черноусенко и В. С. Шлиппнев – сделали большое количество эскизов, рисунков и зарисовок, характеризующих ремесла, быт и хозяйственные занятия чеченцев.

Между тем, на Юго-Востоке страны (так называлось административное образование – Северный Кавказ в начале 20-х гг. XX в.) с центром в г. Ростове-на-Дону, в котором были сосредоточены все административные функции в крае, активизируется работа по организации и координации научных исследований, особенно по естественно-научному изучению региона.

В 1922 г. при Юго-Восточной плановой комиссии Краевого экономического совета была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил Юго-Востока России. В Положении о Комиссии отмечалось, что она «в пределах Юго-Востока объединяет всякие исследовательские работы» [15, с.2].

Важнейшим событием в деле организации научных исследований в крае явилась, состоявшаяся в 1923 г. в г. Ростове-на-Дону региональная конференция по изучению естественных производительных сил Юго-Востока страны – первый представительный форум ученых и хозяйственных органов. Конференция не только сплотила научные силы, но и определила перспективы дальнейших научных исследований в крае.

Так, в первой половине 20-х гг. XX в. в Чечне разворачиваются целенаправленные естественно-научные исследования силами северокавказских научных экспедиций.

В связи с необходимостью переустройства сельского хозяйства и проектирования ирригационно-мелиоративного строительства изучение почв Чечни приобретает систематический характер. В 1923 и 1924 гг. черноземы междуречья Аргун-Гойты и почвы проектируемого Ассинского канала по заданию Кавгидстроя изучала экспедиция профессора Б. Б. Полынова. Экспедицией была также обследована и описана растительность на Аргуно-

Гойтинском участке предгорной Чечни [16, с. 3], плоскостной части Ассинско-Сунженского водораздела и Гудермесской плоскости [17, с. 6]. Почвы центральной части Правобережного Терека, Старосунженского и Шалинского оросительных каналов в 1925 г. по заданию Терводкома обследовала экспедиция профессора А. М. Панкова [18, с. 3].

Летом 1925 г. геоботаническая экспедиция, организованная Северо-Кавказским крайземуправлением, производила полевые изыскания в Надтеречном, Гудермесском, Новочеченском и Петропавловском округах Чеченской автономной области. Были обследованы растительность полей, почвы, этномофауна, лекарственные и технические растения, пастбища, сенокосные массивы и луга. Огромное значение имел сбор образцов местных посевных культур для определения их селекционных достоинств [19].

Одной из важнейших задач развития сельского хозяйства явилась мелиорация, ирригация, обводнение, необходимость использования в этих целях различных вод, в том числе и подземных. В 1924-1925 гг. по заданию Северо-Кавказского гидрологического бюро экспедиция, возглавляемая В. Фарретом, провела гидрогеологическое обследование в Гудермесском, Надтеречном и Сунженском округах. В Гудермесском округе в 1925 г. по заданию Кавгидстроя производила гидрогеологические изыскания экспедиция под руководством профессора К. И. Лисицына. В результате экспедиционных работ были составлены карты, разрезы, учтен дебет родников и произведен анализ их химического состава [20, с. II].

Изучение и выведение новых сортов сельскохозяйственных культур имело огромное практическое значение для развития сельского хозяйства края. В 1923 г. экспедиция во главе с А. Б. Саламовым, организованная Горской селекционной станцией, провела обследование местных сортов кукурузы в национальных областях края, в том числе и в Чечне, где она являлась преобладающей сельскохозяйственной культурой [21, с. 5-6].

С целью выяснения генезиса, режима, возможности увеличения запасов воды и других вопросов, выдвигаемых курортным строительством, изучались и минеральные источники: горячеводские – заведующим физико-техническим отделом Пятигорского бальнеологического института Э. Э. Карстенсом, серноводские – начальником геологоразведочного управления Грозненского центрального нефтеуправления К. А. Прокоповым, и др. [22].

Особую тревогу в начале 20-х гг. XX в. вызывали инфекционные и паразитарные заболевания, вспышки эпидемий, которые губительно сказывались на демографии региона. Из паразитарных инфекций серьезные опасения вызывала малярия. В 1922 и 1923 гг. экспедиция передвижной лаборатории Северо-Кавказского крайздравотдела во главе с С. П. Тодоровым произвела обследование г. Грозного и Гудермесского округа, которые оказались наиболее пораженными этим заболеванием [23, л. 88].

Между тем, это далеко не полный перечень экспедиций, проводивших научные изыскания в Чечне в первой половине 20-х гг. XX в. Участникам экспедиций приходилось работать в нелегких условиях, в том числе и климатических, передвигаться по труднодоступным высокогорным аулам, порой с опасностью

для жизни. Однако, самоотверженно преодолевая трудности, они выполняли намеченную программу работ.

Таким образом, в первой половине 20-х гг. XX в., после создания автономии Чечни, деятельность иногородних научных экспедиций на ее территории была продолжена на качественно новом уровне. Работы экспедиций носили в основном прикладной характер, отвечали практическим нуждам и имели огромное научное и практическое значение.

Литература:

1. Бугаев А. М. Советская автономия Чечни – Чечено-Ингушетии: очерки истории становления и развития. – Назрань: ООО «КЕП», 2012. – 90 с.
2. Есаков В. Д. Октябрь и становление советской науки в национальных районах // Великий Октябрь и национальный вопрос. М., 1976.
3. Овхадов М. Р. Национально-языковая политика и развитие чеченско-русского двуязычия. М.: МПГУ, 2000. – 244 с.
4. Страницы отечественного кавказоведения. М.: Наука, 1992. – 219 с.
5. Архив РАН (Архив Российской академии наук). Ф. 677. Оп. 1. Д.21.
6. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-2307. Оп. 2. Д. 78.
7. Дешериев Ю. Н.Ф. Яковлев и развитие советского языкознания в 20 – 40-х годах XX в. // Н. Ф. Яковлев и советское языкознание: Сб. статей. М.: Наука, 1988. – 52 с.
8. Дешериев Ю. Д., Климов Г. А. Предисловие //Н. Ф. Яковлев и советское языкознание: Сб. статей. М.: Наука, 1988. – 52 с.
9. ГАРФ. Ф. Р - 2307. Оп. 2. Д. 81.
10. Богораз В. Г. XXI конгресс американистов //Этнография. 1926. № 1-2.
11. ГАРФ. Ф. Р-2307. Оп.2. Д. 81.
12. Серло, 1925, 12 августа.
13. Давиденко А.А. Сборник чеченских песен и мелодий. М.-Л., 1926.
14. Мартынов Н. А. А. Давиденко. М., 1977.
15. Положение о Комиссии по изучению естественных производительных сил Юго-Востока России при Крайэкономсовета. // Юго-Восток, 1923, № 2-3.
16. Прокофьева А.И. Материалы к познанию растительности предгорной Чечни. Владикавказ, 1925.
17. Типы лесов и лесное хозяйство ЧИАССР. Грозный, 1971.
18. Панков А.М. Почвы центральной части правобережного Терека //Труды ГСХИ. Вып.1. Владикавказ, 1928.
19. Серло, 1925, 28 октября.
20. Работы СКАНИИ за 1925-1926 гг. //Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. Ростов-на-Дону, 1927. № 1.
21. Саламов А. Б. Местные сорта кукурузы национальных республик Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1942.
22. Грозненский рабочий, 1925, 15 февраля.
23. ГАРФ (Государственный архив Ростовской области). Ф. 2443. Оп.2. Д. 1122. Л. 88

Поэзия

Адиз Кусаев

(1938 – 2022)

На восемьдесят четвертом году из жизни ушел чеченский поэт, писатель и журналист Адиз Джабраилович Кусаев. Он родился в с. Шуани Ножай-Юртовского района ЧИАССР, в семье директора местной школы. После возвращения из депортации вайнахов домой, окончил Грозненский статистический техникум, затем – военное авиационно-техническое училище в городе Кирсанов Тамбовской области. Работал в Грозненском аэропорту техником по ремонту и эксплуатации самолетов.

В поэзии и журналистике – с 1957 года. В 1969 году окончил отделение журналистики филологического факультета Ростовского государственного университета. Работал старшим редактором Государственного Комитета по телевидению и радиовещанию Чечено-Ингушской АССР, заведующим отделом культуры и быта республиканской газеты «Ленинский путь». С 1972 года – в Госкомитете телерадиовещания старшим редактором редакции художественных программ. До декабря 1994 года был главным редактором, исполнял обязанности заместителя Председателя Комитета по телевидению. В марте 1995 года стал заместителем Председателя Государственной телерадиокомпании «Вайнах» по радиовещанию и работал на этой должности до ухода на пенсию в июле 1997 года. Однако вскоре снова вышел на работу – старшим преподавателем кафедры журналистики филологического факультета Чеченского государственного университета. С апреля 2000 года работал заведующим отделом новейшей истории Национального музея Чеченской Республики, а затем – заместителем Генерального директора по научно-просветительской работе и связям с общественностью.

Перу Адиза Кусаева принадлежит множество сборников стихов, поэм и переводов: «Характер», «Дороги», «Необходимость», «Горный сокол», «Единство», «Весенний край» и др. Также были изданы книги художественной и документальной публицистики: «Писатели Чечни» (I и II книги), «Чечня: годы и люди», «Говорит и показывает Грозный. История чеченского радио и телевидения» и другие. Писал на чеченском и русском языках. Адиз Кусаев – автор более ста песен, которые в исполнении известных певцов, постоянно звучат по радио и телевидению. А песня на его слова «Сан Гала» является любимой для тысяч жителей города.

Адиз Кусаев внес неоценимый вклад в развитие чеченской литературы и журналистики, и его уход из жизни для нас всех большая и невозможная утрата. Редакция журнала «Вайнах» выражает соболезнования родным и близким писателя. Дала гечдойла цунна!

Грядущее тревожит душу...*(Поэма-боль)*

... Живи и радуйся тому,
 Что из твоих трудов под солнцем выйдет,
 Поскольку из живущих никому
 Не суждено грядущего увидеть.

*Екклесиаст. Песнь 3-я***I****Запев**

Хотя я знаю, в Божьей воле –
 Каким быть завтрашнему дню,
 Хотя гадателем и более –
 Провидцем – я себя не мню;

Хотя Господь лишь точно знает,
 Каким быть завтрашнему дню:
 То ли цвести там кушам рая,
 То ль будет предан мир огню;

Хотя Аллах лишь знает только,
 Что завтра всех нас смертных ждет,
 Кто сгинет, век прожив недолгий,
 Кто всех и вся переживет;

Кто беженцев пополнит орды,
 Как перелетные скворцы,
 Кто будет нежиться в комфорте,
 А кто – едва сводить концы;

Хоть знаю, что все в воле Божьей,
 Что в ней всей нашей жизни суть,
 Но в завтра хочется мне все же
 Одним хоть глазом заглянуть.

Чтобы хоть мысленно представить,
 Фантазии чуть волю дать –
 Какою же жизнь завтра станет,
 И послезавтра угадать,

Так как с днем каждым, словно грушу,
 Жизнь, дорожая, всех трясет,
 Грядущее тревожит душу
 И мне покоя не дает.

И дай прозрения мне, Боже,
 Грядущее изобразить,
 Хоть будет все не так, быть может,
 Хоть и так там может быть.

Хоть об одном мы твердо знаем,
 Что сказано в святых словах:
 Мы, люди, лишь предполагаем,
 Располагает лишь Аллах.

II**Молитва перед началом**

Мы жизнь нелегкую прожили,
 Блуждая в поисках пути.
 Детьми Советской власти были –
 Прости, Всевышний, нас, прости.

Мы, как слепые, в жизнь шагали,
 Хотя и зрячие вполне,
 Хотя науки постигали
 В марксистско-ленинской стране.

Шагнуть же влево-вправо, мненье
 Свое иметь никто не смел –
 В дни оттепели – предупреждение,
 В тридцатые года – расстрел.

В атеистическом угаре
 Всем приходилось нам расти,
 Не в силах сдерживать удары
 По вере – нас, Аллах, прости.

Отравлены агиток ядом,
 Что наполнял и явь, и сны,
 Мы были словесным градом
 Коммунистической страны.

Ах, как страдали богословы,
 Стараясь веру в нас спасти!
 Их защитить мы даже словом
 Не смели – Господи, прости!

Все в паутине атеизма
 Должны мы были крест нести,

Живя всегда двойною жизнью –
Прости, Всевышний, нас, прости.

Всем в октябрятах, пионерах
Пришлось нам с детских лет расти,
В нас всюду убивали Веру
Святую – Господи, прости.

Лишь комсомольцы, коммунисты
Все были в фаворе, в чести;
Других не знали в жизни истин –
Прости, Мудрейший, нас, прости.

Запретно было все в те годы –
Вплоть до чеченской речи нам,
И опиумом для народа
Считать учили нас Ислам.

В своей земле – как поселенцы;
Старалась власть на нет свести
Все то, что делает чеченцев
Чеченцами – Аллах, прости.

И все ж не все убито было:
Как только шоры спали, в раз
Святая вера возродилась...
За прошлое ж простит Бог нас...

III

Сильнее с каждым днем волнуясь
Не за себя – я век отжил,
И не за сыновей – их юность
Прошла, мужают в меру сил.

И не за внуков страх мне явлен –
Их берегу, хотя в наш век
На грань отчаянья поставлен
Уже сегодня человек.

Тревожусь я за поколение
Праправнуков – своих, чужих,
Не зная что за потрясенья
В грядущем ожидают их?

Планеты перенаселенье –
Всех не вместит земная твердь?

Недоеданье, истощенье?
Мучительные боли – смерть?

Или пойдет от потепленья
Глобального та круговерть,
Когда земля сгорит от жженья
Лучей, несущих людям смерть?

Или в борьбе за выживание
На брата брат войной пойдет
И, сея всюду смерть, страданье,
Народ рванется на народ?

Или же недр всех истощенье,
Когда ни газа, ни воды,
Ни нефти? Или ж наводнение –
На полюсах растают льды?

Иль страны ядерные зори
Убьют, жарой испепеля,
И лишь в Чечне прикроют горы
Людей и живность, и поля?

Еще какие катаклизмы
Праправнуков моих согнут?
На все смотрю я через призму
Тех бедствий, что их завтра ждут.

Уж в африканских странах нищих
И в азиатских – знак беды:
Там не хватает людям пищи,
И ни земли, и ни воды.

От голода народы стонут
И гибнет от болезней люд,
И горе их немногих тронут,
Что помощь скудную пришлют.

Или ж в век каменный вернется
Или в железный человек?
Ведь в мире все к тому ведется
Уже в наш дефицитный век,

Где полюсы – одни в богатстве,
Живут другие в нищете.

Какое равенство и братство
Быть может в странной той тщете,

Когда одни все прибирают
К рукам – от надежд до руд, –
Другие вечно голодают
И массаами, как мухи, мрут?

И потому тревожны эти
Раздумья о грядущем все...
Спасти от катастроф планету
Сумеют ли ООН, ПАСЕ?

IV

*Будет утро и будет пища
Екклезиаст, песнь третья*

Как же будут жить через года,
Праправнуки на планете наши?
Чем старее становлюсь, тем чаще
Мысль гнетет тревожная всегда.

Что же будет? Роботы задушат,
Оставив без работы всех людей?
И плачи голодающих детей
Покой привычный
сытых не нарушат?

И никто ли пищи не подаст –
Тем, кто встретит без просвета утро,
Хоть ее и обещал всем мудро
В древности еще Екклезиаст?

Или вал искусственных налогов,
Что чиновник с потолка берет,
Их до нитки мигом обобрет,
Даже если ты живешь убого?

Вот налог за то, что ты дышал
Воздухом, что Богом даром дан нам,
И за то, что любовался светом дальним
Звезд, когда с любимую гулял.

Власть налог выдумывать горазда,
Чтоб утробу наполнять казны

И бюджет нищающей страны,
Что придумать мог лишь
мозг фантаста.

Накопленья съест инфляций рост
И народ останется без пенсий,
Или с ростом возрастного ценза
Их до срока поглотит погост?

Или же безропотное рабство
Будет завтра в городе, селе
Заменять людей на всей земле
Клонов – хомосапиенсов – братство?

Или клонам, не нужна будет еда –
Упадет и производство пищи.
Если помощь не поступит свыше,
Сколько стран исчезнет навсегда?

Двинутся в Чечню мигрантов орды –
Примут их чеченцы на постой
Всех, закон гостеприимства свой
Соблюдая, как и деды, твердо.

V

Всех примут, как в тридцатые года
Мы принимали тех, кого беда
К нам погнала смертельными путями,
Срывая с мест, насиженных веками,.

Бедою голод жесточайший был,
Что множество районов охватил,
Когда, как кулаков, уничтожали
Одних, других насильно загоняли,

Как крепостных когда-то, или в ТОЗ,
Иль, как в именье барское, в колхоз –
Где попирали все права, законы –
С девизом: «В счастье всех
людей загоним»!

К тому же цели были вдруг даны
Индустриализации страны,
Преодолев за десятилетье
Отсталость от Европы на столетье.

Себя чеченцы, и в своей
Стране все чаще умирали.

И мой праправнук схоронил
Отца и мать, моля усердно,
Чтоб дочь и сына сохранил,
Ему Аллах Всемилосердный.

Стал перед выбором народ:
Или же смерть с гостями вместе?
Или, прогнав их, сохранить
Себя, пренебрегая честью?

И трудно было выбирать,
Достичь в решении единства:
И надо людям отказать,
И свят закон гостеприимства.

И чтобы дальше жить самим,
Свои традиции святые
За многие столетья им
Пришлось бы нарушать впервые.

Но дедовский закон крушить
Не стали все же – в миг сомненья
Аллах помог им вместе жить,
Приняв мудрейшее решение:

От толщи вод освободить
Земли просторы, дав надежду –
Чтобы могли народы жить
И в дружбе, и в любви, как прежде...

Не знаю – так ли будет? Нет?
Или, напротив, будет лучше?
Хочу я только, чтоб мой след
Не оборвался бы в грядущем...

VIII

Видна порою и такая
Картина будущего мне:
Живут, границ не признавая,
Народы вместе на Земле.

Рождений много, смерти мало
И тесно в городе, селе...
И потому труднее стало
Всем уживаться на Земле.

Хотя и войн грохочут грозы,
Что гаснут в считанные дни,
Хотя и сверхоружьем косят
Людей миллинами они.

Устало солнце, что ли? Снова
Планета стала холодней,
Пусть не период ледниковый,
Но нет былой жары на ней.

Иссякли все земные недра –
Нет нефти, газа и т. д...
Людей они снабжали щедро,
Теперь не видно их нигде.

Земля родить уже не может,
Как прежде, урожаи впрок –
Она истощена... Но множит
Мир население, хоть и строг

Закон, что ограничил всюду
Число рождаемости, но...
Он сладок, подтверждают люди –
Запретный плод, – им все равно.

И чтоб от голода, от жажды,
От холода не умирать,
Им надо было всем на каждом
Шагу средства изобретать.

Чтобы не сжечь лесов массивы,
Для варки, парки и тепла,
Учеными альтернатива
Деревьям найдена была.

Чтобы летать в небесной сини
И плавать, ездить все могли,
Ученые взамен бензину
Другое топливо нашли.

Чтоб катастрофы не случилось
 Без электричества, на всей
 Земле накапливать учились
 Тепло, свет солнечных лучей.

Все через линзы собирая
 В аккумуляторы лучи
 И в нужный миг преображая
 Их в электричество в ночи.

Электросвет в достатке на дом
 Давался жителям Земли:
 Работал ведь исправно атом,
 И гидростанции росли.

На Сунже, на Аргуне стали,
 И на равнине чудеса –
 Каскады гидростанций малых,
 Теплоцентралей корпуса.

Чтоб за еду в боях не биться,
 Питание новое нашли –
 Скотина, злак, и фрукт, и птица
 Другие виды обрели.

И мало ели, долго жили,
 В труде, в движении росли,
 Побеждены болезни были
 Для всех людей, для всей Земли.

По-новому планету края,
 Чтобы хватало всем земли,
 Как в древности, пещеры роя,
 Вглубь гор надежных люди шли.

И в них праправнук мой в те годы,
 Адиз, в горах чеченских жил,
 Своим служением народу
 Его признание заслужил.

IX

Эпилог – молитва

Я повторюсь – прекрасно знаю,
 Что ведает лишь Бог о том,
 Что будет завтра с нашим краем
 И послезавтра, и потом...

Какою будет через годы
 В Чечне и в мире жизнь людей,
 Какие выживут народы,
 Какие вымрут там скорей.

Обетованною странною
 Какой край станет для живых,
 Который, словно Ковчег Ноя,
 Для выживания примет их.

Как хочется, чтоб в век суровый
 Страною той была Чечня,
 Всех страждущих принять готовой,
 Аллаха избранность цена;

Чтоб той страной гостеприимной
 Наш благодатный край и был,
 Который с пеньем Богу гимнов
 Во все эпохи верой жил.

Молю Аллаха постоянно,
 Чтоб край трудолюбивый мой
 Жил вечно истиной Корана,
 Как ставший явью рай земной...

Тревоги, может быть, излишни,
 Мрачны предчувствия беды:
 Ведь не оставит Бог Всевышний,
 Людей на произвол судьбы.

А милость явит всем с размахом,
 Если по вере станут жить...
 О, дай избранными Аллахом
 Моим пра-пра-правнукам быть!

Хавас Акбиев

Неоконченная повесть

Окончание. Начало в № 2-4 (2021) и в № 1 (2022)

Старик, как всегда, был устремлен к оригинальности, увлекался модой и параллельно с этим в нем сочетались озорство, бескорыстие, честность и целеустремленность. На четвертом курсе, когда пришло время специализироваться, он отдал предпочтение гражданскому праву, наиболее легкому, чем уголовное. К концу семестра он часто появлялся в сопровождении некой студентки в планетарии на берегу Терека. Отсюда они шли в летний зал ресторана «Интурист», оттуда – в гостиницу «Кавказ», где у Старика свой номер. Вечером посмотрят фильм в кинотеатре «Дружба», «Октябрь» или в клубе «Вагонного депо»...

Вскоре мы уйдем из университета. Старик уедет в далекий Ташкент в поисках себя в деле. Найдет ли он себя – покажет жизнь.

Я получил по уголовному праву на госэкзамене «четверку». Мне присвоили квалификацию и звание юриста. Но газета не отпустила, чему поспособствовал и мой непростой характер, не привыкший к счастью...

Неприятный осадок оставила на душе пропажа серьезного уголовного дела, в расследовании которого мне, практиканту, пришлось принять участие. Его не могли вынести посторонние. Когда я выходил за водой к колонке на углу прокуратуры, в коридоре и во всем здании посторонних не было. Поиски не увенчались успехом. Мое подозрение в хищении пало на зама, подсиживающего стареющего прокурора, – сказал об этом работникам. Они согласились со мной, но доказательств у нас не было.

Я восстановил при повторных допросах обвиняемого, потерпевшего и свидетелей материалы дела за отсутствием вещдока – самодельного финского ножа. Узнай о пропаже наверху, меня бы исключили из университета. Обошлось. Прокурор республики принял меня и поставил личную подпись в дневнике о прохождении практики.

Напоследок я сказал предполагаемому обидчику:

- Один-ноль в пользу местного преступного мира.
- Пошел ты... – услышал в ответ.

Я пошел, но... не ушел. Долгое время прослужил общественным помощником прокурора и следователя, рассматривал уголовные и гражданские дела в народном суде в качестве заседателя. Тот помощник прокурора прокурором так и не стал. Он был завистливым человеком, нацеленным на то, чтобы

создавать непогоду. Через несколько лет мы встретились. Хотя выглядел он как ошипанный курунок, я его узнал – он меня, убежден, тоже. Но и он, и я сделали вид, что не узнали друг друга.

Сотрудничая в ряде изданий периодической печати в штате и вне, возглавлял творческое объединение молодых (ТОМ). Семена, зароненные Исаевым и Альпериным, давали свои всходы. Они ушли, а горком комсомола с первым секретарем Турко Гандаевым и затем Лилей Рябикиной пестовал одаренную молодежь. У нас не было наставника, который мог передать нам все тонкости своего мастерства. Но мы были единым организмом – прозаики, стихотворцы, любители живописи и музыки. Думали о творчестве. Учились друг у друга.

В уставе ТОМа «Горизонт» обозначили права и обязанности его членов. Каждый должен писать о людях и для людей, изучать произведения отечественных и зарубежных писателей, быть в курсе событий как внутри страны, так и за ее пределами, уметь быстро откликнуться на них, крепить связи с другими творческими группами. Томовец может свободно обсуждать (в виде спора, диспута) на заседаниях вопросы, касающиеся творчества того или иного члена, вносить предложения, открыто высказывать или отстаивать свое мнение. Членами ТОМа могут быть лица, прошедшие месячный испытательный срок. Не выдержавший такой экзамен присутствует на заседаниях на правах вольнослушателя. Совет объединения является руководящим и направляющим органом. Занятия проходят два раза в месяц...

Наше поколение захватило время «шестидесятников». Но мало доходили до нас голоса Вознесенского, Ахмадулиной, Рождественского. Более на слуху был Евгений Евтушенко с его откровением: «Идут белые снеги, как по нитке скользя, жить бы, жить бы на свете да, наверно, нельзя...». В одно время его ругали за то, что во французском журнале «Экспресс» изложил чуть ли не на ста страницах, «Исповедь поэта новой России», которую издатели назвали «автобиографией рано созревшего человека». С раннего детства ему претила усидчивость, казалось бессмысленным делом заучивать мертвые правила грамматики. Стащив у бабушки два тома Маркса и Энгельса, «...за год исписал в них все белые промежутки...» Каждый раз, когда видел человека с образом мыслей помещика, ему хотелось подпустить к тому «Красного петуха...» Это укладывалось в моей комсомольской голове со знаком минус. И вообще наше юное поэтическое поколение воспринимало даже кажущуюся антисоветчину «оттепелевой слякотью», а диссиденты Даниэль и Синявский были в нашем представлении изменниками. Особенно в этом был убежден Миша Артеменко, рабочий-поэт, в представлении которого стихотворная строка подобна горячей металлической стружке – выпрямившись, она может ударить амурной стрелой прямо в сердце.

Юрий Корчма, поэт и прозаик. Слишком увлекается образом, что порождает своеобразный имажинизм:

От снегов в лесу мерцает,
Как рассвет вибрирует.
Птицы белые летают
Над фьордом в фирне...

– Юра, – говорю, – нельзя ли попроще? Не каждый разберется в твоих «фьорде» и «фирне», не обратившись к словарю. Только растолковав их, можно понять, что птицы летают над узким, глубоко вдавшимся морским заливом со скалистыми берегами и плотным крупнозернистым снегом в верховьях ледников... Надо излагать свои мысли, думая о читателе, уважая его, как это ты делаешь в своей новелле «Дом с мезонином».

Все в ней ярко и выразительно. Живо воспринимается появление в доме-избушке солдат. Оборванные, исхудавшие, они рады были найти сухой угол: «Где можно хоть немножко отдохнуть, забыться, чтобы потом снова идти дальше, в неизвестность». На глазах одного из них – грязная окровавленная повязка. Это Олег Бертковский. Друг друга они не знают, но знают одно, что у них одна дорога – на восток. Поднявшись на мезонин, ребята обнаруживают пианино. Несколько минут Олег не мог прийти в себя. У выпускника консерватории была мечта стать настоящим музыкантом... была мечта. А дальше «... будет ли вообще что-нибудь?! Будет ли жизнь, солнце и... Оля? Где она сейчас, где старенький профессор, да и вообще – где все? Все смешалось в этом мире, все, все». Ему хотелось играть. Но мысль – сможет ли он, слепой, – не давала покоя. Руки же, не повинуюсь, упали на клавиши. И одновременно с басами раздались выстрелы. Ребята отбивали атаку за атакой. Но силы были не равны. Олег слышал, как замолк пулемет, стонал от своего бессилия. Сел на маленький стульчик, положил перед собой гранату и ... заиграл «Лунную сонату» Бетховена. Выстрелы из леса прекратились, немцы лежали на мокрой земле, слушали. Офицер, поднявшись, взмахнул пистолетом, подгоняя солдат. Когда в мезонине раздался взрыв и музыка стихла, фашисты не стали заходить в дом. «Медленно, не оборачиваясь, брели они по тропинке, а в спину им эхом от взрыва кричал и шумел лес».

Я представлял Юру на месте Олега. И не сомневался, что он поступил бы так же. Он и в стихах, и в прозе не переставал быть бойцом.

Родина – громкое слово!

Родина – звонкая песня!

Это сказала Лена Киреева – одна из поэтесс нашего объединения, пианистка. Ее «Ностальгию», в которой эмигрант тоскует по родине, мы очень любили. Повторяли за героем Лены: «Ты скажи мне, сестричка Мария, как живет там моя сторона? Зацвели уже вишни в России? Хороводят ли маки в степях? Только там лишь озера так сини, там лишь доли в седых ковылях...»

Ванда Касперович, приехавшая из Армении, посвящала свои стихи горе Арарат:

Окутал плечи буркой серебристой

Могучий, легендарный Арарат.

Твой снег особенно искристый,

Тебе к лицу такой наряд...

Студентка Светлана Мардашева верила в «алые паруса»:

Кто говорит, что алый парус сказка?
Девчонка, слышишь, в это ты не верь.
Твой принц придет, в глазах – любовь и ласка,
Войдет, открыв твоих мечтаний дверь.

Стихи, конечно, не совсем соответствовали поэтическому слогу. Но это были первые шаги. Слог шлифовался.

Идет очередное заседание ТОМа. Затаив дыхание, слушаем музыку. Играет на баяне Заудин Чергизбиев. Пальцы проворно бегают по клавишам, нарастают звуки. В вечерней лазури, в сумерках близкой ночи кажется – «плачут снежные бури, реют звездные сны». Вдруг в плавные звуки врывается гул реактивного самолета. Это для нас не в новинку. На юго-западной окраине города все еще базируется военная эскадрилья. Мы привыкли к реактивным гулам, к далеким пулеметным очередям во время учений военлетов. И этот гул, и чарующая музыка, слившись воедино, навевали умиротворение. Мы, лирики и летчики, жили под одной крышей, под одним небом – мирным и прозрачным. Вскоре летчики улетят, а мы проторим на взлетную полосу свою тропу и назовем ее «Дорогой Счастья и Любви».

Разлетятся и томовцы. Заудин Чергизбиев будет играть в симфоническом оркестре. Юра Арбузов, писавший свои полотна на манер Чюрлениса, переберется в Орел. Света Софронова, Зина Черненко, Люда Барамыкина, Тоня Долгая, Тамара Заводнова, желавшие взойти на Парнас, окупятся в мир поэтов и поэзии, потеряются в жизненной сумятице. Уедет и Миша Артеменко, с его дружелюбным: «Вина купим, у меня на квартире соберемся». Не знаю, где они. Но верю, куда бы ни забросила их судьба, они не забудут то, что делали мы в «Горизонте», навсегда останутся в памяти вечера, встречи в заводских цехах, на полевых токах, где появление каждого из нас было открытием нового поэтического мира.

Поздней осенью геологическая экспедиция покинула вершины Алатау. Разбили палаточный городок у подножья горы. Приглушенно звучала безымянная речка, деревьями и травами шелестели склоны вершин с россыпями камней. Солнце ушло за горизонт. Наступила смена дня и ночи. Погас костер, на котором геологи на скорую руку приготовили ужин. Лагерь отошел ко сну.

На молодого геолога Турко, которому едва минуло семнадцать, нахлынули воспоминания. Стал мысленно воспроизводить историю рода.

Дальний родственник Каха стоял во главе совета старейшин в Грозном. Другой потомок, Далха, с детства обучался в Санкт-Петербурге, дослужился до поручика. Приехал домой, но, не пожелав воевать с армией Шамиля против России, подался в Турцию. На границе его хотели разоружить, но паша, узнав, что он чеченец, не стал противиться. Долгое время прослужил в стамбульской

полиции, пока через Грузию не вернулся в Ташкичу, где обосновались предки.

Сын брата Кахи, Тохби, был дружен с кумыкским князем. Высокий и статный, он чтит мужскую честь, даже отрубил себе палец, которым случайно дотронулся до княжеской дочери, после чего еще более утвердился в глазах предводителя.

Эльдар, сын Далхи, высокий, голенастый, мог состязаться в беге с быстроногим скакуном. Мог, разбежавшись, достигнуть до другого края широкой канавы. Перепархивал птицей поверх бурного потока вздувшейся весной горной реки. Среди сверстников слыл главарем, заводилой, отчаянным смельчаком.

Как-то Эльдар со своими единомышленниками решил совершить хадж в Мекку. Долгим и трудным был пеший путь в святые места. В один из вечеров стали готовить пищу. Вдруг подбежал сын пустыни бедуин, схватил котелок и пустился наутек. Но Эльдар настиг его и привел на стоянку: они накормили и вежливо отпустили единовеца. В пути встречали много обездоленных и просто обманщиков, притворщиков. На одном базаре кто-то громко выкрикивал: «Кому лекарство, которое предотвращает смерть?!» «Лекарством» оказался обыкновенный чеснок, который привозили с собой паломники.

Дед Ганда, прямой и надежный, занимался земледелием. Был одним из застрельщиков столыпинской хуторской реформы. Он, его дочери и брат Мюсалли работали, не разбирая дня и ночи, совместными усилиями устраивали свое хозяйство. Сначала вырубали кустарники на участках, обнесли их крепкой изгородью. Затем поставили клетки для кукурузы, построили курятник, устроили хлев для коров и буйволов, загоны для овец и коз, конюшню. День за днем мотыжили грядки и посева, ухаживали за пасекой, ездили в город продавать заготовленные с лета масло, сыр, сушеное мясо и мед, запасались на зиму всем необходимым...

Клубок воспоминаний прервал громкий и довольный противное рев ослика во дворе местного пастуха Акаты, который возил на нем сено, дрова, овощи с огорода. Когда длинноухий затих, стал засыпать, считая: «Один, два, три...»

Чуть забрезжило утро, побежал седлать светло – гнедого коня, любимца геологов. Приторочил к кожаному седлу вещмешок с дождевиком, поднял подпругу, погладил коня по загривку, оглядел его со всех сторон: и – раз! – в седло. Все правильно сделал, ведь не на прогулочный вояж засобирался, а на побывку к родителям во Фрунзе. Здесь обосновалась семья, и проведет здесь долгих 13 спецпереселенческих лет...

Говорили, что Шайх-Ахмад поистине был сыном своего отца. Под два метра ростом, сметливый, немногословный – вылитый Ганда!

Участник Стодневных боев в Грозном, он громил белогвардейцев Бичерахова вместе с рабочими отрядами. Принимал участие в боях в составе Грозненской и Чеченской красных армий, с десантниками бронепоезда «Борец за власть трудового народа». На сотый день боев добивал остатки бичераховцев вне Грозного.

Под стать Шайх-Ахмаду выросли сыновья Бизи, Гака и Турко, нечаявшие души в сестрах Алпату и Алипат. Вела же хозяйство моя тетушка Деци (Сахбат), женщина тихая, добрая, заботливая.

Турко был среди братьев третьим. Если в сказке сказано, что «первый умный был детина, средний сын и так и сяк, третий вовсе был дурак», то Бизи вполне соответствовал сказочному первому; только вот Гака не был таким-сяким; а Турко – не был дураком. На киргизских конных состязаниях, когда «драли» козу или барана, он всегда верховодил. Мало кто мог обставить «Кара-балу» («Черный мальчик» на киргизском). Турко вырос красивым молодцом, любознательным, образованным, и с самых ранних лет связал свою судьбу с комсомолом...

...Погостив, вернулся в лагерь. Здесь уже всю шла подготовка к полевым работам. Запасались провизией, инвентарем, расписывали маршруты, умело и придирчиво выбирали выносливых лошадей у киргизов, которые не прочь были подсунуть неизвестному покупателю старую клячу...

Наступала весна, приближалась пора поисков сокровищ земли – работая от зари до зари, забивать шурфы, бурить скважины и обнажать кладовые в трещинах земной коры. А пока черный чай у костерка и гитара.

Закури, дорогой, закури,
Может, завтра с восходом зари
Мы пойдем на вершины опять
Плодоносные жилы искать.

И шли в горы, сообразуя свои действия со словами Михайло Ломоносова: «Минералы и руды сами на двор не придут, требуют глаз и рук для своего прииска». Геолог, поисковик Гандаев, очень смуглый, солнца и ветра брат, после каждой проходки описывал шлифы – однородные и разнородные горные породы. И так раз за разом – один сезон, второй, третий...

Годы изгнания подходили к концу, наступала желанная пора – вернуться в родные места, построить там дом, посадить дерево, вырастить сына – тогда, как говорят на Востоке, жизнь будет прожита не зря.

В путь благословляла моя мудрая и добрая Деци, которая в изгнании каждодневно молилась за мужа, за детей, за всех нас, возведя руки к Всевышнему и Милосердному, просила Его наказать творившего зло, забывшего, что у нас – и у русского, и у чеченца – общая, славная и болезненно трагическая историческая судьба...

А в родных местах и не ждали. В доме чужие люди со злыми собаками. И село – Сулевкент, и район – Шурагатский, люди со своим укладом, своим представлением о чистоте, культуре. В доме одной моей родственницы стены вымазаны каким-то пачкающим веществом, в ноздри бьет запах хлеба, кажется, и скот, и хозяева здесь дышат одним и тем же воздухом, аромат этот еще более усиливает варево, дымящееся на керогазе...

И пастбища захвачены, на альпийских лугах пасется чужой скот...

В конце концов пришельцам пришлось убраться в свои сулевкенты, в свои шурагаты. Гандаевы и возвращенцы стали жить-поживать, добра наживать, начав с чистого листа – что могут только сильные люди.

В большом зале заседаний собрался городской комсомольский актив. Гандаева пригласили в президиум, усадили за стол, покрытый кумачом, предложили его кандидатуру на пост первого секретаря ГК ВЛКСМ. Кто-то крикнул горласто и звонко: «Пусть отчитается, где и как прежде работал, в чем ошибался и почему?»

– Мое детство, – взял слово Гандаев, – оборвалось в шесть. Грянул 1944-й год – год депортации. Начинал геологом в Киргизии. Вернувшись на родину, работал ответсекретарем в районной газете, затем – штатным пропагандистом в райкоме партии, первым секретарем Курчалойского РК ВЛКСМ. В Гудермесе был заместителем секретаря производственного комитета комсомола, помощником директора по воспитательной работе в профтехучилище, преподавателем в педучилище...

Кто-то уверенно, тоном, почти не требующем возражения, произнес: «Ясно! Задатки в нем организаторские. Не представляет себя без комсомола. Быть ему его вожаком!»

Чего греха таить, ему не привыкать было открывать собрания, слушать очередного докладчика, делать взвешенные выводы, принимать решения, угадывать отношение людей к себе, к своим поступкам. И он, в свои неполные 29 лет, с благодарностью принял снова комсомольскую должность.

Начальные дни проводил в горкоме от темна до темна, боясь в чем-то ошибиться, «наломать дров». Но замкнутости в нем не было, и это помогало вникнуть в суть дела, которое следовало решать, давая простор насущным вопросам, стараясь оперативно направить все в нужное русло. При этом его манера поручать – улыбаясь и как бы извиняясь за то, что приходится посылать людей на нечто важное, трудное, но нужное, – воспринималась как руководство к действию.

Порой он выглядел каким-то беспомощным, незащищенным и даже наивным, что трогало. Но меланхолия быстро улетучивалась и превращалась в прах, и тогда на поверку выступал гандаевский организаторский талант – доброта.

Его невозможно было представить вне действий. И в рискованных ситуациях, будь то пожар или наводнение, первым бросится в пекло, бурлящий поток, будет спасать, успокаивать, утешать. Достанется от него чиновнику и даже секретарю, за барство с трибуны отчетно-выборной конференции. Он работник-трудоголик.

По решению бюро горкома провели анкетный опрос о том, как на заводах мастера относятся к новичкам. По материалам анкетирования первым предложил поднять производительность труда, за счет создания молодым рабочим должных условий и повседневной заботы о них. Провели ударный месячник и убедились в его правоте.

Труд, комсомольский энтузиазм прослеживаются в рапортах по достойной встрече 50-летия Великого Октября:

На ударную вахту встали 16 комсомольско-молодежных звеньев;

32 комсомольско-молодежными агрегатами убрано колосовых с площади 3400 га;

в юбилейном году в городе разбит комсомольский парк;

отработано на строительстве общежития педагогического училища 3200 часов;

посажена аллея «Дружбы» между селами Энгельюрт, Кадююрт;

разбит сквер в локомотивном депо;

собрано и сдано 150 тонн металлического лома;

подано рационализаторских предложений с экономическим эффектом 20 тыс. рублей;

в агитационно-массовой работе принимают участие 26 лекторов, 22 пропагандиста, 97 агитаторов;

с начала 1967 года в ряды ВЛКСМ принято 307 человек, рекомендовано в партию 32 лучших комсомольца;

значкистами ГЗР стали 554 человека, ГТО-297, БГТО-304, спортсменами-разрядниками – 131;

на спартакиаде республики спортсмены района заняли первое место».

– Фундаментом городской организации, – наставляет Турко Шайх-Ахмадович, – должны стать молодые рабочие. Надо изучать интересы и запросы, условия труда и быта рабочей молодежи; анализировать их участие в производстве, по-деловому решать вопросы повышения мастерства каждого, взять под контроль взаимоотношения новичков с администрацией. Помогут делу конкурсы на лучшего по профессии, смотры рабочего места.

И трудились, утверждая: «Никто не сделает жизнь интересной, кроме нас самих».

Отделы горкома постоянно выносят информацию: число учащейся молодежи достигло... агитационный поезд ЦК ВЛКСМ с московскими литераторами... начались спортивные состязания... состоится молодежный вечер поэзии...

Из обкома поступил сигнал о проведении в столице факельного шествия – за солидарность с молодежью, борющейся за мир. «Как это не сделать? – спросил Турко себя и ответил: – А вот и сделаем!»

– Даешь простор над всей земной ширью! – громогласно раздается под звездным небосводом. Тысячи факелов рассеивают ярким светом мглу. Звучат стихи:

О Африка, восстань,
Довольно быть рабами!
Зови борцов на брань,
Иди на бой с врагами!

К оружию и вперед
Идите, негры, смело!..

Это Куба-остров,
Остров доброй воли!..

Господин агрессор,
Заблудились, что ли?

Кубу не сломить,
Ей свободной быть!

Факельное шествие переместилось в молодежный лагерь. Здесь поужинали, после начались игры, пляски, песни... шумный праздник у костра. В круг выходят пары за парой. Каждую встречаю экспромтом:

Вот девчока, друзья,
С Ножай-Юрта,
Обганцуй кто ее –
Ну-ка, ну-ка...
Смех летит в полночь
Громко, громко.
Веселись, Ножай-Юрт,
С нами звонко!..

Веселись, Ведено,
С нами в месте!

Здесь легенда слилась
С былью славной...
Ведено – гордый край –
Стародавний...

А Шали-го, Шали,
Словно птица,
К далям светлым вперед
Все стремится...

Лес да лес, синь небес,
Синие закаты –
Город мой Гудермес,
Город мой крылатый.

И скажу, не тая,
Между прочим,
Что люблю я Шали
Очень, очень.

Твой размах трудовой
Понимаю.
Неудачи твои –
Принимаю.

Слышу радость друзей,
Смех и песни.

Верю в славу твою
Трудовую,
Верю в силу твою
Молодую!

...А потом все стихло. На рассвете роса на траве была фантастичной, искрилась до синевы. Мы покидали лагерь, шагали почти молча, предчувствуя недалекое будущее. Пусть оно будет трудным, но мы сделаем его захватывающим, ослепительным. Еще будут рассветы нашей чистой комсомольской юности. Это о нас волнующе сказал поэт:

...Вы не жили с нами – дивитесь!
Вас не было с нами – грустите!

В домашнем архиве первого секретаря сохранилась «Благодарственное письмо»: «Уважаемые Турко Шайх-Ахмадович и Барет Минкаиловна! Ваш сын Булат служит в нашей части. Он показал себя трудолюбивым, дисциплинированным, исполнительным воином, добился высоких показателей

в боевой и политической подготовке». В послании выражается большая благодарность за воспитание сына – верного защитника Родины. Иначе и быть не могло. И в Булате, и в Тимуре, их сестре Индире были заложены гены родителей. Их беззаветное служение людям передалось детям.

По пути в редакцию я зашел в горком и узнал, что здесь произошли перемены: Гандаева перевели на другую работу, секретарем избрали Лию Рябикину.

– Ну как там, у Рябикиной? – спросил я заворга.

– Вникает в дело, ночами сидит, бумажки перебирает, готовится. Думаю, экзамен выдержит, будет молодцом. Лиля станет комсомольским вожаком, качество труда которого будет отвечать дню сегодняшнему.

Из обкома комсомола сообщили, что намечается смотр клубных команд веселых и находчивых, с кем гудермесцы будут «состязаться», сообщает позже.

– Да где уж... до игр ли? – возмущается Лиля. – И тут же соглашается: – Раз надо так надо. Но прежде узнаем, как идут дела в комсомольско-молодежной бригаде Хасаева.

Едут в совхоз «Восточный». С ними и я, может, наскребу материал на зарисовку, очерк... Светит яркое, лучистое солнце. Так и хочется воскликнуть: «Свети, ясное, грей, щедрое!»

В бригаде вовремя отсеялись. Провели двукратное боронование растений, культивацию с химической подкормкой. Подошло время, скосили и обмолотили ячмень и пшеницу. На подходе кукуруза на зеленый корм. Отличная кукуруза на зерно! И свекла что надо, все шире лопушится ботва!

Бригадир доволен, с удовольствием читает «Молнию», выпущенную секретарем первички. «Молния» приветствует комсомольцев, отличившихся на поливе сахарной свеклы и подготовке посевного материала под новый урожай.

Когда на полевой стан подкатила машина агитбригады, собрались в круг девчата с соседних участков. И полилась солнечная песня под переборы гитарных струн: «Пой, гитара, звонко, звонко, пой, о счастье пой!»

Заиграла национальная гармоника, залилась.

– А ну, шире круг, ребята! Комсомольско-молодежная и в плясках должна быть первой!

Павами плывут девушки, вихрем носятся ребята, аж кровь закипает:

– Наддай, наддай! Ас-са!

Танцуют парни и девушки, надежные в работе, умеющие дружить, растить хлеба.

– Наддай, наддай!

В круг выходит гудермесский Лешка- «цыган». Он чеченец, рано потерявший родителей, выросший в русской семье. Смуглолицый, с вихрем черных волос, черноглазый – потому и «ромалэ». Плюс к тому «Цыганочка с выходом». Как всегда, станцевал ее разудало. Он и веселиться мастак, и петь-

плясать умеет. И ребята приняли Леху восторженно, в обнимку, повторяя за ним слова модной шутливой песенки:

Красавица моя,
Скажу вам не тая,
Имеет потрясающий успех.
Танцует, как чурбан,
Поет, как барабан.
И все-таки она милее всех.

Команду КВН подобрали. Ей предстояло сразиться с юмористами из Малгобека и Заводского района Грозного в парке Кирова. Написал сценарий по разработкам фрязенских кавээншиков, пионеров славной игры под руководством Маслякова. Подготовились – и сходу на пригородный поезд:

Ду-ду-ду, ду-ду-ду!
Мчится наш экспресс.
Со щитом или на щите
Жди нас, Гудермес.

В прекрасный вечер в зеленом парке театральная сцена под открытым небом огласилась веселыми голосами.

Дорогу, дорогу сильнейшим!
Мы южного неба сыны.
Мы все под полуденным солнцем
С весельем в груди рождены.

Слово берет чтец:

Вновь на сцене
скрестились рапиры,
Пусть соперник не дрогнет в бою.
Мы вам дарим, с желанием мира,
Золотую пшеницу свою.

Соперникам передаются снопы свежескошенной пшеницы.

Чтец:

Тут на сцене очень страшно,
А со сцены не уйдешь,
То заставят ставить башню,
То с ходулей упадешь.

Оператор непременно
Аппарат направит свой.
Не хочу я КВНа,
Мама, я хочу домой.

Хор:

Не хочу я КВНа,
Мама, хочу домой.

Чтец:
Не жури
Нас, жури,
Будешь не журим.
Средь соперников быть
Первыми хотим.

Хор:

Неплохо место
Первое занять.
Совсем неплохо –
Вам ли не понять?

Чтец:

Все мы, все остряки
С юных самых лет.
«Мигу» пусть повезет,
А кому-то нет.
Хор:

Если станем тонуть
Прямо на глазах,
От беды нас такой
Ой спаси, Аллах!
Болейте, болейте
За «Миг» на здоровье, друзья!
Да будет вам весело с нами,
Без вас КВНу нельзя!

Чтец:

Вновь скажу вам: в «Миге» всяк –
Первокласснейший остряк,

Весельчак, как говорят, отменный.
На любой вопрос в ответ
Никогда не скажет: «Нет!» –
Так велят законы КВНа.

Хор:

Мы ходили там и сям,
По аулам, деревням –
И гостей задорных повстречали.
Наш веселый поезд «Миг»
Шутку вам подарит вмиг,
Чтобы вы сегодня не скучали.

«Веселые и находчивые» запомнились зрителям миниатюрами, пародиями на нерадивых начальников, шутками на студентов, вокальными номерами на популярные мотивы, национальными стереотипами. Не обошли вниманием и другие извечные темы дня: острые семейные проблемы, бракоразводные процессы, «мальчик с девочкой дружил...»

Мы были уверены, что станем лидерами. Но подвел танец «Маленьких лебедей!» У заворга-«лебеда», дрыгавшего ногами усерднее других сползла пачка, насмешившая зрителей. Наибольшее количество баллов набрали «заводчане», наименьшее – малгобекцы. Мы стали вторыми.

Лиля училась комсомольской работе. Она настояла на том, чтобы городской комитет объявил наставничество на предприятиях заботой номер один, обучать новеньких не только мастерству сборщика, токаря, слесаря, но и общественной активности. В результате, многие молодые производственники овладели смежными специальностями, а по культурной линии организовались «Голубые огоньки», «Алло, мы ищем таланты!», клубы «Веселых и находчивых», вечера «Вопросов и ответов», танцы... Молодежное кафе «Огонек» в железнодорожном парке стало популярным местом досуга юношей и девушек. Здесь проводились вечера, встречались местные поэты за столиками с табличками «Лиры и трубы».

В парке на большом стенде выпускалась газета «Крокодил идет по городу», которую я редактировал. Вернее, был в одном лице и редактором, и карикатуристом, и выпускающим. В газете высмеивались нерадивые чиновники, работники прилавка, любители нажиться за чужой счет, взяточники, выпивохи... Сатирические строки сами говорили за себя:

Настолько дружен с водкой был,
Что в вытрезвитель угодил.

Такие вот герои дня

Боятся загса, как огня.

Ну что, рубль сам отдашь,
Или тебя обсчитать?

Ее судьбу калыма ради
В шестнадцать лет решили дяди...

Идет кино: и шум, и гам,
И ленты рвутся пополам.

И папиросный дым ... и вой.
И закипел «полтавский» бой.

Директор с замом смотрят сны
Под сенью дачной тишины.

«Крокодил» собирал толпы людей, критикуемые привлекались к ответственности.

Два дня назад Лиля созвала целое совещание, на котором под бурные дебаты решался вопрос строительства городского спортзала. Когда страсти поутихли, я предложил возвести его своими силами, объявив ударной комсомольской стройкой. Почин поддержали и после разработки проекта, на пустырь, заросший кустарником, пришла молодежь. Первые просеки возвести о начале ударной комсомольской.

Котлован, укатанный катками, траншеи с опалубкой под фундамент впечатляли своим размахом. Стройматериалы сюда везли не только по автотрассе, но и по железной дороге. Каждый раз товарный двор станции пополнялся всем необходимым для комсомолстроя.

– Что можно сказать о современном типе молодого человека, влюбленного в свой город? Каков он? Его характерные черты? – спросили Лилю.

– Если вообще говорить о типе молодого человека, который сегодня на передней линии, то следует отметить, что человек разумно преобразует все вокруг, не жалеет сил для общего блага, человек, который в процессе целенаправленного труда растет и развивается сам. Юноши и девушки педагогического училища и двух профтехучилищ отработали на стройке десятки и сотни тысяч часов. Молодые ребята из различных организаций выходили на субботники и воскресники с таким настроением, с каким на дискотеки не заманишь. Казалось бы, чего веселого – после нарядных платьев и костюмов в кирпиче, бетоне, грязи, мусоре? А они веселились, радовались. Не покидали стройплощадку даже когда дул пронзительный ветер и мокрый снег падал за шиворот, вызывая озноб, ощущение неуюта...

Проходили годы. На травах, что росли по торцу здания и откоосу путей, на листьях ракут у ближнего пруда, десятки и сотни тысяч раз таяли круглые капли

росы, в воздухе держалась свежая прохлада, пахло белоструйной речкой...

Здесь когда-то кипела жизнь. Здесь высоко мечталось. Здесь пелось. Здесь осталась моя юность.

«Я листок на березе России...» – эти слова принадлежат Раисе Ахматовой, утверждавшей, что «стихи – это добро. Они должны помогать людям быть выше, чище, красивее». И сама она была славной, светилась добротой. О ее творчестве советский поэт Владимир Цыбин не мог сказать иначе, как: «В горах любят говорить словами Саади: «Если ты поэт, зашей глаза – пусть видит твое сердце!» Именно этим, обостренным, сосредоточенным на любви к своей земле, внутренним зрением и подкупают стихи известной чеченской поэтессы Р. Ахматовой». Она была и женщиной, и поэтессой необыкновенной, глядя на нее хотелось жить, творить. Она первой прикоснулась к моим стихам, призывая побольше сделать в жизни, обозревая с гордостью пройденный путь.

Писал стихи, хотел их читать, быть услышанным. При редакции газеты «Комсомольское племя» были умницы и недоброжелатели, чья зависть, по определению древнегреческого философа Аристотеля, была как «скорбь о благе другого человека». Присутствуя как-то раз на заседании ТОМа, попал в среду тех, искренность и притворство которых так и не смог отличить. Скорее всего, это был круг окололитературных завистников, грозным оружием которых был «дурной глаз». Один из критиканов к словам «край голубого ситца, кобыл и кобылиц» насмешливо добавил: «А также козлотуров и турокозов тож...»; другой выражение «нет милей глаз твоих лебединых» переиначил в «голубые глаза лебединые» (!?)

В местной газете я работал вне штата. Писал о локомотивных бригадах, механизаторах – обо всем, что трубила и кричала железнодорожная станция. Постоянного жалованья у меня не было, получал гонорар. Еще не был газетным волком. Но знал, о чем писать, что ждет от меня читатель. Потому, видимо, мне поручали ответственные задания. В очередной раз редактор направил меня в отдаленный совхоз.

– Там в разгаре уборочная – как говорится, идет борьба за хлеб. Кровь из носа, но дай двести строк на первую полосу.

...Жаркий полдень. В знойном мареве плывут по пшеничному полю комбайны. Кипит работа, работа до жаркого пота. Степные корабли огибают кромку поля и, не останавливаясь, врезаются в новую загонку. За ними остается свежая стерня. Пройдешь по ней – ни колоска. Отличная работа!

Вдруг за одним из агрегатов загорается стерня – «сработал» неисправный искрогаситель. Пламя под натиском ветра перекидывается на участок с сортовой пшеницей, где нахожусь я с агрономом. Не подоспей водовоз с бригадой, вряд ли редакция получила бы двести строк на первую полосу –

скорей всего, они вылились бы в некролог: «Жизнь трагически оборвалась...»

Но все обошлось. И перо снова потянулось к бумаге: «Пшеница рослая, густая. Сразу видно: хлеба растили умелые хозяева... Успех дела на жатве определяется мастерством комбайнеров. Перед началом им пожелали: «Хорошего вам настроения и организованности. Большого хлеба!»

Репортаж сообщал о том, что в хозяйствах района зашумела сотнями моторов, запыхала по большакам и проселкам, пролилась теплым пахучим зерном уборочная страда.

Пахнут колосистые поля хлебом. Пахнут комбайнеры каленым солнцем. Они сейчас – главные на ниве. Они держат судьбу урожая в своих руках.

Страда не затихает ни на минуту. Впереди – комбайн, следом машина. На ходу принята добрая порция зерна и снова пылят проселочные дороги.

Идет по ниве комбайн... Идет хлеб в закрома!

Вскоре меня пригласили в далекий горный Советский (Шатойский) район. В редакции газеты «Регион» предложили должность заведующего отделом писем.

Собираюсь в дорогу. На плечи рюкзак и в Грозный на «Минутку» за сорок километров. Отсюда еще шестьдесят до Советского. Да еще каких! Все время на подъем по горному серпантину по Аргунскому ущелью.

Сыплет мелкий осенний дождь. Ветер с низин гонит туман. Облепляет мокрый воздух, затрудняя дыхание.

Старенький автобус «КАВЗ-685» весь измок, смотрится в такой непогоде нахохлившейся вороной. А в салоне уютно, и эти удобства располагают к беседе, чем безоговорочно пользуется Косой Додик (один глаз – туда, один – сюда), в джинсовом костюмчике с шиком и кроссовках, эдакий акселерат. Такой положительный и всезнающий, он был осведомлен почти о всех участниках рейса.

Водитель автобуса Борис, в кожанке и кожаной кепи, взял путевку в диспетчерской. Заодно поинтересовался у кассирши:

– Сколько билетов продала?

– Пассажиров пятнадцать набралось. По такой мерзкой погоде, да еще местами возможен камнепад, лучше не перегружаться.

Прежде чем сесть за руль, Борис обогнул автобус, постучал монтировкой по упругим покрышкам колес. Стряхнув капли с куртки, сел в свое кресло.

Не успел завести двигатель, нажать на газ и включить передачу, чтобы съехать с пустого посадочного перрона, как с боку замаячила фигура в дождевике со вздетой сверху рукой – мол, стойте, возьмите меня с собой. Борис надавил на тормоз, услужливо распахнул дверь и впустил едва не опоздавшую на рейс девушку, переодетую юношей.

– Из-за таких вечно срывается график, – слышался чей-то недовольный голос в заднем ряду салона.

– А таким ворчунам пристало ездить только на попутных. Вы и порядочность – две вещи несовместимые, – съязвила девушка в прекрасном женском исполнении, в которой действительно прослеживался юношеский задор.

– Она комсомольский работник, – сказал Косой Додик.

Любопытный, с незатаенной улыбкой, он и меня забросал вопросами: «кто?», «откуда?», «зачем еду в райцентр?» Сам же представился рабочим леспромхоза; когда узнал, что я газетчик, вовсю разговорился.

А зануда все не унимался. В его представлении все шоферы были хапугами, думающими о том, как набить карманы, простоять, где угодно, график для них «тьфу!» – фикция...

Борис, не вступая в полемику с занудой, покосившись на его лицо в оспинках, шевельнув скобкой черных усов, тронул автобус с места, разбрызгав лужу.

Дорога сперва прямая, потом с долгим спуском с рядами тополей по обе стороны мостовой постепенно поднималась в горы, привыкшие к обвалам. Справа на живописном зеленом холме стояли беломраморные строения – дома отдыха тогдашней партийной номенклатуры.

Автобус въехал в речную долину, усыпанную мелкой серебристой галькой. У самого белоструйного потока шашлычник под зонтом обмахивал мангал, летел пахучий уксусный дымок.

Отсюда, собственно, и начинается рейс по серпантину в Аргунское ущелье. Знай крути баранку, не оступись!

Косой Додик, опустившись рядом в кресло, продолжал заочно знакомить меня с попутчиками.

– Вон, видишь, рядом с девушкой-комсоргом, румяной, светлоглазой и русоволосой, сидит дородная женщина. Рада Карловна дорабатывает себе пенсию официанткой в столовой. За ними разместился Султанбек, буфетчик в той же точке общепита.

– А кто вон тот гражданин в плаще армейского покроя?

– Работник райвоенкомата.

– А в турецкой феске, кто?

– А-а, зануда? Он егерь, едва не ставший однажды жертвой дикой кошки – рыси, вцепившейся в лесной чаще в его тужурку со стороны спины. Не подоспей охотник, вон тот в замшевой кепке, неизвестно, явил бы он сейчас здесь.

Свою оценку Косой Додик дал и дяде в заячьей шапке, и горожанину в очках, и толстухе в косынке белой в горошину, и Шудди Хасаевичу, учителю, и Зарке с юным очень милым лицом. О Гарике, развалившемся на заднем сиденье «КАВЗа» с глуповатой улыбкой на розовощеком лице, сказал:

– Парень с нарушенной психикой, как говорится, местный блаженный. Бог ума не дал, а души и силы сколько хочешь. Добряк и... выпивоха.

На тридцать шестом километре дорога сузилась, резко пошла на подъем, где негде разминуться машинам. Борис сбросил скорость, чтобы вписаться в поворот и стать на площадку под козырьком скалы и пропустить встречный «ГАЗ-53». Такая вынужденная остановка служила также надежной защитой от возможного обвала: камни, не касаясь проезжей части, пролетали над головами в глубокую бездну.

Разминувшись со встречной машиной, автобус тронулся с места и покатил.

Дорога поднималась все выше и выше. Борис то прибавлял, то сбрасывал скорость, преодолевая поворот за поворотом. Машина всеми четырьмя колесами цеплялась за дернину, скользила натруженно по раскисшей щебенке. Вдруг устремилась в провал и, развернувшись, повисла левым боком над пропастью. Не растерявшись, Борис резко подал назад и съехал в кювет. Мужчины вышли и вытолкали автобус на твердый грунт. Взволнованные женщины облегченно вздохнули, когда Борис с осторожностью повел автобус по довольно мокрой дороге, вьющейся змейкой над склоном, заросшем алычой, другими дикими кустарниками и кособокими деревьями.

Пугаться и волноваться было от чего. Именно на этом отрезке пути происходят обвалы и возникает угроза схода селевых потоков, срываются в ущелье машины, гибнут люди. По словам Косого Додика, совсем недавно провалился в глухую черноту обрыва рейсовый автобус, спасся только грудной ребенок, выброшенный матерью в окошко на кустарник.

Автобус все шел и шел вперед. Дорога, расчищенная бульдозером, казалось, будет благополучной, рейс пройдет без препятствий и осложнений, как вдруг впереди раздался обвальный грохот. В метрах двухстах от нас, успевших встать на карман под скалой, тяжелый гул превратился в камнепад. Словно ученики Иисуса из рассказа Леонида Андреева «Иуда Искариот» устроили камнепад посредством метания валунов с непокорных вершин. Состязаясь в силе, они «отдалили от земли старый обросший камень, поднимали его высоко обеими руками и пускали по склону. Тяжелый, он ударялся коротко и тупо и на мгновение задумывался; потом нерешительно делал первый скачок – и с каждым прикосновением к земле, беря от нее быстроту и крепость, становился легкий, свирепый, все разрушающий. Уже не прыгал, а летел он с оскаленными зубами, и воздух, свистя, пропускал его тупую, круглую тушу. Вот край – плавным последним движением камень взмывал кверху и спокойно, в тяжелой задумчивости, округло летел вниз, на дно невидимой пропасти». Грохот еще более усилился, когда в круг играющих вступил сам Иуда. Он «...отыскивал глазом еще больший обломок, ласково впивался в него длинными пальцами, обнимал его, качался вместе с ним и, бледнея, посылал его в пропасть».

Но постепенно все стихло: успокоились воображаемые школьники, природа сменила свой гнев на ясный вечер с запахами сырой щебенки и взмокшей листвы ближнего леска, кустарников барбариса и дикой алычи, подступивших к самому грейдеру, за которым была глухая чернота обрыва.

Пришли в себя женщины, перепуганные камнепадом. Глупо задержал веками Гарик, спавший вполглаза, прислушиваясь к грохоту. Рядом с ним выскочил, как чертик из табакерки, мужик с личиком хорька.

Автобус, урча, не решался сдвинуться с места, пока бульдозер – сплошь из железа черного окраса махина – не столкнет последний валун в глубокую расщелину оврага. Но вот дорога расчищена, дождь перестал, и Борис повел машину по продолжительному спуску, не уступающему по сложности

подъему. Едем. «КАВЗ» потряхивает на поворотах, лужи, всхлипывая под протекторами, разлетаются по сторонам, дворники со скрежетом смахивают со стекол последние капли дождя. Въезжаем в село Зоны, за которым пункт нашего назначения – до райцентра Советское рукой подать. Останавливаемся у Зоновского сероводородного источника – сделать по глотку целебной воды.

Подъехал на «уазике» мужчина средних лет крепкого телосложения и стал наполнять канистры водой. Всезнающий Косой Додик пояснил мне, что он начальник местной госбезопасности, употребляет воду только из этого источника...

Забегая вперед, скажу: я уже буду при деле, когда гэбист при очередном рейсе за водой задавит престарелую кассиршу райкинотеатра бабу Любу, идущую домой по слабоосвещенной улице после последнего киносеанса. Вину свалят на тракториста-дорожника, отца молодого семейства, оказавшегося не в том месте не в то время.

Сам гэбист будет застрелен абреком в горном хуторке во время облавы. Приоритет в охоте на абрека, обложенного как волк, достанется щупленькому сержанту милиции по прозвищу «Кепек» (Копейка). Он срзлит автоматной очередью скитальца, сопротивлявшегося режиму не менее полувека.

Сколько тысячелетий скажи, река, ты катишь воды свои по горным ущельям?

Сколько поколений обживали твои берега, и буйволицы, напившись росинки – живинки с трав твоих пойменных лугов, одаривали людей пенным молоком? Скажи, река. Ты помнишь все. Ты знаешь все. Тебе, как и мне, близка судьба народа – творца, народа – труженика с чистым сердцем.

Шатой! Нет слов, чтобы описать этот причудливый уголок природы первозданной, несказанной. В Шатое мое сердце. С Шатоем связаны мои самые счастливые воспоминания. Я был счастлив здесь, познав ласку первой любви, и самые неприметные места, явившегося взору красавца Шатой-града.

Под аромат цветущих лип является мне Шатой во сне белым лебедем, покачиваясь от сладкой дремы, шепчет сказки золотого детства, как когда-то в светелке Арина Родионовна – Саше Пушкину; шепчет и манит в неизведанную даль шалой, первозданной песней обвенчаться в поле с зоренькой ясной, наполняет прохладой грудь, и мне чудится – что несут меня белые лебязьи крылья славного града...

Шатой 70-х годов носит символическое название – Советское. Это крупный районный центр со школой, интернатом, райбольницей, очагом культуры, административными зданиями, с магазинами промышленных, продовольственных, хозяйственных товаров, различными управлениями... А вот и столовая с Радой Карловной и Султанбеком.

– Кому «жиги-галн», кому «жиги-галн»! – вскрикивает Рада Карловна, предлагая посетителям «жигиг-галнаш».

– Стакани! – раздается из-за буфетной стойки визгливый голос Султанбека.

Он и она с усердием выполняют свои обязанности, обслуживают клиентов без нареканий. И те отвечают взаимностью: не скандалят по пустякам, избегают пьяных драчек. А завсегдатаи следят за порядком похлеще дружинников.

Даже Гарик-дурачок здесь делается пай-мальчиком в «час-пик». Не собирает опивки и объедки, послушен, выполняет все указания Рады Карловны, подает Султанбеку подносы со стаканами, которые тот поштучно окунает в ведро с водой – моет, значит.

На лужайке возле столовой часто собираются любители потягаться силой с Гариком. Он борется, стараясь не причинить боль сопернику. Отпускает его из крепких объятий со знанием своего превосходства и восклицает победное: «Вах!» И заиграет улыбка познания и самодовольства на счастливом лице дурака.

У подножья высокой остроконечной скалы стояло кафе. Место оживленное. Рядом, по берегу Аргуна проложена грунтовая дорога – связующая нить райцентра с высокогорьем. Посетителей хватает, и туристы не прочь отведать шашлык, приготовленный на пахучих древесных углях. Могут подать к столу и наваристую похлебку со стаканом крепкого напитка или кружкой холодного пива. И Гарик обходится здесь без опивок и объедок. Его угощают заезжие гости, не прочь «остаканить» и буфетчик.

В один из дней, в полдень на самую верхотуру возвышенности опустились два грифа. Гарик полез по каменистым уступам скалы в надежде схватить хищную птицу за когтистую лапу. Сорвался. Его увезла карета «Скорой помощи», а грифы еще долго сидели на своем месте, вытянув длинные без перьев безобразные шеи, озирая манящее подножье скалы.

Перелистываю древние страницы Шатоя и каким-то внутренним чутьем ощущаю необратимую принадлежность к прошлому и настоящему этого удивительного края самобытной культуры. Всюду на территории региона высятся жилые и боевые башни. И каждая из них имеет свою историю.

Неприступные горы стали обживать издревле. Вдали от людских мест и шумных дорог селились дети солнца. Ведь в Шатое, говорят, 320 дней солнечных. Скрытые от чужих глаз горами и лесами, они выращивали урожаи кукурузы и картофеля – лакомства не только людей, но и кабанов, и медведей, пасли скот. Так и жили в окружении диких зверей, уверенные в том, что весь мир – это горы и лес, лес и горы. Каждый поклонялся своему идолу.

Смотрю на стремительный бег реки и вижу в зеркале времени прошлое и настоящее шатойцев.

На мосту, что пересекает реку Аргун, взгляд выловил опирающуюся на суковатую палку фигуру, согнувшуюся в три погибели. Показалось, что старик согнулся в поисках утерянной вещи. «Что ищешь, дедушка?» – «Себя молодого, внучек, свою молодость».

9 августа 1858 года произошла торжественная закладка Шатойской крепости на месте разоренного солдатами Куринского пехотного полка аула. Укрепление было окружено каменной стеной, протяженностью около двух

километров в окружности, занимал площадь около двадцати гектаров. В нем были расположены казармы для войск, склады, провиантский магазин, церковь, почта и телеграф. В крепости, по дороге из Воздвиженской в укрепление Евдокимовское (у селения Итум-Кали), имелись двое ворот, запиравшихся на ночь. У западной стены, за воротами укрепления, располагалось русское поселение, занимавшее около шести гектаров. Здесь же находились начальная школа, Шатойский горский суд, канцелярия участкового начальника, лавки с разными мануфактурными товарами, базар.

Цитадель Шатой напоминал шумный улей. Пришельцы выживали коренных жителей в Цугуной. Оставались только несколько шатойцев за крепостной стеной в местечке Харгичу, которые верили, что придет конец гнету...

Осмотришься по сторонам, окинешь взглядом причудливо замкнутый круг горных цепей, на ладони которых раскинулись дома моих современников, станет легко и просторно, польется ласковая песня по простору сказочной тиши, и волны Аргуна навеют вдруг воспоминания детства в сиреновой догорающей заре, но думы о времени, о величии ума и судьбах горцев оттесняют на задний план все личное, и ты весь преисполнен любовью к краю, воспитавшему в тебе самые лучшие качества человеколюбия.

Шатой! Он стоит в окружении гор. То вверх, то вниз бегут улицы этой глубинно сельской стороны. В любую слякоть грязь не задерживается на мостовых. Жаждающие влаги камни моментально испаряют осадки. От них веет прохладой. По нагорьям, живописным берегам Аргуна и притока его Верда-Эхк расположились современные дома. Во дворах звенят травы, а над ними песенно шелестят деревья. Здесь находятся не только памятники архитектуры и археологии, но и памятники, рассказывающие о борьбе горцев, о герое Гражданской войны Асламбеке Шерипове. С первых дней освободительной борьбы он связал свою судьбу с большевиками. В 1918 году вошел в состав Совета народных комиссаров Терской Советской Республики по национальным делам. В это же время избирается командующим чеченской Красной Армией. «Красная Армия не за страх, а за совесть просит послать ее на любой фронт и в любое время будет бороться с контрреволюцией», – заявил Шерипов на V съезде народов Терека во Владикавказе.

Страстные выступления прекрасного оратора и публициста не раз привлекали внимание С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе. Асламбек принимает самое активное участие в боях с белоказачьими мятежниками. Во время оккупации Терской республики денкинцами в начале февраля 1919 года он создает партизанские отряды. 11 сентября 1919 года шериповцы разгромили Воздвиженский гарнизон денкинцев. Командование белых направило на помощь гарнизону 800 белоказачков. Однако и подкрепление, понеся тяжелые потери, поспешно отступило. Вождь чеченской бедноты выполнял самые рискованные операции.

В шатойском липовом парке воздвигнут памятник вождю чеченской бедноты Асламбеку Шерипову, и когда я прихожу сюда, взглядываясь в застывшие зрачки глаз, передо мной встает его волевая фигура.

Судьба командира Красной Армии Грозного Н. Ф. Гикало тесно связана с судьбой повстанцев красного Шатоя. На лицевой стороне филиала Аргунского музея-заповедника высечены золотом слова: «В этом доме в 1919-1920 гг. размещался штаб Терской областной группы повстанческих войск под командованием Н. Ф. Гикало». В музее собраны подлинные документы, свидетельствующие о жизни и деятельности Гикало и Шерипова, бережно хранятся их личные вещи.

Плещись, Аргун, гордой и вольной волной. Поведай миру о своих сынах-богатырях. Есть, река, что-то в твоём стремительном беге нечто подобное твоим сынам, счастье которых ты баюкала и пеленала, как мать заботливая. Кто, испив хоть раз твоей воды, не возвращался опять к тебе, скажи, кто? Вот и я, припадаю к твоей живительной влаге и рождаются во мне желание быть всегда рядом с тобой. Кто, как не ты, Аргун, навевал мне поэтические образы, и я всходил на гребень твоей волны, как на поэтический Парнас? Когда постучится громко и отчаянно в висок бывшее, я прихожу к тебе.

Плещись, Аргун!

Много тысячелетий ты катишь, река, воды свои по ущельям. В глубокой древности стали обживать берега твои гордые сыны Шатоя, и волны твои донесли до нас предания, были и легенды свободолюбивого народа.

Не все еще исхожены тропы по обетованной шатойской земле. Не все сказано о горах, которых аборигены называют замками земли. Нет там еще таких дорог, чтобы они не волновали и не манили... Но пора возвратиться к своим истокам, к своему началу, сказать осознано и взволнованно: «Я вернулся в свой город знакомый до слез...» Здесь продолжится моя жизнь. Она будет и неожиданной, и горькой, и удивительно счастливой...

Поэзия

Таиса ХАДЫЗОВА

Родилась 25 января 1965 года в с. Кень-Юрт Грозненского района ЧИАССР. По окончании средней школы поступила в ЧИГПИ на физическо-математический факультет, который окончила в 1986 году. Затем работала в Кень-Юртовской СШ учителем математики и физики, также завучем по воспитательной части. В 1990-е годы работала в пединституте: методист, преподаватель кафедры ПМНО, начальник в пединституте.

Писать начала рано. Первые поэтические строки родились в 12 лет. В редакцию обратилась в 21 год, после ВУЗа. Стихи были одобрены редакцией и опубликованы в газете «Заветы Ильича». Публиковалась также в газете «Комсомольское племя», в литературной газете «Вост». Входила в клуб молодых поэтов «Прометей», руководителем которого был известный поэт Саид Идрисович Чахкиев. В 2002 году выехала в Европу с семьей. Продолжает заниматься творчеством. Помимо поэзии, увлекается прозой, публицистикой, афоризмами. Стихотворения в переводе на польский язык были опубликованы в Польше, (г. Ломжа), а также в Австрии (г. Инсбрук). Успела поработать в немецкой школе учительницей чеченского и русского языков. В данный момент проживает в Австрии, в городе Инсбрук.

Мне снилась осень

Мне снилась осень, снилась непогода:
Ты – мокрый, без зонта, один стоял.
Вела к тебе тернистая дорога,
Сулящая мне радость и печаль.

А счастья шквал во мне самой запрятан –
Скорей ладонь желаю протянуть!
И я тянусь... и отхожу обратно –
Боюсь в лавине чувства утонуть...

Да, радость – хорошо, а счастье – лучше.
Но неизменно следует печаль...
Коварно солнце заслоняют тучи.
И обреченно слышится: «А жаль!»

Ни к чему нам слова

Ни к чему нам слова:
Все равно не поймешь.
Ведь слова – что трава,
Отцветут – не вернешь.

Нам слова ни к чему,
Ведь слова – это ложь.
Отчего, почему
Слышна в голосе дрожь?

Слов не надо совсем –
Все нам ясно и так.
Расстаемся теперь –
Я привыкну терять!

Женщины

Женщины – изящные создания!
Сочетанье строгости, тепла...
Им присущи смелые мечтания,
Им присущи добрые дела.

Нет на свете некрасивых женщин –
Каждая, по-своему, мила!
Нет на свете нелюбимых женщин –
Каждая достойна и нужна.

Нет на свете женщины счастливее –
Дарящей любовь и жизнь другим.
Нет на свете женщины красивее –
Если с нею рядом муж и сын!

Моя Чечня

Чечня моя! Отчизна дорогая!
Я устремляю светлый взор к тебе.
И обещаю, что высокой данью
Я оплачу внимание к себе.

Я ощущаю ласку и заботу,
Поддержку и участие в судьбе.
Ты, подарив любимую работу,
Как будто крылья подарила мне!

Спешу с утра туда я и мечтаю,
Что каждый день полезным станет мой:
Что в детях патриотов воспитаю –
Для Родины любимой, дорогой!

Моя Отчизна, я горжусь тобою!
Ты на глазах растешь и вширь, и ввысь...
Хочу своим трудом, своей судьбою –
Твоею каплей животворной быть.

Работать от души, не по расчету.
Работать, не жалея нервов, сил...
Чтоб добрым людям ты не знала счету,
Чтоб каждый честным гражданином был.

Чтоб наша жизнь еще прекрасней стала,
Чтоб зацвела еще сильнее Чечня!
И я для этого трудиться не устану –
Ведь это долг мой и судьба моя!

Любимому

Мне желанна встреча с тобою,
Ведь тобой одним я живу.
Я довольна своею судьбою –
Тем, что счастлива,
Тем, что люблю.

Ты мне даришь покой и счастье,
Вдаль уносишь ненастье и грусть.
Поняла: настоящее счастье –
Это тоже нелегкий труд.

Это вечно душа в движении,
Это легкий, пьянящий дурман.
Это нежность и вдохновение,
Это дерзость, а не обман.

Это взгляды, что отражают
Трепет сердца, уносят покой...
Мыслей россыпь в небе витает,
Сердце рвется всегда быть с тобой

В легком ветра прикосновении
Ощущаю ласку твою.
И мне кажется, на мгновение,
Что с тобою рядом иду.

Ощущаю тебя повсюду:
В звездах, роще, везде и во всем.
Обнажая камней белых грудь,
Речка плавно несет образ твой.

Вижу ясно твое отражение,
В чистом воздухе, в речке той...
И не раз мое вдохновение
Вызывается только тобой.

И идут, и бегут мои строки,
От лучей пронзающих грудь –
Где любовь на долгие годы
Обрела свой желанный приют.

Вдохновение

Вдохновение, мое вдохновение!
Ты внезапно приходишь ко мне.
Как волшебное дуновение
Шалуна-ветерка на заре.

Мысли легкие, мысли нежные –
Их немислимый танец вокруг.
И ликует душа мятежная
В ритме этих сладостных мук.

Напишу о любви и о времени,
О былом и грядущем скажу.
Не ищу я тебя, вдохновение,
А с надеждою тайной жду!

Разлука

Тот вечер летний нам
 принес ненастье.
Разлука долго обходила нас.
Мы предавались чувствам
 нашим ясным,
Но все же расставания пробил час.

Ты не скрывал печаль свою нагую.
И я с тоски сняла свою вуаль.
В последнюю минуту роковую
Прощанья миг навеки нас связал.

В плену у грусти,
 не боюсь забвенья.
Избавиться совсем не тороплюсь –
Есть силы, чтобы выбраться
 из плена –
Но без тебя предпочитаю грусть.

Теперь у нас и врозь одна дорога.
Прощальный миг тревожен,
 словно зов.

Пусть бьет разлука в
 колокол тревоги –
Но ни за что ей не сломить любовь!

Поздняя осень

Поздняя осень. На улице темень.
Дождь барабанит по
 крышам угрюмым.
Радуге лета явившись на смену,
Грусть увядания души волнует.

Горестным стало наше прощанье –
Неодолимые стены воздвигло.
Осень, дождливый свидетель свиданья,
Влажными листьями к окнам приникла.

Наше прощанье далось нам непросто –
Груз ощутили мы тяжелого бремени.
Я оказалась в судьбе твоей гостьей.
Ты в моей жизни –
 спутником временным.

Матери

Мне счастье давалось легко –
Мне с первых попыток везло.
Но дальше... как будто назло,
Мне горе в напарники шло.

И радость мою остудив
Под тонкой прозрачною кожей –
Оно оставляло без сил,
Наплывами память тревожа.

Мне в жизни везло, так везло!
Потом наступало затмение –
Какое-то черное зло
Меня обступало мгновенно.

Хотелось от горя бежать,
Уйти, потеряться, забыться –
Но тут вспоминала я мать,
И не было сил уже злиться.

Меня не страшит ничего,
Коль рядом любимая мама.
Ведь жизнь нам дана для того,
Чтоб биться за счастье упрямо!

Голоса друзей

Миясат Муслимова

Дагестан

Поэт, переводчик, литературный критик. Председатель дагестанского отделения Союза российских писателей, Президент Клуба писателей Кавказа. Автор 10 поэтических сборников «Ангелы во крови»(2006), «Наедине с морем»(2009), «Диалоги с Данте» (2010), «Ангел на кончике кисти» (2011), «Камни моей родины» (2014) и др. Автор книг переводов с лакского языка («Парту-Патима», 2009), аварского (А. Сулейманов «Заветное слово», 2017, Адалло «Наследие огня», 2019). Стихи переведены на итальянский, греческий, грузинский, осетинский, лакский, белорусский, балкарский, азербайджанский языки. Публиковалась в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Дружба народов», «Сибирские огни», «День и ночь», «Дарьял», «Бег», «Дети Ра», «Русский глобус», «За-за», «Луч», «Крещатик», «Южное сияние», «Вайнах», «Неман» и др. Победитель международного литературного конкурса «Золотая строфа-2010», Волошинского конкурса в номинации журнала «День и ночь», победитель журналистского конкурса «Золотое перо России» (2013), победитель конкурса «Эмигрантская лира» в номинации «Неоставленная страна» (2015), лауреат республиканской премии им. Расула Гамзатова и др.

Шейх

Мой будущий отец Шейх
 родился в этих горах,
 но день его рождения не известен никому,
 потому что он определялся по времени
 поклонения земле, принимающей семя
 или возвращающей его плоды.
 Тогда не было деления мужчин
 на мальчиков, юношей и зрелых джигитов.
 Натянутая тетива их тел
 была облечена в черкески,
 кинжалы самых бедных горцев
 были дороже всего, чем они владели,
 а их черные папахи бросали вызов облакам.

Когда время пришло в горы,
 черкески стали исчезать,
 кинжалы, призванные защищать честь
 и напоминать о цене слова и поступка,
 оказались врагом цивилизации,
 признающей силу безликих

или право пальца на кнопке чемоданчика,
право тех, кто прячется за силой бомб,
разрывающих чрево земли,
или сдувающих жизнь с планеты
невидимым ветром, выпущенным из пробирок.

Люди благоразумно подчинились времени,
но Шейх был упрям до безумия,
как считали люди,
поэтому он никогда не расставался
с черкеской, кинжалом и белой папахой,
по которой его все узнавали.
Он часто уходил выше гор,
потому что его гордыня не позволяла наклониться к земле,
чтобы вспахать ее.
Он выбрал себе ремесло царей
и пас овец в небесных облаках,
шагая с посохом по краю бездн,
которым он был так же предан,
как своим отарам и облакам.

Когда время несколько раз вынуждало его
спуститься в село,
из-за неумения быть другим
он попадал за решетку,
и незнание русского языка
и неукротимый нрав
оставляли его там надолго.
Там он томился много лет,
увезенный в город за пределами Кавказа,
но никогда за все те годы
его душа не смогла научиться
ломать себе хребет,
а если его ломали другим,
он разбивал вдребезги зло
и потому до смертного часа
оставался на плоской и лысой земле,
загнанной в клетку.

От рождения и до поздних седин
его не было в моей жизни.
Но теперь, когда проводы братьев
ведут меня к родовому кладбищу в Убра,
я все чаще вижу в обители Вечности
над вершинами Турчидага
всадника в белой папахе,

проплывающего за тонкорунными облаками.
Его холодное от снегов тело звенит, как тетива,
его преданный конь так же не касается земли,
его снежная бурка летит над руинами Убра,
которое, как бы ни старалось,
не смеет разрушить время.

Когда я,
обласканная в городе временем,
встречаю людей, не помнящих вершины Дома
и облюбовавших серпентарий,
я с удивлением чувствую,
как во мне просыпается неведомая сила,
опасная для меня самой,
и когда я пытаюсь подавить ее,
подняв глаза к небесам,
тень вечного всадника
в белой папахе
напоминает мне
Имя моего отца
и не оставляет пути к отступлению.

Платок

Когда уходит мама,
полутона или забытье ушедшего
вдруг проступают на полотне сегодняшнего дня
и открывают двери в тайники,
которые всегда были распахнуты,
но яркий дневной свет жизни
мешал нам увидеть то,
о чем мамы не умели или не хотели говорить.

Когда уходит мама,
по обычаю надо раздать ее вещи.
Я раздала все,
но когда в моих руках
оказалось несколько ее платков,
время сначала остановилось,
а потом развернулось так,
что я оказалась в старом деревянном домике,
сползающем с высокого берега в реку.
Пока мама придет с работы,
мы с братом и сестрой весело прыгали,
раскачивая хибарку и надеясь немного полетать в ней,
оказаться рядом со школой,

куда нас, может быть, заберут,
как Филипка из любимой детской книжки.
Иногда, когда хозяева дома во дворе,
называвшие нас квартирантами,
куда-то уходили,
мы через щели запертой двери
смотрели, как их огромный пес Аргут
рвется с цепи у нашей двери.

Мама приходила с работы вечером,
и ее красивое строгое лицо было сурово.
Она носила темные большие платки,
перебрасывая их длинные концы с кистями за плечи.
Дома она завязывала косынку
и начинала таскать дрова и уголь,
топить печь, очищая от золы,
носить воду из крана на соседней улице.
Потом она шла за керосином,
вынимала длинные лампы из стеклянной связки,
а мы смотрели, как робко вспыхивает фитилек
и начинает густо дымиться,
бросая большие тени на стены.
Когда удавалось увидеть маму без платка,
я смотрела на ее тяжелые косы до пояса,
которые она быстрым движением завязывала в узел,
и понимала, что она молода,
а это большая тайна.
Наверное, платок защищал ее от молодости.

В моем детстве
в каждом доме были сундуки.
Я долго стеснялась их,
считая признаком отсталости,
и мечтала, чтобы они исчезли из нашего дома.
Сундуки были расписные,
с алыми цветами на черном фоне.
О, этот сундук нашего детства!
Сколько печалей он доставил мне
и сколько радостей маме.
В этом пустом сундуке на дне
было самое дорогое мамино богатство –
несколько больших платков с кистями:
Один синий-синий из тончайшего шелка,
другой – кипенно-белый
и еще один поплотнее со сказочными большими цветами.
Мама знала, какой платок кто и когда ей подарил,

особенно ценила она свадебный платок
и тот, что достался от мамы и бабушки.

Когда она брала их на руки,
ее лицо светлело,
суровость лица исчезала,
и хотя улыбка была печальна,
она была!

Когда она набрасывала яркий платок на себя,
я делала вид, что не вижу,
потому что мама оборачивалась на нас,
и только убедившись, что мы не смотрим на нее,
поворачивалась перед зеркалом
и удивленно смотрела на себя другую.

Платок говорил о жизни,
в которой много красок и радости,
и эту радость надо было передать дочерям,
их будущей судьбе.

Поэтому мама любовно складывала платки в сундук
и говорила, что по нашим обычаям,
чтобы достойно отдать дочь замуж,
надо собирать платки в приданое с рождения:
они так дороги, а нужно раздать всем будущим родственницам
и сложить дочери в подарок.

Мамины трудовые бессонные дни и ночи,
наши некупленные детские радости –
все это яркие, как райские птицы, платки,
шелковые шали, перебираемые ею ночами,
струящиеся меж пальцев и шепчущие ей о том,
что знает только она.

Она носила клетчатые серые платки,
и я помню, как в 40 лет на улице ее назвали «бабушкой»,
и она не обратила внимания,
а белые, синие, алые шали
и розы на павлово-посадских платках
ждали свадебного дня дочерей.
Вот почему я возненавидела эти платки.

В новой для нее городской жизни
менялось отношение ко многому,
а она оставалась собой.

В моем гардеробе никогда не было платков,
но когда я теперь перебираю самое ценное,
что есть в моем доме,
под бликами солнца на кашемировом плато

вспыхивают гирлянды цветов,
ветвятся яблоневые сады,
а кисти полыхают как гривы сказочных скакунов.
И я прячу их,
чтобы капля горечи и тоски не обожгла случайно
эхо другой жизни.

Как Он терпелив

Над странной загадкой села
я бьюсь уже много лет.
Мы покинули горы,
когда мне было пять,
а маме около тридцати.
Ей было более восьмидесяти,
когда за ней пришли тени ее родителей.
Все эти годы мы счастливо жили вместе
в абсолютно параллельных мирах.
Она говорила только на лакском языке,
слушала народные песни с таким же трепетом,
с каким прикасалась к страницам Корана,
каждый четверг пекла лепешки,
чтобы накормить души ушедших,
и несколько раз в день после трапезы
долго называла, склонившись над ладонями,
имена ближних и дальних,
передавая им частицу и запах еды.

Мир мамы мне казался архаичным,
но вполне органичным для нее.
Я же говорила только на русском языке,
слушала Моцарта и Баха,
жила судьбами героев русской литературы,
не умела готовить лепешки
и не знала имен,
которые перебирала моя мама,
склонившись над четками своих молитв.
Она никогда не пыталась меня изменить,
а умирая, попросила об одном:
беречь хлеб.
После ее ухода я каждый четверг
пеку лепешки.
Правда, они еще не настолько хороши,
чтобы я могла раздавать их соседям,
но у меня есть время научиться.

Я поминаю ее имя,
смазывая горячую лепешку маслом,
и вдруг спохватываюсь:
как же она сможет утолить голод перед теми,
кто ее встретил после долгого ожидания?
И я поминаю ее маму, отца,
а ведь у них свои родители!
Я с трудом припоминаю их имена,
но с каждым последующим поминанием
сквозь цемент памяти
пробиваются новые и новые тени,
и я понимаю, что маме не будет там покоя,
пока я не вспомню имена всех, кто на том берегу.

А однажды меня как ударило током:
я ощутила дыхание тени своего отца
и его горечь.
Я помянула Шейха –
то, что он не существовал с детства в моем воображении,
не значило, что его можно обделить.
А вслед за отцом склонили головы тени его братьев,
и с каждым разом число теней росло,
а память, не зная устали,
поднимала надгробные плиты тех,
кто был стерт из моей жизни еще в младенчестве.
Так моя жизнь с каждым днем наполнялась новыми именами.
Истлевшим именам,
вызванным к жизни,
не было конца,
и бремя их ожиданий росло с каждым днем,
как и бремя моего долга,
потому что без этого сонма благодарных теней
радость моей мамы была бы неполной.
Как-то я подумала,
что я внушила себе все,
и надо бы ограничить этот перечень,
чтобы не отнимать время у своей жизни,
но на другой день
мне позвонила знакомая учительница лакского языка,
не знавшая моей семьи,
и сказала, что ей приснился сон:
она поднималась ко мне в гости,
и рядом с ней оказалась статная седая женщина.
Когда я открыла им двери,

я назвала ее «бутарси»*
и стала оправдываться.
«Ажай ушла, и теперь ты должна всем все», –
с этими словами она ушла.

«Что это за сон, я не пойму», –
удивлялась учительница.
А я с ужасом вспомнила,
что это моя любимая тетя,
воспитавшая троих сирот.
Как я смела забыть о ней?
За спиной мелькнула тень ее мужа,
доброе сапожника Мажида,
и память, исправляя свою оплошность,
поднимала другие имена,
ушедшие в глубины земли,
и я, с трудом нащупывая правильные звуки,
невольно переходила на родной язык,
разговаривая с Богом в своих молитвах.
Так я угадывала, чего он хочет от меня.
Пусть мой язык был еще неправильным, корявым,
но я понимала его спокойствие.

Нет, мой мир не распался:
в него вошло все то,
что казалось раньше наивным
и отставшим от времени.
И смерть, и жизнь –
это лишь средство сохранить наши корни,
идущие от затерянных в облаках сел.
Я не знаю, как связаны их руины
с судьбами наших матерей,
но хорошо знаю,
как умеют ждать мамы,
как бездонны их миры,
и как терпелив Бог,
ожидающий нашего возвращения.

Шепот

Так выпуклы вещи в ночной тишине,
Так тени причудливо – близки...
Качается тополь в открытом окне,
Бросает в окошко записки.

* Бутарси (лакск.) – «папина сестра» дословно.

Они холодны от прошедших дождей,
Слетают на стол отрешенно.
Здесь ветер дыханья любимых нежней,
И звезды в ночи обнаженной.

И шепотом губ я о счастье пишу,
К Нему этой ночью взываю.
Спасибо за то, что в стихах ворожу,
Ищу и блуждаю по краю.

Спасибо за то, что язык Твой велик
И в каждом творении звучен,
За замысел тайный, за солнечный блик,
За мед ожиданья тягучий.

Так трепетно утром день снова расцвел,
Но мне Ты дал участь иную.
За то, что всю жизнь к этой ночи Ты вел,
Я плачу от счастья, ликую.

Мой шепот неслышен, я плачу тайком,
Медсестры заснули устало,
И тополь печально шумел за окном,
И смерть, как сиделка, картинку листала.

Ты думаешь любовь

Ты думаешь: любовь. Нет, синева
За очертаньем плеч и под луной,
Не шепот губ, а темная листва
И ветер в ней над нашей головой.

Ты думаешь: любовь. Нет, просто прядь
Сбивается от ветра невзначай.
Пока я буду молча поправлять,
Не спрашивай и мне не отвечай.

Ты думаешь: любовь. Нет, тишина
И шум прибоя, Каспий за спиной.
Вздыхает ночь, пуглива и нежна,
И накрывает медленной волной.

Память

Ризван Мидаев

Ризван Салманович Мидаев (1961 – 2018). Родился в г. Грозный. В 1978 году окончил Мокро-Гашунскую СШ №7. В 1989 г. окончил Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт (по специальности «Экономика и организация водного хозяйства»). Работал архитектором, участвовал во многих проектах по строительству разных объектов г. Грозный.

Судьба ветерана

Очерк

В годы Великой Отечественной войны народы нашей страны совершили беспрецедентный в истории подвиг, разгромив вооруженных до зубов гитлеровских агрессоров, и спасли тем самым все человечество от фашистской опасности. На советско-германском фронте было разгромлено 607 дивизий Третьего рейха и его сателлитов, тогда как англо-американские войска в Северной Африке, Италии и Западной Европе разбили 176 дивизий противника. Далась эта победа ценой огромных потерь, усилий и неимоверного героизма советского народа, проявившего массовый героизм солдат, офицеров на фронтах Великой Отечественной войны, а также рабочих, крестьян и интеллигенции, ковавших оружие для нашей армии в тылу. В этой общей массе были конкретные судьбы людей, одним из которых и является Баймурадов Вахид Баймурадович.

Баймурадов Вахид родился в 1912 г. в селение Устаргордой (нынешний Аргун). Жил, трудился на благо Отечества, обзавелся семьей, растил двоих детей. Имел друзей, среди которых особенно близким был Солтаханов Сайд-Селим. Но тут грянула Великая Отечественная война, и Вахид Баймурадович не смог остаться в стороне, когда случилась такая беда. 1 августа 1941 г. добровольцем ушел на фронт. Воевал в частях Красной армии, прошел славный боевой путь, участвовал в обороне Севастополя, в освобождении Белоруссии, Польши, Праги, штурмовал Берлин. И закончил войну участием разгрома Японской Квантунской армии. Был на его боевом пути и период нахождения в лагере для военнопленных.

В 1943 году, во время передислокации П4 войсковой части, в которой служил Баймурадов Вахид, на станции, куда прибыл их эшелон, началась бомбежка эшелонов, и солдаты прыгивали с вагонов, чтобы укрыться. Выпрыгивая из вагона, Баймурадов Вахид узнал в одном из бойцов своего друга детства Солтаханова Сайд-Селима, и в этот момент рядом с Солтахановым упала бомба и его засыпало землей. Сам Баймурадов получил множественные осколочные ранения. Придя в себя, он начал откапывать товарища с помощью штыка, не сознавая, что сам он ранен. Сайд-Селим Солтаханов оказался живым. Взвалив его на себя, он тащил его несколько километров до медсанбата, сдал в медсанбат

и хотел вернуться на передовую, но врач, увидев его кровоточащие раны, сделал перевязку ран Баймурадова. После чего, несмотря на свои ранения, он ушел на передовую, так как там шел тяжелый бой, хотя и мог остаться в медсанбате.

На передовой из-за потери крови он потерял сознание и в этом бессознательном состоянии попал в плен. До того, как его увидели немцы, находящиеся рядом солдаты сняли с него гимнастерку с боевыми наградами и закопали ее (солдат, награжденных орденами и медалями, немцы расстреливали на месте). Очнулся в немецком госпитале для раненых военнопленных, где были только французские, английские пленные. Врач прооперировал его без наркоза, во время удаления осколков он не издал ни одного стога. За что немецкий врач проник к нему симпатией и старался как можно дольше удержать его в расположении госпиталя. Однажды в госпиталь нагрянула гестаповская инспекция, и Вахид Баймурадович, истосковавшись по разговорной речи на родном чеченском или русском языке, сам попросился, чтобы его выписали из госпиталя и отправили в лагерь для военнопленных.

Надо сказать, что тема пленения — это боль всех военных, прошедших фашистскую неволю, которая долгое время была закрыта для обсуждения и исследования, а сами бывшие военнопленные стали изгоями общества. Их лишали боевых наград, пособий и статуса защитников Родины. Плен для многих являлся тяжелым испытанием. Красная армия понесла большие потери в начале войны. За первые шесть с половиной месяцев войны, согласно данным сводки немецких штабов, они составили 3,9 млн., среди них 15,2 тыс. офицеров. Погибло много воинских соединений, остатки частей пробивались к своим, другие уходили к партизанам.

Немало из них попадало в плен из-за ранений, отсутствия оружия и боеприпасов. Положение советских военнопленных было очень тяжелым, так как СССР отказался подписать Женевскую конвенцию (1929 г.) о нормах международного права в отношении военнопленных. Поэтому фашисты утверждали, что нормы международного права не действуют в отношении советских пленных.

Правительство СССР утверждало, что у него нет военнопленных, а есть только предатели и изменники Родины, нарушившие воинский устав и присягу, запрещающие сдаваться в плен. Был издан приказ наркомата обороны № 270 от 16. 08. 1941 г., согласно которому семьи попавших в плен политработников предписывалось арестовывать, а семьи рядовых воинов лишались государственной помощи. Сдача в плен приравнивалась к измене Родине и каралась расстрелом.

В лагере Баймурадов Вахид встретился с Солтахановым Сайд-Селимом, который тоже оказался в плену. Благодаря протекции оперировавшего его немецкого врача, Баймурадова вместе с другом определили для работ на кухне. По мере возможности они выносили продукты для военнопленных, хотя это было связано со смертельным риском, так как за малейшую провинность наказанием был расстрел. Во время выноса продуктов Солтаханов заметил часовой, и он нанес ему удар прикладом по голове. Находившийся в этот момент рядом Баймурадов ударил часового, чтобы тот не добил вторым ударом его друга, за что и был приговорен к расстрелу.

Вахид Баймурадович был высоким, хорошо сложенным, с рыжей копной волос

Баймурадов Вахид

человеком, он шел к месту расстрела так быстро, что расстрельная команда за ним не поспевала. Это заметил немецкий офицер высокого ранга, являющийся начальником лагеря, и спросил о причине вынесенного приговора Вахиду. Офицер приказал привести его к себе и спросил, почему он ударил часового. Вахид Баймурадович немного владел разговорным немецким, и он ему ответил:

– Человек, которого ударил прикладом часовой, является моим братом, а в традициях моего народа не ответить считается позором.

Офицер спросил, какой он национальности.

– Я чеченец, – ответил он.

Немецкий офицер долго думал, затем спросил:

– Черкес, лезгин, калмык?

Баймурадов Вахид снова отвечал:

– Нет, я чеченец.

Тогда офицер достал вырезку из газеты, на которой был изображен танцующий лезгинку горец и спросил:

– Ты из этих?

– Да, – ответил Баймурадов.

Офицер сказал:

– Я дарю тебе жизнь, но впредь так не поступай.

Жить в лагере Баймурадов Вахид не собирался. Он тайно, вместе со своим другом Сайд-Селимом, решил подготовить побег, но в бараке скрытно от других сделать подкоп было невозможно. Собралась группа из 30 человек, решившаяся пойти на побег, но, когда подкоп был готов, бежать решилось только 12 человек, среди которых был военный летчик, старший лейтенант Николай Горбунов. Уже за колючей проволокой охрана обнаружила убегающих пленников и открыла по ним ружейно-пулеметный огонь, а затем к ним подсоединились и минометы. И здесь им помогла выучка ст. лейтенанта Николая Горбунова, который командовал в перерывах между разрывами мин, когда ложиться, а когда бежать вперед.

Во время ухода от преследования, при переправе через реку, они потеряли двоих товарищей убитыми и одного раненым. Раненого они переправили через реку и по его убедительной просьбе оставили его, предварительно уничтожив все следы, замаскировав место его нахождения, забросав ветками и листьями. Они оставили ему еды из своего скудного запаса, который они откладывали, недоедая свой лагерный паек (они считали его погибшим, но много лет спустя после войны, он нашел Баймурадова Вахида. При их встрече было столько непередаваемых эмоций, будто встретились два брата после долгой разлуки). Через два месяца скитаний по тылам врага, во время которого они питались корешками, мертвечиной, а при нахождении картофельных очисток считали их праздничным угощением. Они оказались на прибалтийской земле. Выйдя из леса, они увидели Красное знамя, висящее на фасаде дома, очень обрадовались, что вышли к своим. Однако, увидев немецкую технику и услышав немецкую

речь (по всей видимости, нашим пришлось оставить эту местность совсем недавно), спрятались в кустарнике. Увидели проходящую мимо местную жительницу и тихо подали ей знак, но она прошла мимо, как будто ничего не заметила, а затем незаметно для них подошла сзади. Из общения с ней они поняли, что пробраться к своим они могут только через болото. Местная жительница обещала прислать к ним сына и немного еды. Сын оказался мальчиком лет шести-восьми, он и провел их через болото.

Попав в расположение передовых частей Красной армии, они были задержаны как дезертиры или вражеские диверсанты. В рассказ о побеге из лагеря никто не верил, так как он считался лагерем смертников, из которого побег невозможен. После расследования командование убедились, что они действительно сбежали из лагеря военнопленных. Их спасло от смерти то, что Вахид Баймурадович с лета 1943 года считался без вести пропавшим. И его воинская часть подтвердила, что есть такой солдат, числится без вести пропавшим, да и поверили скорее всего словам ст. лейтенанта Николая Горбунова больше, как офицеру Красной армии. После чего им выдали паек, обмундирование и выделили время отдыха, чем они воспользовались, проспав беспробудно трое суток.

По истечении трех суток Баймурадова Вахида и Солтаханова Сайд-Селима вызвали в штаб и спросили у них, хотят ли они воевать дальше или поедут домой, на что они ответили, что будут воевать до полной победы. Не поняли они тогда, почему им был дан такой выбор, не знали о том, что их родные были выселены. Баймурадова и Солтаханова зачислили солдатами в пехотную воинскую часть, в составе которой они приняли участие в освобождении Варшавы, Праги, взятии Берлина. И в августе 1945 года перебросили на Дальний Восток, где они приняли участие в разгроме Квантунской армии.

Демобилизовался Баймурадов Вахид в 1946 году. Вернувшись в родное село, он не застал там ни родных, ни близких – тогда и узнал о выселении чеченцев и ингушей в Казахстан и Киргизию. Боевой путь Баймурадова Вахида, пройденный после побега из лагеря, не отмечен боевыми наградами, так как клеймо бывшего военнопленного, долгое время считавшихся трусами и предателями в СССР, не давал возможности командирам представлять их награде. Да и после 1943 года военнослужащих национальностей, причисленных к врагам народа, старались не награждать. О своих наградах, закопанных вместе с гимнастеркой перед пленением, не любил вспоминать и на предложение родственников обратиться в архивы Советской армии с целью восстановления этих наград отвечал отказом.

6 мая 1985 года, незадолго до смерти, Баймурадов Вахид был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени и медалью «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». Умер Баймурадов Вахид Баймурадович в августе 1985 г. Сведения о нем занесены в книгу памяти, изданную Архивным Управлением Правительства Чеченской Республики об участниках ВОВ, ушедших на фронт из нашей республики.

Таких судеб, как у Баймурадова Вахида, тысячи. И о них ничего не известно на сегодняшний день, мы рассказали о боевом пути одного из героев. Молодое поколение должно знать и гордиться подвигами людей, ковавших победу в Великой Отечественной войне.

Память

Бауржан Утепов

Казахстан

Сержант Узуев

*Памяти Героя России, защитника Брестской крепости,
заместителя командира учебного взвода 333 стрелкового полка,
сержанта Узуева Магомед Яхьяевича.*

В зените солнце, летняя жара –
Последний мирный день ушел вчера.
Нет признаков вчерашней тишины –
Так начинался первый день войны.

Кругом фашисты, на штандартах крест.
В кольце врагов осталась крепость Брест
И черным дымом застлан белый свет –
Среди бойцов Узуев Магомед.

Враг окружил его учебный взвод,
Где бастион Терёспольских ворот.
Повел бойцов в атаку Магомед –
Иных путей не может быть... и нет.

И для него теперь уж не секрет –
Живым из боя выйти шансов нет,
Родных он не увидит больше гор,
Когда в него МГ строчит в упор.

Перед глазами враг, а в мыслях дом.
Он твердо знает: жить не будет в нем.

Не возвратиться в милые края,
В Итум-Кале, где ждет его семья.

Не будет звона горного ручья,
И не прижмет к груди отец Яхья,
Не встретит с угощениями мать –
Как страшно это все осознавать!

Себя обвешав связками гранат,
Рванулся в гущу вражеских солдат –
Вот так ушел в бессмертие Вайнах,
Раздавшись эхом в крепостных стенах.

С тех пор промчалось восемьдесят лет,
Но жив в сердцах чеченцев Магомед,
Он стал легендой – жертвуя собой,
Приняв свой первый и последний бой.

Погранзаставу, улицы назвать
Решила в его честь Россия-Мать.
И в памяти народной добрый свет –
Герой, сержант Узуев Магомед.

Муса Арсанукаев

Воспоминания об Африке

Путевой очерк

I часть

Далекое нам кажется странным и невероятным, пока не убедишься, как оно выглядит на самом деле, пока не встретишься с ним воочию. А когда увидишь его и поймешь, что твои представления о нем были совершенно другими, ты понимаешь, как мало ты знаешь об этой земле и людях, на ней живущих. Такой неведомой землей для меня оказалась Африка.

Она мне всегда казалась недосягаемой, удивительной и сказочной землей. И даже во сне не мог себе представить, что я когда-нибудь там побываю. Но сколько неожиданного мы встречаем в своей жизни! «Жизнь любопытна», – говорят португальцы. Но об этом попозже.

Время стирает мои первые впечатления об Африке, удаляет увиденное, лица людей покрывает тенью забвения. Но даже время не властно стереть все полностью. В сердце навсегда остаются мысли об этом удивительном континенте, ты представляешь себе картины его природы, слышишь разные голоса. На самом деле все это было волшебно, как в сказке.

У меня был долгий путь в Африку. Прошло несколько лет, прежде, чем я туда отправился. Наконец в сентябре 1990 года мне удалось все же туда поехать.

Мы в группе с преподавателями из разных регионов Советского Союза прошли через «жернова» Шереметьевского аэропорта и сели в самолет, летящий в город Бисау, в столицу Республики Гвинея-Бисау, где должны были работать в школах этой страны.

В то время СССР оказывал гуманитарную и экономическую помощь освободившимся от колониального странам Африки. В них работали преподаватели, врачи, инженеры, геологи и другие специалисты из нашей страны.

Наш самолет был чартерный и летел через аэропорты нескольких стран. Из Москвы он полетел в Будапешт, оттуда в Касабланку – затем в Нуадибу и, наконец, в Бисау. Это был достаточно долгий путь, и в Бисау мы прибыли через 12 часов полета. Когда наш самолет стал снижаться, я выглянул в окно: были видны леса, вода, острова. Дикая природа, красная земля – перед глазами невиданная ранее картина. Многие мои коллеги не в первый раз летели в Бисау. Они уже отработали здесь, кто год, а кто и два – все, что было внизу за иллюминатором, им было уже знакомо и не вызывало восторженных эмоций. Для нас, новичков, они были своего рода экскурсоводами.

Бисау – это столица молодого развивающегося государства Гвинея-

Бисау, расположенного в западной части Африки, рядом с Гвинейским заливом. Это портовый город у океана, лежащий в месте, где крупная река Жеба впадает в Атлантический океан. Город не очень большой, он похож на многие города континента, в нем нет крупных заводов, фабрик, и высоких многоэтажных небоскребов. Но все же это один из красивых городов западного побережья Африки.

Долгое время Гвинея-Бисау была колонией Португалии. После многолетней борьбы с колонизаторами народ этой страны в 1974 году получил долгожданную свободу. К власти пришли патриоты страны, которые сразу стали восстанавливать разрушенную войной экономику, социальную и культурную сферу. Гвинейцы всегда жили в нищете и угнетении, пока находились под гнетом колонизаторов. На этой земле никогда не было развитой промышленности, нефти и газа. Гвинея-Бисау была аграрной страной и жила за счет продуктов земли.

Португальцы вывозили из страны красное дерево, фрукты, экзотических зверей, животных и рабов. Невольников называли «черным деревом». Их продавали в Европе и Америке для работы на плантациях и на других тяжелых работах.

Когда в этой стране произошла революция, руководство СССР решило взять гвинейцев «под защиту», как и другие освободившиеся страны, чтобы направить их на «единственно верный социалистический путь развития». Но вскоре Гвинея-Бисау встала на свой путь развития, коммунистические идеи ей пришлись не по вкусу. У страны установились партнерские отношения со странами Европы, Азии и Америки.

К тому времени, когда нам довелось приехать в эту страну, отношения между странами были уже весьма прохладные. Первого президента Гвинеи-Бисау, Амилькара Кабрала, который заключил со Страной Советов долгосрочные братские коммунистические отношения, не было уже в живых. И отношения тоже потихоньку себя изживали. Как выяснилось год спустя, Советский Союз тоже собирался кануть в вечность, так и не достигнув мечты всех прогрессивных и не очень коммунистов – светлого будущего.

Аэропорт в Бисау не очень большой, но удобный. Он одноэтажный с большими и светлыми залами. Его построили в свое время португальцы, видимо, по образцам европейских аэропортов 40-50 годов.

Как только мы вышли из салона самолета, нас охватил душный и влажный тропический зной. Ощущение не из приятных. Представьте, что вы со своей ручной кладью и в одежде зашли в парную баню. Да, пришлось немного постоять на солнцепеке градусов эдак 45 и выше. Но затем мы зашли в здание аэропорта, в таможене без особых проблем нам поставили отметку о прибытии в Гвинею-Бисау, и затем мы пересекли границу страны в этом же здании. Ну, здравствуй, Африка, долгожданная и неведомая! Как же я мечтал попасть в твои волшебные края!

В аэропорту нас встречали чиновники из советского посольства и торгпредства. Поприветствовав нас и постояв для приличия некоторое время, они срочно отправились по неотложным государственным делам.

Мы загрузили свой багаж на несколько машин, которые приехали за нами, и отправились в столицу страны – Бисау.

Аэропорт был расположен достаточно далеко от города. Наша машина – советский «Рафик» – мчалась по широкой и ровной дороге. Мы, кто был впервые в Африке, не отрываясь, наблюдали за природой по обе стороны дороги. Высокие пальмы, незнакомые деревья, удивительно высокая трава в саванне, какие-то холмы из красной глины. Как оказалось, это термитники – холмы, созданные крупными муравьями-термитами. Термитники настолько прочные, что руками их разрушить невозможно.

Леса здесь были редкие, в основном это были кокосовые пальмы. Среди деревьев иногда встречались обработанные поля. Недалеко от дороги расположились саманные дома. Многие из них были крыты листьями тех же пальм. Дома здесь на местном наречии называют «табанками». Деревня тоже называется «табанка». Когда наша машина остановилась на короткое время из-за поломки, я успел разглядеть одну такую табанку. Это был достаточно большой саманный дом из красной глины с двумя входами, длинным, достаточно широким навесом вокруг дома.

Возможно, в этом доме жила одна большая семья. Причем здесь, как правило, развито многоженство, и каждая жена имеет свой отдельный вход и причитающееся ей количество комнат. Правда, такие дома строят достаточно просто: из саманных кирпичей складывают стены, делают крышу (дерева на строительство, естественно, хватает с избытком), а проемы для окон и дверей закрывают любым подручным материалом. Такие дома снаружи не обмазаны глиной, да и внутри тоже не особенно шикарно выглядят. Но есть и достаточно красивые и благоустроенные дома. Но они расположены, как правило, в черте города и принадлежат обеспеченным людям.

Совсем просто обстоят дела с домами в джунглях (об этом я узнал позже). Собственно, их и домами-то нельзя назвать, это самые настоящие табанки из жердей и пальмовых листьев – хоть какая-то защита от тропических дождей и хищных зверей.

Когда впервые видишь табанку, обращаешь внимание на все детали дома. Мне стало интересно, почему гвинейцы как-то не отделяют свои дома? Почему, например, не обмазывают стены и не белят их? Мои друзья, которые уже второй и третий год здесь живут, объяснили это просто: они ведь раньше вообще жили в природных условиях, без всяких домов и удобств. Поэтому те, кто живет в деревнях, в отдаленных от городов местах живут очень просто, не особенно заботясь о красоте домов. Их принцип жизни: была бы еда и одежда, чтобы как-то тело укрыть, и все – больше ничего не надо.

А вот почему по периметру дома сделан навес, я и сам догадался (а позже и убедился, что это так и есть): во время муссонных дождей гвинейцы сидят под навесом и обсуждают свои насущные проблемы или переходят из одной части дома в другую, не попадая под ливень.

А перед той табанкой, которую я увидел впервые, по двору бродили ужасные пестрые свиньи. Они пытались войти в дом, лезли во все места и, как ни странно, хозяева их не отгоняли – привыкли, наверное, к их причудам.

В это время во двор из дома вышел молодой человек с каким-то предметом в руках. Как выяснилось, это был пояс из коры дерева. Он опоясался им и,

упираясь ногами в ствол, передвигая руки, стал подниматься на пальму. Кроме пояса, он прихватил с собой и большой нож-мачете. Поднявшись на нужную высоту туда, где кучками висят кокосовые орехи, он начал ловко орудовать ножом. Крупные крепкие орехи стали падать на землю.

Наша машина тронулась. Мы уже подъезжали к окраине Бисау.

– Взгляните направо, – сказал наш коллега и мой сокурсник по курсам португальского языка в Санкт-Петербурге, Сергей Назаренко. Его обращение было к нам, новичкам. Мы увидели большое красивое здание, на котором развевался советский флаг, и рядом с ним было несколько домов поменьше. – Здесь наше посольство. Недавно построили вот это новое здание, и посольство переехало сюда. А раньше оно было в центре Бисау.

Мы не могли хорошо рассмотреть здания посольства из-за высокого забора. Издали весь комплекс посольства напоминал неприступную крепость: высокий кирпичный забор, поверх которого шла колючая проволока, камеры на всех углах – все прочно, надежно и надолго.

Мы въехали в город. На окраине встречались такие же дома, которые мы видели по пути: не отделанные, покрытые в лучшем случае ржавой жестью, возведенные кое-как – табанки, одним словом. Но чем ближе мы двигались к центру, встречались очень красивые дома, настоящие виллы. Окруженные низкими узорчатыми заборами, с крышами, покрытыми красной черепицей, со стенами светлых радужных тонов, они производили очень приятное и достойное впечатление. Дома все были разные, не похожие один на другой. Среди буйной тропической зелени они, такие красивые и роскошные, стояли, как будто появились из сказочной страны. В основном все дома были одноэтажные, но редко встречались и двух, а то и трехэтажные. Город был в свое время построен португальскими колонизаторами. Это один из немногих городов в Гвинее-Бисау, доставшийся народу после революции 1974 года. И надо отдать должное португальцам, строят они замечательно, красиво и со вкусом.

– Бандим! Бандим! – раздалась женские возгласы среди наших спутников. Я посмотрел на место, куда они указывали. Это был базар, большой, пестрый, кишачий от черного люда. Настоящий африканский базар. Товары разложены на разных ящиках, столах, а то и прямо на земле, подстелив картон или тряпку. Торговцы, женщины и мужчины, пытаясь всевозможными способами укрыться от палящего солнца, ведут бойкую торговлю. А торговали, как рассказали наши африканские «старожилы», всем, что ни попадя: от продуктов до одежды и мебели.

Наконец наша машина въехала в какие-то ворота и остановилась в широком дворе, вокруг которого расположились небольшие аккуратные коттеджи.

– Ну, все, приехали! Добро пожаловать в Пенжигит! – сказал кто-то из товарищей. «Пенжигит», как выяснилось позже, название этого района в Бисау. В этих домах-коттеджах раньше жили португальские офицеры.

Не успели мы выйти из машин, откуда ни возьмись, появились местные жители, большинство из которых были дети. Веселые лица, сияние белых зубов на черных лицах, слова приветствий – все смешалось в эти минуты в какое-то празднество. Поистине, гвинейцы очень приветливые и дружелюбные люди, в этом я позже убеждался много раз.

Неожиданно рядом раздались звонкие и ритмичные звуки барабанов. За забором, перед очень красивым домом, группа музыкантов устроила настоящий концерт африканской музыки. Я с удивлением смотрел на гвинейских музыкантов, столько темперамента и энергии было в их исполнении.

– Это студенты из колледжа искусств. У них, кажется, репетиция, скоро будет национальный праздник, – объяснил мне сокурсник Сергей. – А сейчас, я думаю, они бьют в свои тамтамы, чтобы доставить нам радость.

Я где-то читал, что своими барабанами африканцы передают друг другу определенную информацию, находясь далеко друг от друга. Оказывается, и у барабанов есть свой язык.

Мы стали заносить свои вещи. Для каждого специалиста была выделена двухкомнатная квартира с удобствами. В каждой комнате был кондиционер (без него здесь трудно было бы жить, потому что жара даже ночью не спадает ниже 25 градусов), между комнатами с одной стороны – душевая, с другой – туалет. В общем, вполне приличная квартира, все чисто, аккуратно, на полу яркая плитка. В гостиной (она же и кухня) стояли кухонный шкаф, стол, стулья, диван и два советских холодильника «Орск». А в спальне две – раздельные кровати, платяной шкаф и две тумбочки. Вот такая обстановка.

Пенжигит расположен рядом с портом. Сюда заходят в основном торговые и рыболовецкие суда, в том числе и советские. Рядом с нашими домами, буквально за забором, расположена военно-морская база. Там несут военную службу морские пехотинцы. Вот такие новости я узнал в первый день пребывания в Африке.

Ночь наступила неожиданно и принесла с собой незнакомые звуки, запахи и ощущения. Жара чуть-чуть спала, но она никогда не опускалась до привычного нам уровня. К ней нужно было привыкнуть, как к какому-то новому факту в нашей жизни.

Мы, педагоги, до конца сентября были свободны, поскольку учебный год в гвинейских школах начинается в октябре. Это обусловлено погодными условиями – начиная с мая-июня, здесь идут сильные тропические дожди. Пускать детей в школу в такую погоду весьма рискованно.

Мы стали готовиться к работе. Мне показали, где я буду работать – два дня в лицее и два дня на морбазе. Меня это вполне устраивало. С военными мне не доводилось работать, а в школе все знакомо.

В свободное время можно было пойти в город. Это не было запрещено, только нужно было предупредить руководителя группы о месте пребывания.

В первый же день у нас забрали загранпаспорта и вместо них выдали временные удостоверения с текстом на португальском языке, в котором было указано, кто этот человек и что он делает в Гвинее-Бисау. В посольстве с нами, вновь прибывшими, консул провел основательную беседу, объяснив, что можно и нельзя делать в условиях пребывания за границей. «Помните, товарищи, вы представляете здесь нашу страну, по вам будут судить о наших людях. Вы, как лучшие представители народа и лучшие специалисты, должны быть на высоте, должны быть образцом высокой культуры» и т.д. и т.п. Примерно в таком духе говорил с нами уважаемый консул Страны Советов. Мы дружно покивали,

поблагодарили его за беседу. Примерно то же самое нам сказали и в Москве в министерстве образования, перед отъездом, так что проинструктированы мы были по-советски основательно.

Конечно, эти чиновники должны были выполнить свою работу, провести соответствующую беседу, но приехавший сюда специалист прекрасно понимал, что нарушать существующий порядок ему не позволят, поэтому он очень старался вести себя хорошо и достойно.

Кроме того, к каждой группе специалистов был приставлен офицер КГБ, а то и несколько. Они-то следили за нами строго, знали каждый наш шаг.

Бисау – не очень большой город, в нем нет тяжелой промышленности, крупных объектов индустрии. Развита в основном легкая и пищевая индустрия. В прошлом это столица, в которой жили португальцы и та часть местного населения, которая обслуживала их. Это был как бы курортный город. Он расположен недалеко от океана, и здесь удивительно красивая природа. Виллы португальцев стоят в центральной части города. Они удивительно красивы, все разные и неповторимые. Во дворе некоторых из них есть бассейны, разные навесы. В каждом дворе деревья, цветочные клумбы, мягкие газоны.

Сам город лежит на невысоких холмах, поэтому все дороги ведут вниз, к порту. В порту, как правило, стоят корабли разных стран. Это, как я уже писал, торговые, грузовые и рыболовецкие суда. наших моряков можно было часто встретить на базаре или в магазине. Кстати, мы их определяли безошибочно – по манере держаться, по взгляду, ну и речь, конечно, тоже звучала часто. Они, в основном рыбаки, часто заходили к нам, благо мы жили рядом с портом. Благодаря нашим рыбакам, у нас постоянно была свежая морская рыба.

Центральная улица в Бисау носит имя первого гвинейского президента Амилькара Кабрала. Он долгое время возглавлял освободительное движение против португальских колонизаторов, участвовал во многочисленных боевых действиях против поработителей. Улица очень красивая, широкая, с красивыми домами. Она ведет к центру города, к площади Революционеров. Вокруг нее находятся дворец президента страны – крупное величественное здание из трех этажей и здание правительства и других государственных учреждений. Раньше здесь была резиденция губернатора колонии и правительство. Это центральная часть города, здесь проходят все государственные праздники и другие важные мероприятия.

В городе очень много кафе, баров и ресторанов. Каждый ищет для себя место отдыха соответственно своему карману.

Вечером, когда садится солнце и спадает обжигающая жара, замедляется поток автомобилей, все места отдыха и увеселений сияют яркими огнями. Звучит музыка, молодежь танцует. Кстати, африканцы очень хорошо чувствуют музыку, особенно если она ритмичная, и начинают танцевать в любой ситуации. Вот, к примеру, идет по дороге девочка лет 10-12, услышала музыку из окна дома, положила на землю свою поклажу, которую несла на голове, и начала танцевать. Просто так под услышанную музыку. Потанцевала, взяла ношу, поставила на голову и пошла дальше. Вот такой музыкальный народ.

Столы и стулья стоят прямо на тротуарах возле кафе или ресторана. Люди отдыхают после дневных дел и забот, наслаждаются покоем, беседуют, пьют

охлаждающие напитки, слушают музыку, шутят и весело смеются. Мелкие торговцы ходят между столами и предлагают свои товары. Чаще всего это какие-то поделки, маски из красного дерева, небольшие картины со сценами из африканской жизни, шкуры экзотичных животных, бусы и другие вещи.

Здесь нет пьяных и скандалистов, тех, кто нарушает покой окружающих. Все ведут себя очень достойно, спокойно и благоразумно.

Ближе к середине ночи все вокруг стихает, люди расходятся по домам, чтобы отдохнуть и насладиться покоем после жаркого дня. Лишь шум редкой машины, проезжающей по опустевшей улице, нарушает тишину спящего города.

2 часть

В сентябре сезон дождей еще не заканчивается в Западной Африке. В Гвинее-Бисау, расположенной рядом с Атлантическим океаном, влажность в воздухе ощущается особенно сильно. Она не проходит даже под палящими, нестерпимо жаркими лучами тропического солнца. В это время дожди идут не так часто, как в июне-июле, но их интенсивность и сила не меньше, чем в предыдущие месяцы.

Однажды мы сидели под аркой, что соединяла наши дома, и о чем-то беседовали. Неожиданно вокруг потемнело, небо затянулось черными облаками. Подул жаркий ветер, и зашуршали листья на деревьях возле домов.

– Муса, смотри внимательно, такое у нас дома не увидишь. Это тропический ливень, – сказал мой сосед и тоже сокурсник, Евгений Зайцев.

Вдруг со страшной силой раздался гром, как будто небо разорвалось на части, следом засверкали яркие и охватившие все небо молнии. Крупные капли дождя попадали на землю и забарабанили по жести на крышах наших домов. Пошел дождь – сначала тихо, не спеша, но потом огромные его потоки ринулись на землю со страшной силой, как будто прорвалась огромная плотина. Я завороженно смотрел на это зрелище, ничего подобного я не видел! Дождь был такой мощи, и его потоки столь обильны, что не видно было ничего на расстоянии одного метра. Вода настолько плотная и обильная лилась на землю, что закрыла все, что было вокруг! Ничего не видно, даже большого дерева, которое стояло в трех метрах от ближнего дома. Потоки были мутные, грязные. Несмотря на то, что вокруг наших домов были достаточно глубокие канавы, сделанные как раз по случаю таких дождей, они быстро наполнились, и вода потекла по арке и к дверям наших квартир. Пришлось немного потрудиться, чтобы вода не затопила наши комнаты.

Да, вот это был ливень! Такое ощущение, будто ты находишься внутри водопада!

В такой дождь ни люди, ни машины не могли перемещаться. Жизнь в городе и вокруг него – там, где шел этот ливень, замирала на какое-то время. Ровный и успокаивающий шум дождя слышался везде, и он заполнял собой все, что тебя окружало. Через короткое время к нему привыкаешь, он действует на тебя умиротворяюще, в нем есть какая-то необъяснимая магия, успокаивающая и бодрящая тебя одновременно.

Дождь перестал идти примерно через полчаса. Он стихал постепенно, сбавляя свою силу и мощь. После того, как ливень прекратился, стало видно, как сплошные потоки воды ринулись вниз по канавам, вниз к реке Жеба. Местные жители ловили в этих канавах довольно-таки крупную рыбу, которая попала из реки и океана в городские канавы.

Дождь очистил от пыли и грязи улицы, дома, деревья и всю зелень в городе. В природе благоухание, свежесть и сияние чистоты. Но через некоторое время солнце опять стало нещадно палить, согревая чуть остывшую землю, проникая своими горячими лучами в самые отдаленные уголки. Все возвращается на круги своя: задвигались машины и люди, послышалась музыка из кафе и ресторанов, зазвучала многоголосая человеческая речь – опять ожили звуки и шумы африканского города.

Но в полдень, когда солнце накаляется до своего верхнего предела, жизнь в городе замирает. Движение затихает, все живое ищет тень, хоть какую-то прохладу и возможность переждать полуденный зной. В это время на несколько часов закрываются магазины, кафе, офисы и все места посещения людей. Даже на базарах продавцы ищут место, где на пару часов можно прикорнуть. На улицах города не видно машин, вездесущая и шумная детвора вмиг исчезает, все спешат домой, поскорее уйти от нещадного солнца. Сиеста – время, когда все или спят, или отдыхают, дожидаясь, пока не спадет жара. Жизнь, которая еще час назад бурлила, была в активном движении, замирает на некоторое время. Так было, наверное, из года в год, из века в век по заведенному Богом правилу: отдыхайте, люди, в полдень, прячьтесь от солнца.

Наконец, настало время, когда мы должны были выйти на работу. Я должен был учить африканских детей и военных русскому языку, а языком общения у нас был португальский. До нашей поездки в Африку мы выучили португальский язык на специальных курсах в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург). За один год нам дали трехгодичную программу факультета иностранных языков, так что языковая подготовка была основательная.

«Как здесь сложится моя работа? Как дети меня примут?» – вот такие мысли одолевали меня, пока готовился к занятиям и ехал на работу.

Но все пошло очень хорошо. Все необходимое для уроков у меня было, преподавателем я считался неплохим, поэтому никаких проблем в работе не было. А дети везде одинаковые – и белые, и черные, и желтые. Любознательные и инертные, веселые и грустные, дружелюбные и не очень. В общем, дети как дети. А мои африканские ученики в местном лицее были очень общительные и дружелюбные. Правда, с географией у них дела, видимо, шли не очень хорошо. Если дети с трудом могли вспомнить, где находится Советский Союз, то о Кавказе и о Чечено-Ингушетии вообще никакого понятия они не имели. Но, как мне кажется, их это особенно не огорчало. Ну какое им собственно дело до Кавказа? Им бы другие уроки усвоить. Дома они совершенно не готовились к моему предмету, разве что несколько девочек, которые были заинтересованы в русском языке. Вот такие у меня были интересные ученики, потомки революционеров и строителей новой жизни в стране.

Я приносил на уроки магнитофон для наших занятий по русскому языку.

Они смешно повторяли слова за диктором и очень радовались, если я их хвалил. Мне было приятно видеть сияющие глаза и белозубую улыбку моих шестиклассников, их радостные возгласы, удивление по поводу нового, незнакомого. Им очень нравились русские песни, ведь они, как и все дети, были очень музыкальны. Мы пытались разучивать песни про зеленого кузнечика, про других зверей и насекомых. У них возникало много вопросов. Например, дети не знали слова «медведь». Им надо было объяснить и нарисовать на доске, что это за зверь.

В лицей на уроки к шестиклассникам меня отвозил наш водитель, он же и преподаватель физики по имени Петр (фамилию его я забыл, к сожалению).

Два раза в неделю мы ехали с ним в другой конец города, и затем, после моих уроков, обычно это было пять или шесть уроков, он приезжал за мной.

Однажды мы с ним попали в очень неприятную ситуацию. Ехали с Петром, разговаривали о том о сем, и вдруг неожиданно дорогу нам перебежала девочка лет шести-семи. Хорошо, что Петр ехал не слишком быстро, иначе убил бы ее. Он успел затормозить, но от удара машины девочка отлетела вперед и упала на дорогу. Я быстро выскочил из машины и бросился к ней. Потрогал – руки ноги целы, крови нет. Поднял ее на ноги, спросил, как она. Девочка очнулась, всплакнула и, оттолкнув меня, бросилась бежать. Я взглянул на Петра, он сидел, совершенно оцепенев, и твердо держался за руль. Подошли местные, стали кричать «бранку бандитуш», то есть «белые бандиты». В первый раз в жизни меня записали в бандиты и то не по своей вине. Я пытался их успокоить, сказал, что с девочкой все в порядке, что у нее даже серьезного ушиба нет. Какой-то дед начал что-то говорить очень темпераментно на своем наречии. Я, конечно, ничего не понял из его речи, но на всякий случай попросил молодых ребят в толпе, чтобы они успокоили его. Я пояснил, что мы граждане другой страны и готовы нести ответственность, если в произошедшем есть наша вина. Тут мне в голову пришла мысль: «А что если дать им денег? Попробуем чеченский вариант». Я протянул старику пять тысяч пезо и сказал, что это на лечение девочке, если с ней что-то случилось серьезное. Дед посмотрел на деньги, молча взял и сунул в карман.

Когда ехали обратно, Петр всю дорогу благодарил меня и просил никому об этом инциденте не говорить. Деньги он мне тут же отдал, хотя я его об этом не просил.

Если с детьми все шло хорошо, то с военными дела обстояли не очень удачно. Очень добродушный капрал по имени Агошту приводил их строем на занятия и строем уводил. Я раздал им учебные пособия по изучению русского языка, на уроках распинался, объясняя им буквы и звуки, пытаюсь научить их новым словам и фразам. Но учились они с ленцой, неохотно.

Учебный год в Гвинее-Бисау делится на три части, часть учебы называется триместр. По окончании триместра по основным предметам пишут контрольные работы. А в конце учебного года сдают по главным предметам экзамены. Проверочные работы и экзамены проводятся строго, без каких-либо поблажек, чтобы дети учились в течение года старательно. Если кто-нибудь из учащихся не сдал один или несколько экзаменов, он сдает их

повторно в будущем году, изучая эти предметы в течение всего года повторно. В старших классах ученики по своему желанию некоторые предметы изучают дополнительно, если собираются их сдавать при поступлении в колледж или университет. Образование в стране бесплатное, но никого не принуждают учиться поневоле.

У гвинейцев большие семьи, в них, как правило, 8-10 детей, а то и больше. Как бы ни было тяжело, родители стараются дать им образование. А в воспитании подрастающего поколения гвинейцы могут стать примером даже самым развитым и цивилизованным странам. Они учат детей почитать старших, слушаться их, помогать им. Стариков в этой стране не так много. Тяжелые условия жизни, болезни, плохая медицина, а в отдаленных местах полное ее отсутствие, неполноценное питание и другие причины, – возможно, поэтому здесь люди живут недолго.

В табанках стариков вообще мало. В каждой табанке есть выбранный старейшина, здесь его называют «гранде омен», что в переводе с португальского означает «главный человек», «важный человек». Этот человек управляет деревней, он может что-то запретить или позволить. Он же судит и наказывает. Конечно, эта должность не позволяет старосте или гранде омену поступать с людьми, как ему заблагорассудится.

Гвинейцы в этой стране делятся на разные этнические группы: здесь живут мандинга, фульбе, сусу, орула и другие. У каждой группы свой язык, свои культурные различия, но их объединяет общий креольский язык и одинаковый уклад жизни. А креольский – это смесь местных языков с португальским. Как говорят сами гвинейцы, креольский язык очень простой и понятный и выучить его не составит особого труда. Государственный язык в Гвинее-Бисау португальский, он остался в наследство от португальцев, поскольку при них уже был государственным. Любой гвинеец, который учился в школе, свободно владеет португальским языком.

Я задавался вопросом: как же гвинейцы различают друг друга по этническим группам, ведь они все одинаковые, во всяком случае, для иностранцев? Они легко определяют, к какой народности кто принадлежит, по известным только им признакам. Да, я обратил внимание, что у некоторых гвинейцев на лице в районе уха имеются два или три шрама. Возможно, это тоже один из признаков принадлежности к какой-либо этнической группе.

Во всяком случае, в одежде у гвинейцев больших различий нет. Молодежь, вообще, одевается в европейскую одежду. Мусульмане прикрывают тело полностью, а женщины-мусульманки и голову. В хиджабах я, правда, никого не видел. В праздничные дни многие мужчины одевают длинные разноцветные одежды, наподобие халатов. Это одежда называется бубу. А на голове у них светлая тюрбетейка или четырехугольная шапочка. Женщины носят цветные длинные платья и пышный головной убор из накрученной на голову материи. Так в основном одеваются мусульмане, а христиане и язычники одеваются по своему усмотрению.

Гвинейцы любят ходить в гости. Они уважительно относятся к своим родственникам, поддерживают с ними отношения. При встрече, после взаимных

приветствий, они долго спрашивают друг у друга о членах семьи и об их делах. Чем больше ты уважаешь знакомого, тем дольше ты интересуешься его домочадцами.

Главная сельхозкультура в этой стране – рис. Он дешевле, чем пшеница, поэтому чаще употребляется в пищу. Его едят ежедневно. А если удастся добавить к рису мясо или рыбу, можно сказать, что в семье праздник. К сожалению, многие гвинейцы живут бедно, у них нет постоянной работы и им приходится экономить на всем. Но с фруктами у них зато нет никаких проблем – их можно есть круглый год. Кокосы, бананы, папайя растут во всех сезонах. В апреле и мае поспевают манго, ананасы, кажу и апельсины. Все фрукты очень вкусные, сладкие, каждый из них имеет свой вкус и запах. Есть фрукты, которые растут в дикой природе. Но многие гвинейцы выращивают рядом с домами бананы, папайю и кокосы. Папайя очень интересный фрукт, его дерево достигает высотой в 3-4 метра, его плоды внешне похожие на нашу дыню, снаружи зеленые, а внутри красные.

Фрукты здесь продают везде: на базарах, в магазинах, на улице и даже приносят к дверям твоего дома. Рано утром можно видеть, как женщины и дети идут с корзинами на голове, неся фрукты для продажи. Здесь все носят на голове: будь то корзина, какой-нибудь баул, сумка. Даже если руки свободны, гвинейцы несут груз на голове. Видимо, это элемент их культуры. Однажды я видел, как молодая женщина несла на голове железную бочку. Это было очень необычное зрелище. На самом деле бочка, конечно, была пустая, но тем не менее она очень тяжелая, чтобы ее нести на голове.

Оказавшись впервые на базаре в Бисау, вы будете удивлены и заинтригованы увиденным зрелищем. Здесь можно увидеть товары из разных стран, но преобладают в основном дешевые вещи китайского производства. Покупательская способность населения не столь высока. Большим спросом пользуются подержанные вещи из Европы. Магазины, торгующих секунд-хендом, здесь достаточно много. На том же Бандим их не один десяток. Здесь идет бойкая торговля: продавец призывает покупателей, нахваливает свой товар. Подходит покупатель, и у них начинается жаркий диалог. Конечно, продавец хочет продать подороже, а покупатель – купит, понравившуюся вещь подешевле. И вот происходит горячий гвинейский торг. Но базар тем и интересен, что здесь можно поспорить, уговорить продавца сбавить цену.

На базаре, впрочем, как и везде, свои районы, где-то продают фрукты и овощи, где-то мясо, где-то морепродукты. Этот отдел, где рыба и другие дары моря, у гвинейцев пользуется особой популярностью. Как люди живущие рядом с океаном, они любят морепродукты. Здесь сравнительно дешево продают морскую рыбу, креветок, осьминогов. Кстати, здесь, в Африке, узнал, что осьминогов, оказывается, едят и, говорят, мясо у них очень нежное и вкусное. Ну что же, кому что нравится.

Многие продавцы со своими семьями живут здесь на базарах. Они строят себе легкие домики из любого подручного материала. Чаще всего их хибары сделаны из каких-то плетеных камышовых ковриков, жердей, тентов. И живут себе месяцами, торгуют, общаются, молодые, как здесь рассказывают, даже женятся и выходят замуж.

Гвинейцы очень жестоко наказывают воров. Если кто-то попался на краже, ему несдобровать. Сразу же собирается огромная толпа, все кричат на разных языках и на креоле, требуя наказать вора. И вот один наиболее разгоряченный «омен» наносит удар вору. И следом начинается орудовать толпа, причем, в экзекуции особенно активны женщины. Ну, понять людей можно. Какой-то олух и бездельник покусился на их собственность. Они, продавцы, стараются прокормить свои семьи, а тут появляется этот воришка и крадет то, что ему не принадлежит. Такой подлежит наказанию, и иногда дело заканчивается переломами.

Жизнь у гвинейцев тяжелая. Государство выделяет сельчанам землю, ее в стране достаточно много. Но что делать бедняку, если у него нет семян, чтобы засеять землю, техники, чтобы ее обработать и собрать? Здесь есть частные фермерские хозяйства, но их очень мало. Ведь не каждому удастся купить технику, скот, птицу, чтобы вести свое хозяйство. Есть разные артели, но туда не могут взять всех желающих. Вот и приходится гвинейскому крестьянину обрабатывать вручную с помощью своих домочадцев небольшой кусок земли, чтобы прокормить семью.

Нелегкая доля и у горожан. Нет рабочих мест, работы на всех не хватает. Поэтому они мучаются, стараясь прокормить себя и детей, занимаясь торговлей, извозом на такси, изготовлением разных сувениров, занимаясь любой подвернувшейся работой.

Но, как говорится, капитализм широко шагает в этой молодой стране. Его основы с каждым днем все глубже и сильнее укрепляются здесь. Соединенные Штаты Америки, страны Европы и Азии открывают в этой стране свои торговые представительства, вкладывают в экономику страны деньги, разумеется, с учетом будущих прибылей для своих компаний.

Для развития экономики маленькой и бедной Гвинеи-Бисау делается немало полезного: развернулось строительство, продукты сельского хозяйства выращиваются по современным технологиям, в развитых странах готовят специалистов для различных отраслей экономики страны. Большинство специалистов готовят в странах Европы и в Соединенных Штатах Америки.

3 часть

В конце октября в Гвинеи-Бисау, как и на всем западном побережье Африки, начинается сухой сезон. Прекращаются ливневые тропические дожди, с неба не падает ни капли. Но солнце по-прежнему жарит нещадно. Природа в это время благоухает, она расцвела после дождей и радуется яркой зелени.

За городом, в саваннах, вырастает трава гигантских размеров, ее еще называют «слоновой травой». В некоторых местах ее высота достигает 3-4 метров. Мелкие и крупные ямы заполнены водой из-за обильных дождей. Во вновь возникших болотах обитают неведомые нам доселе животные. Леса сгущаются и становятся непроходимыми, чем дальше в них въезжаешь. Сплетенные между собой наверху, словно крыша, ветви деревьев закрывают небо плотным покровом, да так, что сквозь него не проникает луч солнца.

Но недолго благоухает природа в дни ранней осени – солнце начинает нещадно все сжигать на земле. Сначала исчезают маленькие лужи и небольшие пруды с водой, а затем мелеют большие водоемы и реки. В саванне наступает «великая сушь» (помните в книге Р. Киплинга «Маугли»?). Все зеленое, молодое и цветущее высыхает, теряет цвет и становится безжизненным. Лишь вечнозеленые деревья не теряют свою красоту, они по-прежнему остаются свежими и жизнеспособными. Когда кругом все высыхает, теряет пользу и способность кормить животный мир, остаются эти деревья, и кажется, что вся жизнь природы, зверей и животных сосредотачивается вокруг них. Зеленые деревья, кроме всего, дают тень путникам, спасают их от палящего солнца.

А жара в этом краю никогда не уходит, лишь ночью становится немного легче дышать. Все время хочется пить, жажда мучает тебя постоянно. Если приходишь к кому-то в гости, первым делом просишь попить. Наши врачи не советовали нам пить местную воду, поскольку в ней могут быть опасные для нас бактерии и прочая нечисть. Но в полевых условиях нам доводилось пить эту воду – вполне нормальная вода, и никто не заболел. А наши геологи рассказывали, что во время работ в саванне они все время пьют местную воду, а другой и нет. На вкус очень приятная и свежая.

В конце декабря в школах Гвинеи-Бисау начинаются каникулы. Заканчивается первый триместр, и учителя с учениками отдыхают 12 дней.

Но наше посольское начальство находило возможность загрузить нас, педагогов, работой, чтобы мы, не дай Бог, зарплату зря не получали.

Перестройка мало коснулась советских организаций в этой стране. Нас приглашали в посольство в каждую субботу, а то и в другие дни. Здесь проводили политзанятия, читали разные лекции, отмечали все советские праздники. Доклады для выступающих готовили, естественно, мы, педагоги, как самые сознательные и грамотные. Мы организовывали и проводили все эти мероприятия, выполняли даже всякую ручную работу: что перенести, загрузить, отнести и т.д. В то время, как коменданты и техперсонал посольства вел весьма свободный и разгульный образ жизни. Их можно было встретить в городе в баре, кафе, магазине. Они ездили на иномарках и смотрели на нас свысока. Многие из них были москвичи, сюда они попали по связям, знакомствам, разным протекциям. Ну, разумеется, мы их не любили, практически не общались с ними.

Но и у нас были радостные дни, неожиданные знакомства. Прошел месяц нашего пребывания в Бисау. В один день в дверь ко мне постучали. Я открыл. На пороге стоял человек среднего роста с кавказской внешностью, очень похожий на певца Александра Розенбаума.

– Ассалам алайкум! Ты Муса? – поздоровавшись, спросил он.

– Ва алайкум ассалам! Да, это я. Проходи, гостем будешь.

Он зашел, широко улыбаясь, протянул мне руку. Так мы познакомились с Керимом из Дагестана. Он начальник группы советских гидрогеологов в Гвинеи-Бисау. Работает здесь второй год. Услышал, что приехал его земляк, и решил заехать познакомиться. Разумеется, я был рад земляку. Мы посидели, почаевничали, вспомнили родину. Он пригласил меня к себе в гости, сказал, что на днях за мной заедет. Оказалось, что в его группе были еще ребята с

Кавказа. Через несколько дней Керим приехал еще раз и повез меня к своим коллегам. Они жили в другом районе Бисау, на окраине города. Гидрогеологов было 7 человек, некоторые из них приехали сюда с женами. В общем, такой дружный коллектив советских специалистов на африканской земле. С Керимом, действительно, оказались и наши земляки: два азербайджанца и один армянин. Мы славно посидели, поговорили. Помню, Арам рассказал смешную историю: «Слушайте, вот пока Керим с Мусой ехали к нам, мне помогал готовить мясо на огне местный житель. Не помню, как его зовут, то ли Мамаду, то ли еще как. Знаете, как он ко мне обращался? Сеньор, вот так! Я здесь сеньор, белый человек! Это там, дома, в Союзе я черный. А здесь сеньор». Он улыбался и гладил себя по животу, рассказывая эту смешную историю с неподражаемым армянским акцентом.

Наша жизнь в Бисау не всегда была в трудах и заботах. Иногда нам удавалось выехать за город, на природу, к океану. Так во время каникул мы решили поехать на острова, чтобы отдохнуть, порыбачить и, главным образом, набраться новых впечатлений. Мы выбрали остров Буламу. Как рассказывают местные жители, раньше столица Гвинеи-Бисау была на этом острове. Нас было шесть человек, кто собрался ехать, и некоторые из нас, кроме меня и еще двух-трех, там уже были ранее. Днем ранее мы предупредили нашего руководителя группы и контролирующего наше пребывание за рубежом офицера КГБ о поездке. Они не возражали, но кагэбэшник потребовал список выезжающих и маршрут следования.

Из порта Бисау нам нужно было плыть на корабле около трех часов по океану. Утром в 10 часов, во время прилива, наш корабль отправился в путь по направлению к острову Булама. Корабль, конечно, громко сказано, это было угловое небольшое суденышко на дизельном моторе и с двумя небольшими палубами. Такое полуржавое плавающее корыто, которое в свои молодые годы, возможно, бороздило моря и океаны. Гвинейцы в силу своей природной лени не стали, видимо, ремонтировать это судно, стараясь выжать из него максимально возможное, пока оно на плаву.

Мы с друзьями разместились на нижней палубе, здесь как-то можно было укрыться от жгучего солнца. Благо и вода рядом.

Судно тащилось еле-еле, не спеша преодолевая просторы Атлантического океана. «Странное дело, – думал я, удобно расположившись на деревянной скамье, – вот не думал не гадал, что окажусь на Атлантике! Это же надо, океан!» Морская вода была сине-зеленой. Волны откатывались от судна, сверкая на солнце изумрудным блеском. Вокруг тихо, только шум моторов нарушал покой. Иногда чайки с пронзительными криками кружили над нами, видимо, надеялись, что люди выкинут что-нибудь съестное за борт. Но что-то никто не торопился их покормить, может, поэтому они так нервно кричали?

На судне было достаточно много народу: жители островов возвращались домой из столицы, дети из интернатов плыли к родителям на время каникул, молодая столичная команда направлялась в Буламу, чтобы сыграть футбольный матч с местными игроками. И вот среди этой пестрой толпы находились и мы, отчаянные искатели приключений.

На нижней палубе, на самом носу корабля, лежали две козы. Видимо,

хозяин не смог их продать за достойную цену на городском базаре, и вот путешественницы плывут домой на постоянное место жительства. Козы учащенно дышали, на раскаленном солнце им было далеко не комфортно. Везде лежали баулы, корзины, сумки пассажиров. Достаточно большой багаж был и у нас, ведь мы ехали на несколько дней.

«Экзотика! Такое, наверное, только в Африке и увидишь», – думал я, наблюдая за пассажирами.

Напротив нас на скамье сидела молодая гвинейка с маленьким, примерно годовалым ребенком на руках. Она покормила дитя и вскоре уснула, уткнувшись в спинку скамейки. Малыш потихоньку вышел из объятий матери и пытался сползти со скамьи. Это был, видимо, мальчик, уж больно активно он действовал. Малыш смотрел на нас жгуче черными глазами и пытался понять, будем ли мы его ругать за столь решительное действие. Он наконец сполз и держался за подол мамы, не решаясь сделать шаг.

Я впервые плыл по океану, честно говоря, мне и по морю не довелось ходить, как говорят бывалые моряки. Мне было все интересно: изумрудная вода за бортом, дальние острова в океане, совершенно голубое небо без единого облачка, белые чайки, что кружили над нашим кораблем.

«Какая красота! Просто чудо!» – восклицал я в душе.

Неожиданно раздавшиеся крики оторвали меня от радужных мыслей. Люди забегали, все кричали что-то на креольском языке. Я не мог понять, в чем дело.

– Фогу (огонь)! – услышал я знакомое слово. Но где он? Ничего не видно. Мои товарищи тоже не могли понять, что происходит. Мы стояли, не зная, что делать и как поступить. Вдруг заметили густой дым, идущий из трюма, где находились дизельные моторы. Вот где огонь! Но самого его пока не видно, только дым. Наша попутчица, молодая гвинейка, схватила ребенка, быстро закинула его на спину и с криком побежала на верхнюю палубу.

Ситуация была крайне тревожная, мы не знали, как нам поступить. Огонь на судне, всеобщая паника, крики растревоженных людей. Как же все-таки быть? Я взглянул на дальний осторов: «Да, слишком далеко с моими способностями по плаванию». Но самое страшное было то, что океан кишел акулами. Они аккуратно следовали за всеми кораблями в этом регионе, держась на почтительном расстоянии.

Я сел, решив для себя – пусть будет, что будет. По крайней мере мы находимся в океане, кругом вода, можно сообща попробовать потушить огонь, если прекратится паника. Мои друзья тоже сидели молча, надеясь, наверное, на чудесный исход дела. Так оно и случилось. Чудеса все-таки происходят. Хотя везде, без сомнения, действует Божий промысел.

Механик залез в трюм, когда услышал крики людей. Он долго там возился, потому что не мог найти место, откуда исходит дым. Наконец, он нашел тряпку, которая лежала на моторе и дымилась.

Когда механик со счастливым, улыбающимся лицом вылез из трюма и выбросил дымящуюся тряпку за борт, все облегченно вздохнули. Сразу послышались смех и шутки, и словоохотливые женщины начали обсуждать это происшествие. Все хвалили механика за его решительные действия, он смущенно

улыбался и что-то говорил в ответ. Хорошо, конечно, что он вовремя спустился в трюм и вынес тряпку. Если бы вспыхнул огонь, дела обстояли куда печальней.

Наконец, наше тревожное судно прибыло в порт Булама. Мы высадились и стали искать машину, чтобы уехать на противоположный берег острова. Некоторые из наших друзей уже были на этом острове и советовали поехать на то место, где они раньше отдыхали.

Порт в Буламе небольшой. Наверное, крупные морские корабли сюда не заходят. Город тоже называется Булама, как и остров. Он не очень большой. Рядом с портом я увидел несколько домов старой постройки. Они тоже достались от португальских колонизаторов. Строения красивые, прочные, с уникальной архитектурной отделкой. Городская управа находится недалеко от порта. Она украшена государственными флагами, портретами президентов, бывшего и нынешнего.

Перед управой стоит старый памятник. Он возведен португальцами в прежние года. Это памятник мореплавателям. Перед ним стоят старинные пушки. Все очень интересно, история все-таки.

Наконец моим друзьям удалось поймать грузовую машину, водитель которой за определенную мзду довезет нас в нужное место. Мы проехали весь город и очутились на замечательном побережье океана. Здесь росли высокие пальмы, разные фруктовые деревья. На берегу сверкал почти белый песок. Волны океана ласково накатывались на берег и так же мягко откатывались назад. Место было просто отличное. Недалеко были какие-то старые строения и широкая лестница, которая спускалась к океану. Видимо, здесь в свою бытность отдыхали богатые португальцы.

Только мы разбили палатки и стали налаживать наш быт, прибыли первые гости. Это были мальчишки из ближайшей табанки. Мы, естественно, познакомились, причем гвинейцы обязательно в таких случаях здороваются за руку. Мальчишкам было лет по 12-15. Судя по именам, мусульмане: Амаду, Мамаду, Усман, Абу. Когда они слышали мое имя, все их внимание было приковано ко мне, во мне они увидели родственную душу и мусульманского брата. Мои братья по вере стали нам активно помогать: кто-то собрал хворост для костра, другие принесли свежей воды в наших канистрах, а третьи помогли убрать мусор вокруг нашего лагеря. У нас с собой было два велосипеда на тот случай, если придется съездить в магазин или еще куда. Я дал мальчишкам покататься, сказав, чтобы они катались, строго соблюдая очередь. Они были безмерно рады, ведь велосипед в их семьях невероятная роскошь.

– Амигу Муса, агора минья веж? (Друг Муса, теперь моя очередь?) – спрашивали они меня, когда я кивал или подтверждал словами, очередной садился на велосипед. Они катались, пока им не надоело.

«Амигу», наверное, самое часто употребляемое здесь слово. Оно означает «друг» на португальском. А если обращаться к женщине, то нужно сказать «амига», хотя для самих португальцев это звучит весьма фамильярно. А гвинейцы народ простой, без комплексов. Конечно, не всем белым нравилось простое обращение гвинейцев к себе словом амигу. Некоторых это коробило. Даже среди советских были чуть ли не откровенные расисты. Они не любили,

когда к ним обращались со словом «амигу», и не отвечали на рукопожатие, брезгуя подать африканцу руку.

Вечером мы ловили рыбу. Это очень интересное занятие, особенно для тех, кто любит рыбалку. Был прилив, вода пришла совсем близко к нашему лагерю. Мы забросили наши удочки далеко в океан и сели на берегу. Радость от ожидания, надежда, что поймаешь большую рыбу, терпеливое ожидание – все это ты переживаешь на рыбалке. А какой восторг, когда ты тащишь крупную рыбу на берег! Вот она, вот, смотрите, вот какую я поймал! Твои друзья улыбаются, радуются вместе с тобой. Ты снимаешь рыбу и снова забрасываешь удочку в теплые волны Атлантики: ловись, рыбка, большая и маленькая! Нет, лучше все-таки большая! Мы поймали много рыбы в тот вечер. Это был один из лучших вечеров моей тогдашней молодой жизни...

Солнце медленно опустилось в океан, поиграв на просторах бескрайних вод. Было тихо. Слышался лишь шум морских волн, мерно накатывающихся на песчаный берег. На небе сияла яркая и полная луна, и множество звезд украшали своим блеском небосвод. Африканская теплая и таинственная ночь вступила в свои права.

Наши новые друзья, юные гвинеяцы, давно уже ушли домой. После хорошего и сытного ужина мы с друзьями сидели вокруг костра и беседовали. Вокруг нас был мир и покой, природа умиротворяла своей первозданной красотой и величием. Не было шума машин, людской суеты, не хотелось думать о каких-то нерешенных проблемах, о делах – ничего не мешало отдыху и наслаждению покоем.

В такие минуты остро чувствуешь, насколько тебе мила твоя Родина, Земля Отцов. Ты скучаешь по ней, ждешь с ней встречи, вспоминаешь село, в котором вырос, улицу, на которой прошло твое детство, близких тебе людей, родителей. Ни на какие красоты мира ты не променяешь свою Родину, свой Даймохк! Ничто на Земле не может тебя заставить отказаться от нее! Ты жаждешь услышать родную речь! Вдали ты остро чувствуешь, насколько тебе дороги: край, где ты вырос, родители, которые тебя берегли и лелеяли, близкие и друзья, с которыми ты связан крепкой духовной нитью!

Поэзия

Асламбек Тугузов

Монолог шейха Мансура

(отрывок из поэмы «Шейх Мансур»)

...А что чеченцы? – шейх с тревогой,
 Всмотрелся в старого отца,
 Как будто высмотрел дорогу
 Отчизны дальней до конца.
 Как будто там, во мраке зыбком,
 Увидел молнию в горах.
 И тут же странная улыбка
 На бледных вспыхнула губах:

– Отец – сказал он. Тихий шепот
 Обрел подобие крыла
 И стал похож на хриплый клекот
 Большого, сильного орла:
 – Отец, Аллах вернее знает,
 И Он испытывает тех,
 Кого страданьем отмечает,
 Кого Он любит больше всех.

Все в мире тленно, Божьи сроки
 Всему разумному – пример!
 Недолго царствовал Двурогий
 Над миром, гордый Искандер.
 И Рум упал, когда из Шама
 На рубежи его границ
 Явилось воинство Ислама
 В лисамах белых до ресниц.

Царей, наместников, героев –
 Всех смел великий ураган.
 Ушла династия Хосроев,
 И пал языческий Иран.
 И унеслось зыбучим прахом
 В слепую бездну, без следа
 Все то, что именем Аллаха
 Не освящалось никогда.

Лишь там, над будущим и былью,
 Среди космических могил,
 Еще мерцает звездной пылью
 Праматерь Смешанных Светил.
 Как дервиш ночью из ханаки
 Следы ночного грызуна,
 Я вижу тьму, но в ней есть знаки,
 В ней буквы есть и письма.

И Богоданным оком зная,
 Сквозь сжатый сумраком простор,
 Я ясно вижу очертанья
 Покрытых белым снегом гор.
 Вон там вдали за облаками,
 Смотри, отец, в папахе льда,
 Дымит ледовыми ноздрями
 Могучий нарт Тебулос-мта.

А ниже, – вдоль речного склона,
 Минуя сонный Харачой,
 Худой пастух клюкой из клена
 Ведет овец на Чеберлой.
 Как щедр к творению Всевышний,
 В какой предел не укажи!
 В апреле солнечные вишни
 Уже цветут в Элистанжи.

И на хребтах карабулаков,
Обильных травами весны,
Среди еще зеленых маков
Вовсю пасутся табуны.
И вот за этот край высокий,
За эту Божью благодать
Мы будем жизненные соки,
Как дань в могилы проливать.

Враг переходит в наступленье,
С девизом вечным – захватить,
И лишь огонь сопротивленья
Его заставит отступить.
Мы, люди с чистыми сердцами,
С неприхотливою душой,
И, по сравнению с врагами,
Нас очень мало под луной.

Но свят Аллах, Зиждитель сферы,
Семи небес и всех светил,
Он дал нам дух и светом Веры
Его, как башню, укрепил.
И я, придвинувшийся к краю
Условного небытия,
С сердечной дрожью ощущаю
Порывы этого огня.

Мы и тогда продолжим биться,
Когда, устав от вековой
Борьбы, измученно склонится
Кавказ, поникнув головой.
Пусть сталь врагов острее бритвы,
И нет солдатам их числа, –
Союз кинжала и молитвы
Сломает горб любого зла.

И мы сражаться будем с ними,
Ряды расстраивая их,
Чтобы адатами своими
Не стать похожими на них.
Когда щепотку чистой соли
Бросают в кубок питьевой,
То, растворяясь поневоле
Она становится водой.

И молния не выживает,
Когда ударится об лед,
И волк в неволе умирает,
И птица в клетке не живет.
Что нам купечески-стрелецкой
Орды неверная стезя?
И русский царь, и бей турецкий
Худые будут нам друзья.

И все надежды на кого-то,
Помимо Бога на земле,
Есть немощь духа и болото,
Застывшее в грядущей мгле...
И будет даль в кровавых росах
Крутить свое веретено,
Когда, подняв корявый посох
Из мест округа Ведено,

Восстанет дервиш света знания
И тихо к миру призовет,
За что отправится в изгнание,
Благословив Адамов род.
Вдали от синего Кавказа,
В стране холодной и чужой
Следы чеченского устаза
Развеет ветер мировой...

Критика и литературоведение

Саламбек Алиев

Возвращение Шейха Мансура

*Вернись, Гомер, века перешагни,
И посмотри прозревшими очами
На нас, исполосованных мечами,
И новую поэму сочини.*

Асламбек Тугузов

До поры до времени они молчат... Нет, право, есть нескончаемые потоки исторической литературы, статей, лекций, телевизионных и иных передач, в коих прослеживается попытка окинуть взором прошлое, понять его, пережить, осудить его или наоборот – возгордиться им, но даже и тогда исторические личности в них предстают перед нами в виде статистов, будь это даже сам Юлий Цезарь со своим каноническим «Пришел, увидел, победил».

Мертвые оживают, проникают в наше индивидуальное или коллективное сознание не тогда, когда в историческую толщу проникает холодный скальпель ученого-историка, а в тот миг, когда художник слова, подлинный и большой, окунает свое перо в чернильницу, наполненную до краев, нет, не чернилами, а кровью веков (авторы многих эпических произведений мировой литературы остаются безызвестными, так как собиратели древних текстов и устных преданий не видели себя в роли авторов и предпочитали оставаться анонимными).

Мировая литература сегодня представлена многими эпическими произведениями, которые дошли до нас сквозь тысячелетия и века, а также написаны в историческом отрезке совсем недавно. Есть среди них и анонимные тексты, а есть и авторские издания, есть тексты прозаические, а есть поэтические, написанные самым что ни на есть высоким штилем, есть эпические тексты с установкой на вымысел, в которых отсутствует претензия на историчность, а есть эпос героический, который традиционно предполагает достоверность повествования, но, как правило, носит мифологическую подоплеку. «Илиада» и «Энида», «Песнь о Роланде» и «Беовульф», «Божественная комедия» и «Пан Тадеуш», «Калевала» и «Манас», «Дон Кихот» и «Вильгельм Телль», «Шахнамэ» и «Тысяча и одна ночь», «Сто лет одиночества» и «Тихий Дон»... Обращая внимание на этот далеко неполный перечень произведений мировой литературы, у колыбели которой стоит Гомер, а на другом конце Шолохов, мы сталкиваемся со смещением огромного количества жанров, стилей, направлений и манер исполнения. Здесь и песнь с поэмой, и сказание со сказкой, и фантастика с фэнтэзи, и магический реализм на пару просто с реализмом, но везде, где мы имеем дело с историей, она зачастую носит квазиисторический характер.

Сюжетные линии чеченского эпоса (особняком стоит нартский эпос), который широко представлен героико-эпическими песнями или, в большинстве своем

строятся на реальных исторических событиях с реальными историческими личностями: Сурхо, сын Ады; Бейбулат, сын Тайми; Жаммирза, сын Мады; Айбика, дочь Дады; Таймасха Гехинская; Байсангур Беноевский; Ахмад из Автуров; Зелимхан Харачоевский; Дуда, сын Исмаила и мн. др. Но каким-то странным (если не сказать фантастическим) образом в фольклорном предании чеченцев в этом пантеоне национальных героев отсутствует личность Ушурмы, сына Шаабаза из Алдов, вошедшего в историю под именем Шейх Мансур. И это притом, что чуть ли не в каждой чеченской семье имя Шейха Мансура передавалось из поколения в поколение, не говоря уже о том, что в официальной чеченской и российской историографии личность Шейха Мансура исследована довольно широко.

Поэма чеченского поэта Асламбека Тугузова «Шейх Мансур» – первое в русскоязычной чеченской литературе художественное полотно, где легендарная личность первого имама Северного Кавказа представлена с широким эпическим размахом. Более того, поэма «Шейх Мансур» – первое историческое произведение стихотворного жанра в русскоязычной чеченской литературе с мистическими элементами, в которой с огромной силой художественного воздействия раскрываются и общеполитические вопросы человеческого бытия, и трагические вопросы исторического пути чеченского народа.

Мы не будем сейчас отвлекаться на научно-исторический экскурс в жизнеописание Шейха Мансура, пусть читатель обратится к монументальному исследованию доктора исторических наук Ш. Ахмадова «Имам Мансур. Народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе в конце XVIII века», изданное в 1991 году, а также к книге А. Мусаева «Шейх Мансур», изданной в 2007 году в серии «ЖЗЛ» (издательство «Молодая гвардия»).

Скажем только, что Ушурма, сын Шаабаза из Алдов, происходивший из чеченского тайпа элистанжхой, ставший известным на весь мир под именем Шейх (или Имам) Мансур, был первым Имамом Северного Кавказа, возглавившим народно-освободительное движение горцев (1785 – 1791 гг.) против жестокой колониальной политики царизма. За короткий срок он сумел объединить под свои знамена многие народы Северного Кавказа и вплоть до 1791 года вел упорную борьбу. Последний оплот Шейха Мансура – крепость Анапа – после многочасового штурма пала 22 июня 1791 года. Тяжелораненый Шейх Мансур был под конвоем доставлен в Петербург. С лихвой испытал на себе жестокое отношение, как к бунтовщику (не к военнопленному) и опасному политическому преступнику, после многократных допросов и пыток тайной канцелярии, по высочайшему указу императрицы Екатерины, осенью того же года Шейх Мансур был приговорен к пожизненному заключению в Шлиссельбургской крепости. А весной 1794 года бездыханное тело Мансура было вывезено с территории крепости и предано земле на Преображенской горе.

В поэме А. Тугузова мы застаем Шейха Мансура в предсмертный час. Поэт вводит нас в пространство художественной реальности, где «в сырой темнице каземата... чеченец гордый умирал», звучит монолог Шейха Мансура. Проведший два с половиной года в одиночной камере, вдали от всего родного – родного края, родных людей, родного языка..., с тяжелеными кандалами на руках и на ногах, немощный и больной, напоминающий глубокого старца,

хотя на тот момент ему было всего 34 года, Мансур произносит, вернее, поэт Тугузов вкладывает в его уста следующие слова... хотя, позвольте, может, не поэт Тугузов вкладывает в уста Шейха Мансура эти слова, а...

Доволен я, и слава Богу!
Да будет так, как Он решил!
Не я чертил мою дорогу,
Ее Всевышний начертил.

Монолог временами замолкает, и умирающий, пока еще физически не покидая стены тюрьмы, переносится туда, где было чисто, светло и ясно:

...И видит он надел ячменный,
Саманный дом, отца и мать.
Серебряную ленту Сунжи,
Обрывы желтых берегов.
Как будто дождевые лужи
Мерцают зеркала прудов.
А дальше к югу, за лесами,
Туманя призрачный простор,
Сияют белыми снегами
Седые шапки синих гор.
И видит он картины детства...

Эти строки можно принять за лирическое отступление, точнее, за лирическое вступление перед началом фиксации батального «видеоряда». Далее происходит нечто, напоминающее «сон внутри сна» – воображение внутри воображения: перед умирающим Шейхом Мансуром встают, проносятся вереницей лица его павших и живых товарищей, двух высокопоставленных российских чиновников – Шешковского и Потемкина, а в финале своего предсмертного видения он прощается с отцом Шаабазом. Между Шейхом Мансуром и всеми вышеперечисленными персонажами происходят пространные диалоги, которые и составляют сюжетную канву поэмы.

Когда исчезают последние видения боевых товарищей, Мансур продолжает свой внутренний монолог, вглядываясь в темноту каземата.

«Ведь, смерть не есть исчезновенье / В бездонной мгле небытия, / А лишь вторичное рожденье / Другого истинного – Я» – говорит Шейх Мансур, обращаясь ко всем нам, одержимым онтологическим страхом смерти.

Да, монолог этот, весь пронизанный философскими максимами, направлен как будто во внутрь, к самому себе, к собственному Духу, но так ли трудно понять, что это разговор с нами, для нас и о нас:

...Когда меня опустят всюю
Длиной в кусок чужой межи,
Не думай, что я сожалею

Об этом мире, полном лжи.
Скажи, что жизненная прялка
Сломалась быстро и легко.
И не кричи, что жалко, жалко,
Ведь скисшее молоко
Жаль больше...

С особой художественной силой показана «встреча» отца и сына – старика Шаабаза и Мансура. Обессиленный Мансур не может встать, а вернее, вскочить (ведь он не вправе лежать перед старшим, тем более отцом) и просит прощения у призрака отца, указывая ему на свою немощь: Смотри, водивший за собою / На битвы тысячи людей, / Уже я не могу рукою / Достать до собственных бровей.

...Старик глядит, и руку сына
В ладони бережно берет.
И, странной нежностью объятый,
Он шепчет горестно в ответ:
«Мой сын, мой первенец крылатый...»

Диалог отца и сына – это попытка ответить на многие животрепещущие вопросы прошлого, настоящего и будущего не только Нохчийчоь, но и всего Северного Кавказа.

Однажды Шейх Мансур, вооружившись кинжалом, сделал попытку объединить, собрать Кавказ под единой крышей. Ему это удалось на поле брани.

Через три века поэт Асламбек Тугузов, вооружившись пером, тоже решил собрать Кавказ под единым кавказским небом, и ему это удалось на творческой ниве. Тугузов вернул на Родину Шейха Мансура, собрал под одной обложкой верных его соратников: Дола Мударова, Атажуко Мисостова, узденя Астемирова, князя Чапалова, Казбека Умашева, черкесского льва Мухамед Зана, князя Ахмеда Дударова, Канамета Мансурова и др. Поэт устроил им достойную встречу с их Имамом и поделился с нами всем этим.

В мистической поэме Тугузова галерея кавказских борцов за свободу в предсмертных видениях Мансура – адыгов, аварцев, чеченцев, ингушей, ногайцев... – предстает перед нами в ярких и запоминающихся образах (поэт не скупится на метафоры, сравнения и эпитеты), олицетворяя единство Кавказа и несокрушимость идеала свободы, которая для нашего края и путеводная звезда, сияющая кровавыми искрами, и духовная ось нравственных координат. Это наивысшая точка человеческого бытия, без которой оно просто не имеет смысла, и миссию свою Шейх Мансур видит в том, чтобы донести эту мысль до всех кавказцев, хотя для него самого она кажется простой и очевидной:

Что сделал я? Сказал народу,
Что можно жизнь свою отдать,
Но Богом данную свободу
Нельзя без боя уступать.

Интересно, что к каждому из персонажей поэту удается подобрать свой индивидуальный штрих либо в детали одежды, либо в описании оружия, коня, доспехов, мимики, голоса, движения, жеста, чтобы передать его характер, благодаря чему легендарные соратники Шейха Мансура предстают живыми личностями и в то же время выразителями ментальных качеств своих этносов.

При этом психологический портрет самого шейха Мансура - символа свободолюбивого Кавказа - он рисует подчеркнуто человеческим, без пафоса и высокопарных изысков слога: ослабленный физически, больной, умирающий Мансур предстает человеком негибавшей воли, глубоко религиозным, великодушным и благородным, способным к прощению даже заклятых врагов, но в то же время обычным смертным. Замысел Асламбека Тугузова уникален: он изображает своего героя не в дни его побед и сражений, а в самый тяжелый для любого смертного миг – прощания с земной жизнью, перед лицом открывающейся двери вечности – он уже «не шейх, не светоч, не эмир», не «имам мятежного Кавказа», а всего лишь «сын Шабаза, простой чеченец Ушурма», и раскрывает его суть в антитезе внешней слабости и внутренней силы духа.

Язык поэта образен, выразителен, полон исторических, религиозных и культурно-этнических аллюзий, читатель должен быть хорошо знаком с историей Кавказа, с исламом, с обычаями чеченцев, которыми пронизано художественное полотно поэмы, тогда, обладая этими необходимыми фоновыми знаниями, он сможет по-настоящему насладиться находками поэта и погрузиться в мир его размышлений о земной юдоли и вечной жизни, о смысле бытия, о судьбе Кавказа, о судьбе Чечни, он услышит и узрит не только ритмы кавказских сражений века XIX в предсмертных видениях героя, но в его предсказаниях увидит не менее грозные всполохи рубежа XX-XXI веков, он сможет вместе с умирающим Мансуром осуществить трансцендентальное путешествие в прошлое и будущее, ощутить благодаря полету творческого воображения автора безграничность духа, который способен вырваться за пределы своего «Я» и преодолеть шаблоны земного видения в одной проекции. Однако и читатель, далекий от кавказско-исламских реалий, сможет окунуться в непривычную атмосферу насыщенного знаками и символами тугузовского текста, открыть для себя новое понимание человеческой экзистенции в целом и понять квинтэссенцию чеченской ментальности в частности и удивиться в очередной раз, что искусство не имеет этнических и каких бы то ни было еще границ и что каждый этнос неповторим и, как говорил Ортега-и-Гассет «умалчивает одно, чтобы сказать другое».

Поэт Асламбек Тугузов под занавес поэмы выводит на сцену самого себя и предстает перед читателем с обещанием встретиться вновь, нам остается с надеждой ждать, когда он «раздавит» и возвысит нас энергетикой своих новых произведений.

Роза Межиева

На примере одной публикации о чеченском Прометее

Не так давно гости и давние читатели журнала «Вайнах» принесли в редакцию распечатку из «Вестника Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева». Это была статья за авторством Н. Кодзоева, с недвусмысленным заголовком: «Об одной фальсификации А.С. Сулейманова». Понятно, что ознакомиться с этой работой предлагалось не праздного любопытства ради. По общему мнению, данная статья исполнена не просто измышлениями, но и совершенно оскорбительна – в первую очередь, в отношении памяти двух выдающихся представителей культуры наших народов – чеченского поэта, историка-краеведа и этнографа Ахмада Сулейманова и ингушского поэта, писателя и драматурга, Саида Чахкиева. Ведь ни первого, ни второго классика давно нет в живых, и призвать Н. Кодзоева к ответу или хотя бы к совести они уже не смогут, во всяком случае, не в этом мире.

Стоит отметить, что встречена она была, по-видимому, достаточно тепло в ингушской прессе. Во всяком случае, ни одного критического комментария, не говоря уже о полноценной рецензии, найти не удалось. А в январе 2020 года даже была перепечатана на одном из авторитетных Интернет-ресурсов республики, сайте Ghalghay.com – Ингушетия: Исторические Параллели – с очень пафосным и обязывающим девизом: «Свободен лишь тот, кто может позволить себе не лгать».

Небольшая биографическая справка об авторе статьи:

Нурдин Даутович Кодзоев родился в 1961 году в селе Кантышево Назрановского района ЧИАССР. Это современный ингушский поэт, прозаик, историк, художник-живописец, журналист, археолог, ученый-кавказовед, научный сотрудник Археологического центра при Министерстве культуры Республики Ингушетия. Автор многочисленных учебных пособий по истории ингушского народа для общеобразовательных школ. С 2004 года возглавлял отдел истории Ингушетии в том самом НИИ гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, где так счастливо из-под его плодотворного пера выходили и продолжают выходить различные книжки, и в том числе вышеназванный «обличительный» документ. В настоящее время является заведующим сектором историко-культурного наследия Ингушетии. В общем, «гуманитарий в самом широком смысле этого слова», – так отзывается о нем Мадина Оздоева, автор статьи «Неутомимость в духе», опубликованной 23 марта 2021 года в интернет-газете «Ингушетия» к 60-летию со дня его рождения. И добавляет: «Трудно представить себе, как можно одному человеку вместить в себя столько призваний и должностей, тем более что указанные здесь регалии являются весьма ответственными и почетными. Кому-кому, а вот Нурдину Кодзоеву удастся на протяжении многих лет успешно реализовывать свои творческие возможности во всех этих направлениях»!

Ну что тут скажешь? Отличное изречение – практически, в унисон с другим (тоже, кстати, известного поэта): «Я памятник себе воздвиг нерукотворный».

А теперь о самой статье Н. Кодзоева – «Об одной фальсификации А.С. Сулейманова».

Как и полагается для публикации в столь солидном научном издании, она обладает всеми внешними формальными признаками наукообразности. С аннотацией на русском и английском языках (а как же, весь мир должен знать, какой «редиской» был этот покойный чеченский классик) – и так называемыми key words (ключевыми словами), дабы читатель не заблудился в «трех соснах», то бишь страницах основного текста (тоже трех). Дабы не утоп во всех смыслах и домыслах, изобилие коих выдает в авторе профессионала, давно поднатворившего в подобного рода ремесле.

Так в чем же суть претензий, предъявляемых чеченскому просветителю, исследователю-краеведу, фольклористу, переводчику и народному поэту Ахмаду Сулеймановичу Сулейманову?

Не поверите – интрига, достойная пера советских сатириков Ильфа и Петрова, авторов знаменитой дилогии о похождениях великого комбинатора Остапа Бендера. Оказывается, наш классик подсмотрел у молодого еще ингушского поэта Саида Чахкиева, автора драматической поэмы «Чаша слез», сюжет о Прометее! СпрОсите, для чего? А чтобы впоследствии «сконструировать» и опубликовать собственный «миф о чеченском Прометее – Пхьармате». Разумеется, полный «несуразностей и противоречий», что и позволило в итоге Н. Кодзоеву «сделать вывод о его искусственности».

Чтобы низвести до столь низменного и уничижительного уровня морально-нравственный облик чеченского просветителя, способного, по логике Кодзоева, только обкрадывать культурное наследие у братского народа, это ж какой изощренной бесноватостью ума и сердца нужно обладать? Что же такого постыдного сумел нарыть Кодзоев в биографии чеченского классика – непостижимым образом ускользнувшее от внимания всевидящего ока советской цензуры, биографов и прижизненных свидетелей – чтобы в итоге сочинить и опубликовать на страницах журнала «Вестник» Ингушского НИИ гуманитарных наук сей «научный» пасквиль?

Для тех читателей, кому «посчастливится» ознакомиться с этим «трудом» самостоятельно (выше уже упоминалось, где и каким образом это можно сделать), кто по наивности и чистоте душевной попытается отыскать какое-то оправдание амбассадору «аутентичной» ингушской истории от допотопных времен и провокатору в одном лице, хочется дать своего рода путеводительное напутствие.

Во-первых, пусть вас не введет в заблуждение «арсенал» обоюдоострых «аргументов и фактов» условно-сослагательного наклонения, с помощью которых автор лихо «вскрывает» мелкотравчатые «попытки» чеченского классика утаить и присвоить историко-культурное добро ингушского народа – не забывая при этом камуфлироваться формальной беспристрастностью, обыкновенной для научных работ подобного рода. Не поленитесь посчитать, сколько раз «обличительные» гипотезы предусмотрительно «окаймляются»

либо разбавляются Н. Кодзоевым вводными лексемами, по типу: «вероятно», «вероятнее всего», «можно предположить», «возможно», «если бы»...

И вы обязательно обнаружите, что именно на этих «китах» и стоит вся «доказательная» база «Фальсификации...» по-кодзоевски.

СпрОсите, в чем же «фишка» всех этих «необусловленных» наречий, междометий, служебных частиц прочих модальных и безлично-предикативных слов, к которым питает столь заметную слабость ингушский ученый в своей «научной» статье? В морфологии, как части грамматики, изучающей части речи, их категории и формы слов, на этот счет секретов нет. «Ролевое» место кодзоевских «фишек» даже не второго плана – грамматически с другими членами предложения они не связаны, изъять их из высказывания можно без ущерба для его смысла. А вот смысл кодзоевских тезисных положений только один – и в тексте, и, в первую очередь, в самом названии его работы – «Об одной ФАЛЬСИФИКАЦИИ А.С. Сулейманова».

Кстати, о значении слова «фальсификация» (большинство, конечно, и так все знает. Но, увы, любителей пребывать в успокоительном заблуждении тоже хватает).

Фальсификация (от лат. fallere – обманывать, вводить в заблуждение; falsus – ложный; и итал. falsificare – подделывать) – то есть, это мошенничество, подделка; поддельная вещь, выдаваемая за настоящую; липа, имитация, подлог, подмена, фальшивка, фикция. Это умышленные действия, направленные на подмену чего-то реального ложным.

Надеюсь, что теперь, не прикрытый полупрозрачными намеками и эвфемизмами посыл, заключенный в названии данной статьи, более не вызовет разночтений, если таковые до сих пор имели место быть.

Впрочем, давайте не будем исключать вероятности возникновения (хотя бы в мыслях) у какого-нибудь читателя такого стыдливого вопроса: «А если вдруг А.С. Сулейманов **мог** так поступить... то что же именно он украл?» Что общего и в чем же новизна поэмы Саида Чахкиева «Чаша слез», узрев которую, маститый классик не удержал себя от преступного соблазна и так позорно в глазах Нурдина Кодзоева «сфальсифицировался»?

Согласно неписаной теории циклических «вероятностей», сей печальный «факт» автор статьи констатирует в аннотации следующим образом:

«В 1910 году В.Я. Светлов опубликовал ингушское сказание «Семь сыновей вьюги». По мотивам этого сказания ингушский писатель С.И. Чахкиев на основе этого фольклорного произведения создал драматическую поэму «Чаша слез». В 1963 году она была издана отдельной книгой на ингушском языке, а в 1965 г. – в переводе на русский язык. В те годы чеченский поэт и краевед А.С. Сулейманов собирал топонимию Чечено-Ингушетии, в том числе и в горах Ингушетии, где он обнаружил топоним «пхьармат». Вероятно, знакомство с поэмой С.И. Чахкиева и обнаружение топонима «пхьармат», который показался ему созвучным с именем Прометей, натолкнуло его на мысль сконструировать миф о чеченском Прометее – Пхьармате, который он создал и опубликовал в 1990 году». И уже в самой статье Кодзоев продолжает

раскрывать этот клубок возможных и предположительных «вероятностей» с удвоенным радением, в том самом «поте лица»: «Вероятно, еще в те годы А.С. Сулеймановым было создано художественное произведение «Пхармат», которое он выдал за фольклорную запись и опубликовал на чеченском языке позже в сборнике «Чеченский фольклор» в 1990 году...

В комментариях к мифу сказано, что Ахмед Сулейманов записал его в 1940 году со слов 80-летнего жителя хутора Гедин-пха, и еще один вариант сказания записал со слов своего отца Сулеймана...

Возникает вопрос: если это действительно так, почему А.С. Сулейманов не публиковал этот миф в течение 50 лет? Вероятней всего, сочинил он миф в 1960-х годах, когда узнал о существовании топонима Пхармат и познакомился с поэмой С. Чаккиева», но «долго не решался на публикацию самого мифа, боясь быть обвиненным в фальсификации», – продолжает Кодзоев плодиться гипотезами и сомнениями со своими читателями. Многие из которых, в силу возраста, уже не застали советскую эпоху (ведь ни для кого не секрет, что спустя время «озарения» ингушского историка со страниц подобных «научных» работ плавно перетекают в школьные учебники).

Нынешнее, уже даже не первое, постсоветское поколение не в состоянии представить себе, в каких условиях приходилось работать и отстаивать свои научные открытия ученым из нацменьшинств. В особенности, нелегко было представителям репрессированных народов – под тотальным контролем и прессом шовинистически настроенных партийных, научных «деятелей», и их прихлебателей. Которые, как вспоминал известный чеченский публицист и писатель Руслан Нашхоев в своей книге «Загадка Пхьармат» (2002 г., Москва), были против всего, где говорилось бы об истинной истории народа.

Попробовать опубликовать настоящие фольклорные записи, по сути, сенсационного характера для чеченской истории и культуры – и написать художественное произведение по мотивам литературного сочинения русского писателя – это далеко не одно и то же. И даже у такого художественного произведения «по мотивам» могло не стать шансов увидеть свет – если бы поэт не придерживался ряда очень жестких правил, предъявляемых тогдашней идеологией. И в том числе воинствующего атеизма: богоборчества, отражения «классовых» отношений между угнетенными бедняками-нартами и чванливыми богатеями-богами; высмеивание и наделение последних характерными чертами барина-самодура и т.п. Чтобы не быть голословной, приведу в качестве примера отрывок из поэмы, где Села обращается к коленопреклоненному Сослану, старому и немощному отцу нарта Курюко:

Блудливый пес, опять ты лижешь ноги?
Опять мне слушать нищенский твой бред?
Мы здесь не подаем! С меня довольно!
Ты, черт возьми, мне снишься по ночам!
Куда ни глянешь – всюду эта рожа:
Унылый нос, сверлящий небеса,

И эти глазки... Ты оглох, милейший?
Ну, начинай молить.

Или вот еще один красноречивый момент, характеризующий и дающий полное представление не только о художественной – но и, не в последнюю очередь, идеологической ценности поэмы для той эпохи, в которой жили и трудились наши классики. Например, когда Села, в ответ на слезные мольбы Сослана о милосердии к народу нартов, реагирует вот таким, согласитесь, очень человеческим образом (хотя и совсем не похвальным даже среди людей):

Старик, послушай,
Я даже тронут... Вот не ожидал,
Что этак промахнулся с сотвореньем!
Ведь я ж не зверь... Скорей, я даже добр.
Ты, право, скажешь – я не очень скромнен?
Но посуди: когда сидишь один... А по секрету:
Здесь такая скука!
Конечно: лиры, девы, фимиами, и ангелы,
И прочие удобства...
Но скушно, милый! Знаешь ли, порой
Такая грусть, такое огорченье,
Что взял бы этих бледных молодых,
Да каждому – под зад!..

В остроумии автору драматической поэмы «Чаша слез» не откажешь – если бы не обязательное следование сюжетной канве, где Курюко – это почти тот же Прометей, пожертвовавший собой ради спасения всех, то данную поэму можно было бы смело называть не драматической, а сатирической. Или, на худой конец, трагикомической.

Образ Селы в поэме Саида Чахкиева – это однозначно не грозный и наводящий ужас на свои творения громовержец Зевс из древнегреческих мифов. Это даже не алчный Тга из фольклорного произведения В. Светлова, который обжирается барашками, сидя в тростниковой хижине и обложившись толстыми облачными подушками, где-то на вершине заснеженной горы Бешлам-Корт.

Это склочный старикашка и тот самый барин-самодур, навроде пушкинского Кирилы Петровича Троекурова из романа «Дубровский», которому вернуться к выходкам «молодеческой» поры мешают только «сан, солидность и года». Даже «явление Господа народу», то бишь Селы, Саид Чахкиев обрисовывает самыми комическими красками: «В небе со скрипом отодвигают облако. Становится видно золотое крыльцо, на которое выходит Села».

Итак, в чем новизна поэмы «Чаша слез», исходя из вышеприведенных примеров и требований к литературе социалистической эпохи, думаю, читатель уже и сам догадался. А вот что же общего между фольклорной записью о Пхьармате А.С. Сулейманова и произведением Саида Чахкиева? Как

читатель наверняка заметил, верховные божества – герои поэмы и «ингушского сказания», имеют разные имена: Села и Тга (кстати, герой с таким же именем Тга есть и в кабардинском языческом пантеоне). В мифе, записанном Ахмадом Сулеймановым, тоже есть Села, и он обитает на горе Казбек. И вот этой «зацепки» для Кодзоева оказалось достаточно, чтобы повесить на Сулейманова подозрение в «тяжком грехе». В поэме «Чаша слез» Села также предстает обитающим на этой горе. В то время, как «по мифологии вайнахов этот повелитель грозы и молнии никогда не связывался с горой Казбек», – так утверждает другой ингушский ученый, профессор И.А. Дахкильгов, в книге «Мифы и легенды вайнахов» (о которой я еще упомяну), и вслед за ним – Н. Кодзоев. Однако «для литературного произведения такая вольность допустима». «Прокол» же, согласно мысли автора статьи, в том, что «вслед за С. Чахкиевым было создано литературное произведение под надуманным именем главного героя (Пхармат) А. Сулеймановым, который следуя «Чаше слез», на горе Казбек также поместил Селу». Вот на этом месте Н. Кодзоев, наконец, отбрасывает вводные наречия, выражающие разные степени неуверенного подтверждения, возможности или допустимости, коими был очень стеснен в «растекании мыслью по дереву» – возложив всю ответственность на цитируемого товарища по творению древней и современной ингушской истории, И.А. Дахкильгова.

Ну, раз уж Н. Кодзоев поделился своим вариантом воображаемой «детективной» истории – как могла произойти эта злосчастная сулеймановская «фальсификация», – предлагаю вниманию читателей альтернативный вариант. А именно, как и при каких обстоятельствах **могло** произойти такое совпадение.

Как уже отметил Н. Кодзоев, и Саид Чахкиев, и Ахмад Сулейманов в начале 60-годов работали и творили, практически, в одно и то же время – один сочинял по мотивам произведения В. Светлова поэму «Чаша слез», а другой – собирал топонимы в горах Чечено-Ингушетии. Это было время, когда наши народы, как никогда, осознавали общность своей трагической судьбы и исторических корней. Именно по этой причине А. Сулейманов не считал для себя зазорным делать трудную и сложную (и, как теперь выясняется, неблагодарную) работу: собирать в глухих и запущенных после тринадцатилетней ссылки горных хуторах топонимические свидетельства исторического прошлого наших народов. А потом честно публиковал эти находки в своих книгах по топонимии, ничего не утаивая, все как есть: что нашел в Ингушетии, что – в Чечне... Когда вышла первая часть первого тома исследований в 1976 году, в ней он рассказал об ингушском топониме «пххармат». Там же (Кодзоев этого не отрицает) Сулейманов упоминает и о существовании чеченского мифа о нарте Пххармате. А чеченский исследователь К.З. Чокаев пишет, что в 1966 году А. Сулеймановым были ему переданы два варианта преданий о Прометее – «Пххарий» и «Пххармат», – которые он привел в приложении к своей книге «Вайн мотт – вайн истори» («Наш язык – наша история»), изданной в 1991 году.

Учитывая, что миф о Пххармате, записанный Ахмадом Сулеймановым, сохранился до наших дней благодаря старикам, в том числе из чеченского тейпа орстхой, можно предположить, что ингушский топоним «пххармат» был обнаружен им среди мест бывшего или настоящего проживания той части

орстхоевцев, которые в наше время считают себя ингушами. И это один из очень важных моментов в альтернативной версии вышеописанного «исследования».

В первые десятилетия восстановленной автономии представители науки и культуры из чеченцев и ингушей не сегрегировались – напротив, тесно взаимодействовали и помогали друг другу: в конце концов, Ахмад Сулейманов был не только ученым, но и таким же поэтом и писателем, как Саид Чахкиев. С той лишь разницей, что был намного старше и опытнее, и вполне мог быть другом и даже наставником молодого ингушского поэта, которому на момент публикации его поэмы на ингушском языке едва минуло 25 лет. А сочинить ее он мог еще раньше – лет этак в 22 или 23. Согласитесь, в этом возрасте «на чистовик» подобного рода произведения сразу не «сочиняются» и не записываются – требуется длительная и кропотливая работа, чтобы довести задуманное «до ума». В пользу такого варианта событий косвенно может указывать и деятельное участие самого С. Чахкиева – в открытии и своего рода патронаже молодых талантов уже в его зрелые годы, когда он был руководителем клуба молодых поэтов «Прометей» в Грозном. Так, с большой теплотой и благодарностью вспоминает о нем известная чеченская поэтесса Роза Талхигова, до сих пор считающая Саида Идрисовича своим самым важным наставником в начале ее творческого пути. А также чеченская поэтесса Таиса Хадызова, входившая в этот клуб в конце 80-х – начале 90-х годов, ныне проживающая в Австрии.

Нисколько не удивительно, если молодой Саид Чахкиев советовался с Ахмадом Сулеймановым по поводу работы над этой поэмой. И умудренный опытом Сулейманов вполне мог подсказать Саиду Идрисовичу, например, не опираться целиком на светловскую художественную «фактуру», – а воспользоваться подсказками из легенд, когда-то записанных им от своего отца и старика-чеченца из тейпа орстхой, который является общим для наших народов. И таким образом, избежать обвинений во вторичности от тогдашних недоброжелателей. Отсюда несоответствие имен и мест их обитания – зато есть совпадения в этой части с чеченским мифом...

Вот такой ретроспективный взгляд на историю происхождения чеченского мифа о Пхъармате и поэмы Саида Чахкиева «Чаша слез» гораздо больше согласуется с научным подходом – для публикации на страницах журнала гуманитарного НИИ, – да и выглядит куда правдоподобнее...

Далее, вполне ожидаемо, в своей статье Н. Кодзоев не ограничился плохо скрытыми обвинениями лишь в адрес А.С. Сулейманова (как это часто случается с подобного рода исследователями), – и вот он уже осуждает всех чеченских авторов, что называется, «скопом». Незаметно (или в надежде, что читатель ничего не заметит) он переходит к откровенной подмене смыслов: «Чеченские авторы часто не понимают» (в то время как «любой ингуш без разъяснений поймет»), – почему в ингушских текстах пишутся такие двойные имена». Это Кодзоев об имени матери нарт-орстхойцев Села-Сате в чеченской легенде «Пхъармат», которое Сулейманов записал через дефис, тем самым сохранив характерную мелодику и тональность повествования...

А дальше и вовсе начинает приплетать замечания уже из совсем другой

«оперы» – к чеченскому автору М. Гешаеву, который, «не поняв значение имени Орцха Карцхала, называл его в своей публикации просто Орцха».

Видимо, в рамках статьи «Об одной фальсификации А.С. Сулейманова» Н. Кодзоев счел это дополнение очень важным – о выходе из селения Ангушт (Онгушт), который «первым поселился на берегах теперешней равнинной Ингушетии» (цитата из статьи М. Оздоевой «Живи и процветай мой город!» на сайте Газетаингуш.ру). В общем, как в известной поговорке: «В огороде бузина, а в Киеве дядька».

Однако, возвращаясь к нашей теме: прежде чем ознакомиться с содержанием поэмы Саида Чахкиева «Чаша слез», это «ингушское сказание» – «Семь сыновей вьюги» – мне довелось прочитать еще в школьно-студенческие годы, в книге «Мифы и легенды вайнахов». Ее автором является небезызвестный в некоторых научных кругах Ибрагим Абдурахманович Дахкильгов. Наверное, многие из нас, заставшие начало довоенных 90-х – на книжных развалах, в букинистических магазинах и библиотеках – встречали эту книгу в твердой обложке синего цвета, с изображением головы скульптурной птицы. Она была издана в Чечено-Ингушском издательско-полиграфическом объединении «Книга» Государственного комитета Чечено-Ингушской Республики по делам издательств, полиграфии и книжной торговли в 1991 году. Между прочим, тиражом в 10000 экземпляров. Цена договорная. Издание было осуществлено за счет средств автора – стало быть, на его честные накопления с советской зарплаты. Хорошее время было... Ну, это так, лирическое отступление.

В своем длинном, на 89 страниц, предисловии к книге, в которую вошли мифы и легенды чеченцев, ингушей и бацбийцев (в том числе легенды о прикованном Амиране(и) – закавказском Прометее), Дахкильгов, о появлении на свет «ингушского сказания», пишет вот что:

«В 1910 году В. Светлов опубликовал весьма любопытный текст «Семь сыновей вьюги (ингушевское предание)». Целый ряд фактов из самого этого текста свидетельствует, что он был записан В. Светловым именно среди вайнахов. Вместе с тем фольклорный текст подвергся литературной обработке. Известно, что она крайне нежелательна. В данном случае утешает то, что сам народный сюжет не претерпел изменений, а «авторские» добавления самого В. Светлова легко отделимы. Выражая сожаление по поводу привнесенной литературщины, мы должны быть благодарны, что этим автором хотя бы и в таком виде текст о славном герое был зафиксирован. В противном случае этот текст вообще канул бы в неизвестность».

Что в приведенном фрагменте из предисловия, как бы это сказать по деликатнее,стораживает? Во-первых, народную ингушскую легенду поведал некто В. Светлов. Кто этот человек? Писатель, историк, этнограф, летописец... кто? Почему автор ограничивается лишь кратким обозначением его фамилии? Как звучит его полное имя, и почему ингушский народ «должен быть благодарен» ему? Во-вторых, разве народные легенды не потому называются народными, что известны бывают либо всем от мала до велика, либо какой-то части народа (например, как в нашем случае, старикам из чеченского тейпа орстхой)? Это что же получается, не опубликуй В. Светлов сего «ингушевского предания»,

сам ингушский народ так бы и не узнал, что оно у него есть?

К сожалению, и Кодзоев, и Дахкильгов солидарны в одном – ни слова о самой личности В. Светлова, которому не только ученые, но и весь ингушский народ «должен быть благодарным» до скончания веков – за этот «весьма любопытный текст», подарок, поистине исторического значения (хотя и заметно подпорченный «привнесенной литературщиной»).

А ведь если бы они или их ученые коллеги («гуманитарии в самом широком смысле этого слова») захотели, то вполне могли бы посвятить хоть одну научную работу человеку, на наследии которого уже столько поэтов, писателей, историков и фольклористов выросло и кормится. Или не захотели? А почему?..

Как представляется (даже из тех источников, что можно обнаружить в Сети в открытом доступе), господин В. Светлов был чрезвычайно интересной личностью. И если бы не Октябрьская революция, вполне возможно, снискал бы себе славу русского Александра Дюма-старшего. Много слов тут, конечно, не распишешь, однако с «красной строки» должное постараюсь ему отдать.

Валерьян Яковлевич Ивченко родился в городе Санкт-Петербург в 1860 году. Русский дворянин. Его литературный псевдоним – Валериан Светлов. В Первую мировую войну ушел добровольцем на фронт, где служил ротмистром в Ингушском конном полку «Дикой дивизии». После поражения Белой армии в Гражданской войне вынужден был эмигрировать во Францию, где и умер, в Париже, в 1935 году.

По роду своей мирной деятельности Валериан Светлов был литератором, прозаиком, театральным критиком, драматургом-либреттистом, балетоведом и историком балета (был женат на балерине), переводчиком и редактором. Его перу принадлежат многочисленные произведения в жанре рассказа, очерка, этюда, новеллы, повести и романа – в основном, беллетристического характера: романы «Авантюристка», «Рабыня порока», «В вратах Эдема», «Золоченая богема», «Неравный брак», «Утопия», новелла «Звезда любви»; из «Крымских очерков» – роман «В лунном свете», «Последнее прости», «Отрывки из записок маньяка». Из «Кавказских преданий и легенд» – «Красавица Эхсина», «Ночи Тамары», «Шатер Авраама» и т.д.

А вот «Семь сыновей выюги: Ингушевское предание» впервые вышло в Санкт-Петербурге все-таки не в 1910 году, а в 1903-ем (Читальня народной школы: Журнал с картинками, выпуск 12)...

Интересно, а как часто наши грузинские соседи – те же ученые, историки, фольклористы – обращаются в своих научных изысканиях к такому «весьма прелюбопытному тексту», как «Ночи Тамары»? Сильно подозреваю, что вопрос, скорее всего, риторический. Однако он же способен объяснить одну из возможных причин, по которой вышеупомянутые ингушские ученые-гуманитарии предпочитают не акцентировать свое внимание на личности столь выдающейся и талантливой, как русский писатель Валериан Яковлевич Светлов.

Кстати, в этой статье, «Об одной фальсификации А.С. Сулейманова», Нурдин Кодзоев, по одному ему известной причине, едва ли не навязывает читателю свои личные сомнения – в том, что Ахмаду Сулейманову вряд ли что было известно о художественном фольклорном произведении В. Светлова «Семь

сыновей вьюги». Что выглядит довольно странным, учитывая особенности происхождения и те условия, в которых рос Сулейманов: в семье, считавшейся с дореволюционных лет достаточно состоятельной, нередко устраивавшей на своих земельных владениях празднества и состязания, иногда с участием гостей из Дагестана и Грузии. Отца Сулейманова считали «человеком толковым», постоянно избирали сельским главой. И это была семья, где высоко чтити народные обычаи. «Чеченские мифы, сказания, легенды, народные песни постоянно звучали в их доме, создавая атмосферу высокой духовности, которую Ахмад впитывал в себя с детства». Будучи «очень любознательным ребенком, он не только хорошо учился, но и проявлял способности к стихосложению, рисованию и музыке... В доме имелась большая библиотека – подарок друзей, потомков князей Турловых».

По окончании средней школы Ахмад Сулейманов работал на различных общественных должностях: инструктором Наркомпроса и секретарем райкома комсомола. В дальнейшем (после депортации нашего народа) учился в Казахстане, в Семипалатинском государственном педагогическом институте...

Для чего здесь приводятся эти выдержки из биографии чеченского классика, которую каждый без труда найдет и в Интернете, и в обычных книгах, посвященных его творчеству? Уж точно не для того, чтобы противопоставить их биографии ингушского поэта Саида Идрисовича Чахкиева – выходца из крестьян, рано осиротевшего и познавшего тяготы физического труда. Последнее обстоятельство, кстати, не помешало ему, спецпереселенцу, сначала окончить вечернюю семилетнюю школу в селе Мичуринск Алма-Атинской области, а затем и десятилетку. Позднее, в 1957 году, когда наши народы вернулись из ссылки на родину, Саид Чахкиев поступил в Литинститут имени Горького на заочное отделение, поэтический семинар Льва Ошанина. Страна Советов, при должном рдении в учебе и труде, давала возможность, фактически, каждому ее гражданину не просто «выбиться в люди» – а развить все, заложенные в человеке природой, дарования.

И теперь, вновь возвращаясь к вопросу, знал ли Ахмад Сулейманов о существовании такого литературного произведения Валериана Светлова, как «Семь сыновей вьюги», можно смело утверждать: разумеется, знал! Стыдно было бы не знать – если уж сам Саид Чахкиев не скрывал ни от кого, по мотивам какого произведения создал поэму, наделавшую в свое время в литературной и культурной жизни Чечено-Ингушетии столько шума...

Только вот опять же, каким «бокком» поэма имеет отношение к чеченскому мифу о Пхьармате (даже если исключить из истории создания поэмы «советы» А.С. Сулейманова)? Почему сам Саид Чахкиев никогда не выдвигал против него подобных обвинений?..

На каком основании Сулейманов, согласно кодзоевским «гипотезам», боялся быть обличенным в мошенничестве? Чего же именно он выжидал? Уж не смерти ли ингушского собрата по перу? Ну, так и с этой «возможной» из возможных «вероятностей» Кодзоев промахнулся – Саид Чахкиев пережил Ахмада Сулейманова на целых тринадцать лет. Наконец, напрашивается и такой вопрос: а что лично Кодзоеву мешало опубликовать свою «научную»

статью, пока был жив Саид Идрисович? Показать ему, обсудить ее, поговорить по душам о накипевшем... Или такие ученые, как Нурдин Даутович, просто не были вхожи в его дом?.. Думаю, и этот вопрос, скорее всего, риторический.

Бросается в глаза еще один очень важный «пробел» в статье Н. Кодзоева: если Ахмад Сулейманов был способен на художественное мифотворчество и, по сути авторских подозрений, воровство – то почему он не скрыл от общественности факт нахождения топонима «пхьармат» в горах Ингушетии? И наоборот, почему не объявил о нахождении «чеченского» топонима «пхьармат»? А что? Никто из исследователей ингушского фольклора в те годы на пятки не наступал – пока он неделями, а то и месяцами, сбивал ноги о камни – в поисках сокровищ, которые обогатили бы науку наших народов. Да и что такое, собственно, топоним – представляющийся Н. Кодзоеву исключительно «ингушским»? Всего лишь название географического объекта. А в данном случае, имеющий абсолютно идентичное значение и звучание в чеченском и ингушском языках.

Ничего сверхъестественного и эксклюзивного: «пхьармат» – это буквальное обозначение кузницы. Или «место, где пребывает (работает) кузнец». От «пхьар» – кузнец, оружейник и «мат» («мот», «меттиг») – ограниченное по своему назначению или локации место.

Таковыми топонимами и микропонимами с корнем «пхьар», «пхья» язык чеченский и земля в одной только горной Чечне пестрит чуть ли не через каждый второй или третий хутор с его окрестностями. Сравните: Пхьеран цанашка – пастбищные угодья, отведенные кузнецам (общество Хьачарой), Пхьеран таькГа – границы участка, отведенного для кузнеца (общество Чохоевское, тейп гухой), ПхьераГие – поселение (или вотчина) кузнеца в местности Нашха; тейп Пхьамтой и село Пхьамт (Шатоевский район). Обычные слова с такими же корнями в чеченском языке даже не возьму на себя труд выписывать – кому интересно, пусть заглянут в тот же в чеченско-русский словарь А.Г. Мадиева.

Кодзоев, по сути, высмеивает проведенную чеченским ученым-фольклористом параллель между именем нарта – Пхьармат – и Прометеем, титаном из древнегреческих мифов, который по приказу Зевса-Громовержца создал людей, научил их обрабатывать землю, выращивать хлеб, строить дома и изготавливать полезные вещи. А также – читать, писать, различать времена года и лечить болезни.

Это сходство характеров и имен, по Кодзоеву, всего лишь «показалось» Сулейманову, благодаря «случайному созвучию», и ничего общего-де, под собой не имеет. В доказательство он приводит два значения имени Прометей с древнегреческого языка: «Провидец» и «Вперед мыслящий» – и, то ли умышленно, то ли по незнанию, умалчивает о третьем: «Радетель» (синонимично словам «защитник», «попечитель», «опекун», «старатель»). Кстати, значение имени чеченского нарта и род его занятий имеют прямую отсылку к подвигу древнегреческого титана, который стоил ему нечеловеческих мук на протяжении тридцати тысяч лет: Прометей крадет искру огня для замерзающего человечества именно из кузницы Гефеста, сына громовержца...

И уж совсем в статье Н. Кодзоева нет ни слова о том, что миф о Прометее, как писали об этом сами древние греки, пришел к ним с Кавказа, где герой-титан был

прикован к высокой «седой скале». Пришел не от случайных путешественников – на кавказском черноморском побережье находились многолюдные колонии древних греков, потомки которых, собственно, и сейчас проживают в этих местах. Не перестает удивлять ограниченность научного взгляда «гуманитария в самом широком смысле этого слова», когда он берется рассуждать о сомнительности происхождения именно чеченского мифа о Пхъармате – вне контекста существования похожих мифов в фольклоре практически всех издревле проживающих на Кавказе народов: грузин, абхазцев, черкесов, осетин, дагестанских народов и т.д. Непонятно, откуда у ингушского ученого такая выборочность в предпочтениях – когда он охотно верит в топонимы, обнаруженные А. Сулеймановым в Ингушетии – и отказывается в этом же доверии, когда речь идет о его находках в Чечне. К чему клонит Н. Кодзоев?..

В заключение, хотелось бы обратиться к нашим чеченским ученым, литераторам, фольклористам, археологам – в общем, ко всем гуманитариям.

Как нам демонстрируют вот такие же и прочие условные кодзоевы от науки и культуры, мы рискуем в какой-то момент оказаться теми, кем они пытаются представить нас на страницах своих «научных работ» и учебников. Кое без устали строчат и распространяют ложь и клевету с трибун, катаясь по различным конференциям. К сожалению, практика показывает, что для такой породы людей совершенно без разницы – прославиться или ославиться... А по прошествии еще двух-трех десятков лет, глядишь, будут не прочь порассуждать на «серьезных щах» об ингушском происхождении и самого Прометея... Если вдруг «повезет» обнаружить где-нибудь в горах Ингушетии ржавые обломки газовой плиты «Прометей», прозванной в народе еще со времен СССР прометейкой...

Впрочем, здесь речь даже не об этом. Если вяло реагировать или вовсе оставлять в небрежении их бурную деятельность, порочащую в прямом смысле этого слова наш народ и его лучших представителей, недалек тот час, когда из «сундука», что остался в наследство со времен общего сожительства в границах одной республики, будет просто нечего взять... А потому что в большой семье клювом не щелкают – пока один из ее бывших членов то и дело успевает запускать туда свои жадные лапки, по принципу: «Что мое – то мое, а что твое – то наше».

P.S.: А вниманию наших читателей мы представляем ту самую уникальную легенду о чеченском Прометее – Пхъармате, записанную Ахмадом Сулеймановичем Сулеймановым со слов своего отца в 1937 году. Легенду, которая так долго и так мучительно преодолевала тернии и преграды, чинимые врагами и злоязычными завистниками – на пути к нам, потомкам «славного праотца Турпала Нахчуо» и героических нартов. Она не просто уникальна – это настоящий шедевр народного творчества. В двух вариантах: на чеченском и русском языках.

Фольклор

Пхьармат

(Шира дийцар)

Хьуна дала дика дийриг, диканца хьо дукха вахарг, вонна хьо тӀаьхьатеттарг, диканна хьо хьалхавахарг! Дийцаний-аьллий, хӀун ду хьуна, ас цхьа туьйра дуьйцур ду хьуна, тур-тамаша буьйцур бу хьуна. Лунан лергаш самадахалахь, берзан бӀаьргаш серладахалахь!..

Аса хьуна дуьйцур ду оцу дӀогарчу Башламанан коьртехь ло маца дуьйна Гуьллу, шерачу аренашкаххьий, ламанийн басешкаххьий хаза хьожа йолу бецашший, тайп-тайпана зезагашший маца дуьйна дуьйлу...

Мацах хьалха заман чохь и дӀогахь шуна гуш долу лекха лаьмнаш кхин а лекха хилла, церан кортошкахь хӀинца санна лой, шай а доцуш, хаза бецашший, зезагашший хилла. Ткъа хьалха заман чохь цкъа а ца дешаш лой, шай кӀоргачу Ианнашкаххьий, ламанийн басешкаххьий, шерачу аренашкаххьий хилла.

Оцу хенахь вайн дай, наьрт-орстхой, Ианнашкаххьий, хьехашкаххьий, лекчачу бӀаьвнашкаххьий бехаш-Ӏаш хилла. И дӀогара лаьмнаш санна лекха хилла уьш. Церан дой а хилла иштта даккхий. Черчий санна ницкъ болуш хилла наьрт-орстхой, берзалой санна майра хилла, цӀоькъаш санна каде хилла, цхьогалш санна мекар хилла.

Катухий, атта схьайоккхий, ламанан тарх кхуссуш хийлла цара, мохь тухий, ламанаш декош хилла, цӀога тухий, стигланаш егош хилла цара. Делахь а гӀорасиз хилла уьш – цӀе ца хилла церан карахь.

Ницкъ болу Села къиза хилла, Ӏазape хилла. Иза хилла стигалан да, цӀе а цуьнан долахь хилла.

ХӀун пайда бу ницкъан а, цунах адамашна дика долуш ца хилча?

ХӀун пайда бу ницкъан, цунах адамашна Ӏазап-бала хуьлуш хилча? Наьрт-орстхошна, шегара ницкъ гайта, цӀеран хьорканаш тӀе а хойй, инзаре йоккха гӀовга гӀаттош хилла Селас, стигала каглуш, дакъанаш хуьлуш, охьатейоьлхуш санна хобтуьйтуш, йерриг стигала а къекъош. Села Ӏаш волу стиглан Ӏаьрчеш даима Ӏаьржачу мархаша хуьлдинера. ДогӀанах йузайой, мархаш лаьтта хьовсайой, оцу догӀанах ша, къора лаьтта йелхайора Селас, адамашна тӀе кхин а доккха Ӏазап доссосш. Кест-кестта цо, нуьрах-цӀарах дина стелаӀад кара а оьций, лаьтта стелахаьштигаш кхуьссаура, дерриге а гондӀахь дагош.

Дика а, вон а Селин карахь дара. Вонна комаьрша вара Села, диканна – сутар вара...

Дика къаьхьачу къица кьийсамехь доккхура адамаша, ткъа вон – Селас ша луш дара.

Стигалний, лаьттаний юккъехь даима мостагӀалла лаьттара.

Селиний, адамашний юккъехь даима кьийсам лаьттара. Наьрт-орстхой балано мел таӀий, гӀадьоьхура Села. Села гӀад мел ихи, гӀайгӀане йоьдура Сата. Сатина чӀога лаьара наьрт-орстхошна гӀо дан, амма Селех кхоьрура иза.

Оцу хенахь ломахь вехаш вара ницкъ болу наьрт Пхьармат, шен пхьалгӀи чохь, нахана гӀуллакх а деш. Дика пхьар хилла иза.

Пхъармат эсала, комаърша, ницкъ болуш наърт хилла. Къамел клезиг а деш, къа дукха хьобгура Пхъармата. Ойланаш дукха йора, адамийн балина, хIун гIоли йийр йара-те, бохуш. Цо ойла йора, Селин долара а йаьккхина, адамашна цIе муха йахъар йара-те, бохуш. Бертахъ ца лора иза Селас.

Ша дуьнен чу ваьлчахъана, нахана юккъера диканиг, обзданиг, хьекъалениг схьагулдеш вара Пхъармат.

Цуьнан дин Турпал гуттара ломахъ паргIат лелара.

Олуш хиллера наьрташа Пхъармате:

– Дин беречунна кIелахъ бахчало, къонах къийсамехъ вахчало. Хъан дин паргIат хIунда лела?

Пхъармата жоп луш хиллера:

– Сан дин бахчабелла бу. Хан тIекхаьчча, сан дино стиглара хаьштиг дахъар ду!

Цхъана дийнахъ Пхъармата шен Турпале мохъ тоьхнера, Органан чIож декош, ламанаш дегош, самаваьккхина, Селига агIо хорцуьйтуш. Геннахъ ломахъ бежаш болу дин, шен да кхойкхуш хезна, дуьхьал терсира. Ткъес санна маса кхечира Турпал шен дена Пхъарматана дуьхьал. Карайцира Пхъармата чхьонкар, тIедуьйхира йобзан гIагI, хаьн тIе оьллира пхерчех йуьзина хумIар, пхъаьрсах къевлира булийн неIарх йина йолу туре, коча тесира секхаIад, юкбах дихкира тур, буйна къобвлира буьххьехъ йобза вед йолу гIоьмакх.

Шен Турпал динна йуткъа нуьйр а тиллина, хьехан маIа йуьззина доьгтина йий а мелла, бакхах санна ког латийталахъ сан, бадах санна куьг латийталахъ, аьлла, дина а хиьна, цкъа а цхъа а ца ваханчу, вахнарг вуха ца вогIучу новкъа велира иза. Наьрт-орстхоша Пхъармат воьдучу новкъа борц хъаьрсира, некъ дика хилийта, аьлла. Макхах буьзна мок хIоттийра: «Воьдуш, вайн-веса хуьлда хьо, вогIуш веза-вуьзина хуьлда хьо!» – аьлла.

Дукха ихира Пхъармат. ВорхI дийнаххьий, ворхI бусий некъ бира цо. ВорхI Ин, ворхI лам хадийра цо. Шена тIехъ Села вехаш йолу стигал хьалалаьцна лаьтгачу Башламанан духхе кхечира Пхъармат. Нисса хьала йолчу инзаре халачу басешкахула ирх некъ бира Пхъармата. Башламанан коьрте велира иза. Башламанан коьртехъ хаза хьожа йолу бецашший, тайп-тайпана зезагашший дара.

Оцу Башламанан коьрте садаIа йуссуш хиллера маьлхан нур догу Сата, Села-Сата, Селин езар, наьрт-орстхойн нана.

КIайн олхазар хилла дуьхьалйелира иза Пхъарматана. Адамийн маттахъ цуо элира:

– ХIай ницкъ болу наьрт! Хьо лаа-тара ца ваьлла хIокху Башламанан буьххье.

– Бакьду иза, комаърша олхазар, со лаа-тара ца ваьлла хIокху Башламанан коьрте. Со стигалан кхерчара адамашна цIеран хаьштиг дахъа веана, и доцуш, вухавоьрзур волуш а вац, – жоп деллера Пхъармата.

– Дикачу гIуллакхана араваьлчачуьнан некъ дика ца хилча, амал дац. Аса гIо дийр ду хьуна, – аьлла Села-Сата.

Йуха а хаьттинера цо:

– Дин дика буй хъан?

– Мохал маса бу сан дин, – жоп деллера Пхъармата.

– Ницкъ болуш буй хъан дин?

– Сан дино берг тоьхначохь, шовда гучудолу.

– Ницкъ болуш вуй хьо хьюо?

– Сан карахь шийла боьрза бакхал а, балозал а кЕда хуьлу, – элира Пхьармата.

Села-Сата дийцира Пхьарматана муха, муьлхачу новкъа вахча, кхачалур ву Селин кхерча, дийцира цуьнан кхерчара цЕран хаьштиг муха эцалур ду.

– Села хИнца вижина хир ву. Мох санна чехка хьайн дин дIахахка. Селин кхерчана тIохула кхоссабалийта иза. Цу чохь йогуш йолчу цIарна хьо тIе ма нисвеллинехь, охьа-чукховдий, катохий, цЕран хаьштиг схьэца. Цул тIаьхьа хьайн дин, йуханехьа, нисса Башламанехьа хахка. Ларлолахь! Инзаре ву Села! Къиза ву Села! Иза самавалахь, дийна дIавохуьйтур вац цо хьо а, я хьан дин а. Лаьтта цЕран хаьштиг дIакхачор дац ахьа тIаккха.

Иштта, Сатас ма-хьеххара, гIуллакх дира Пхьармата.

Чехка хахкабелла, Селин кхерча тIохула кхоссабелира Пхьарматан дин. Охьакховьдина, цЕран хаьштиг схьэцна, Башламанан коьртехьа хаьккира Пхьармата шен дин. Дин сов маса хьадарна, хаьштига тIера гIовьттинчу суйнаша дехха цIога диллира Пхьарматана тIехьа. И суйнаш меранIуьрга дахана, самавелира Села. Гира цунна майрачу наьрто шен цIергара хаьштиг хьош. Хаьара Селина, цIе карайеъча, стаг ницкъ болуш а, майра а хир вуйла, тIаккха иза шена дуьхьал гIоттур вуйла.

Боккха ницкъ карабахнера стагана. Кхеравеллера ницкъ болу Села. Доккха орца даьккхира Селас майрачу наьртана Пхьарматана тIаьхьа. Iаьржа буйса чохь йолу китт схьадаьстира Селас. Пхьарматана шен куьйгийн пIелгаш ца гуш, динан лергаш ца гуш, Iаржйелира. Са ца гуш дисира Пхьарматтий, цуьнан динний. Ахкачу а дахана, хIаллакхийларна кхерам бара и шиь. Амма тамашина хазачу олхазаро Села-Сата, хьалха а даьлла, шен исбаьхьачу эшаршца некь хьобхура царна.

Iаьржачу буйсанан ницкъ ца кхачьна, наьрттий, цуьнан динний сацо. ТIаккха Селас схьадаьстира шен дарц чохь долу китт а. Чехка дарц тIаьхьахийцира Селас Пхьарматана. Iаьржачу буйсаной, чехкачу дарцой чIога хьовзийра Пхьарматтий, цуьнан динний. ТIаккха а, хазачу олхазаро Села-Сата, шен тIемашца дорцана дуьхьало йеш, шен эшаршца некь хьобхура царна.

Пхьарматана гира, шен карара догуш долу хаьштиг, чехкачу дарцо дойуш. ЦIе йоцуш, лаьтта восса таро яцара цуьнан. Шен чета диллира цо иза. Iожаллин хелхарца майрачу наьртана гонах хьийзара буьрса дарц, Iаьржачу буйсано бIарзвинера, четахь долчу хаьштиго накха морцура. Дукха чIога ласторна, Органан хиш мокхазан бердашкара юьстах тийсинера, даккхийра нежнаш, орамашца бухдаьхна, чан хелигаш санна, стигалхула идадора.

Селина гира я Iаьржачу буйсане а, я чIогачу дарце а наьрттий, цуьнан динний сацалуш цахилар. Зен-зулам доцуш, стигалан орцанах наьрт кIелхьараволуш лаьттара.

ТIаккха схьадаьстира Селас морса шело чохь йолу кхоалгIа китт а.

Морсачу шелоно ламанан тархаш лоьлхуьйтуш, ламанаш хабийнера, делахь а майра наьрт Пхьарматтий, цуьнан дин Турпаллий хьалха дIаьохура.

ЧIога кхеравелира Села. Цунна гира майра наьрт Башламанан охьа буххе кхочуш. ХИнца кIелхьараволуш лаьттара иза. Сов чIога гIирвоьлла, цIерах-нуьрах дина, шен стелаIад схьэцна, наьртана тIаьхьа стелахаьштигаш кхийса вуйлира иза.

Стелахаьштигаша ламанаш лестадора, гЮрийна лаьттина шовданаш доладалийтира, Органан тулгеш, къаьхкиначу жан метта санна, ламанан басешкаула дАй-схъай хьовдийтира, ламанан лекха тархаш, дийна йолуш санна, меттахъхьера.

Морсачу шелоне а, чЮгIачу дарце а, Iаьржачу буйсане а, стелахаьштигашка а ца сацавелира майра наьрт Пхьармат. Шега хьуйсуш наьрташ болчу йоккхачу хьеха чу дIакхечира иза.

– XIан! XIара ю шуна це! – элира Пхьармата цецбоьвллачу наьрташка.

– XIор бIаьвна чу, xIор хьеха чу, xIор гIали чу латайелаш це! Латтайелаш йоккха алу! XIор цIа чохь хилийталаш це! Хилийталаш йовхо! Хилийталаш серло!.. Ма йайталаш це цкъа а! Хуьлда шу ирс долуш!

Паккха оцу хенахь йоккха гIовгIа гIаьттира, Селас тIом беш... Стигал йара лаьтте гуттаренна а мостагIалла хьедеш! Стаг вара Селига гуттаренна а къийсам хьебеш! Села, гIирвоьлла, оьгIазвахнера!

– Ирс долуш хуьлда шу! Шуна тIера Селин Iазап дIаайархьама, со Iазапе вожа везаш ву! Ире долуш хуьлда шу! Суна гIайгIане ма хилалаш!

Майра наьрт Пхьармат стелахаьштигашний, шелонний, дарцанний, Iаьржачу буйсанний дуьхьал вахара Башлам тIе. Цуьнан коьрта тIоьхула стелахаьштигаш лелхара, дарцо дIай-схъай веттара иза, куьйгаш-когаш шелоно дахьийнера цуьнан. Иза Села вара, оьгIазваханчуьра васта ца луш.

Башлам тIе, шена дуьхьал стигалан Iаьрчашка хьалавогIуш майра наьрт гича, Селас меллаша китташна чу уьйзира дарцций, шелой, буйсий. Аренашкара, Iаннашкара, лаьмнийн басешкара шело, цкъа а ца дешаш Иллина ло, гIура меллаша Пхьарматана тIаьхьа Башламанан коьрте хьалайахара. Лайн, шан йийсаре бахана дIахIоьттира Башламанан корта, цкъа а кхин дIа ца яккха, цуо шен коьртах кIайн башлакх хьарчийра.

Мохь туйхира Селас:

– Айхьа стиглара йихьначу цIарах хьегавойла хьо! Йовхонах хьегавойла хьо! – аьлла.

Шен тешаме лай, цхьа бIаьрг болу Iужа, вахийтира Селас Пхьарматана дуьхьал гезан зIенаш а эцна. Башламанан коьрте дIавихкира Iужас Пхьармат оцу зIенашца.

Пхьарматана Iазапна, аьлла, Селас хьалагулйинчу шелоно, гIурано, лайно Башламанан корта, гIорош, дIалецира.

Пхьармата лаьтта йеанчу цIаро дерриге дуьне дохдира, аренаш, ламанийн басеш, кIорга Iаннаш хаза хьожа йолчу бецаший, тайп-тайпанарчу зезагаший дукьдина дIахIиттира.

Массо а Iуьйранна дIавихкина волчу Пхьарматана тIедогIу дерриге а олхазарийн эла Ида. Пхьарматан голаш тIе охьахуйй, даима цхьа хаттар до цо:

– XIай декъаза Пхьармат! XIай къинан Пхьармат! Дохковаьллий хьо, айхьа динчунна? Хьо дохковаьлলেখь, аса хьавийр вац хьо, ца ваьлলেখь, хьан доIах дожур ду со!

Шена хин долчу инзаречу Iазапан ойла ца йеш, гуттара а цхьа жоп ло Пхьармата:

– XIан-хIан! Дохко ца ваьлла. Аса адамашна ирс делла, аса адамашна йовхо,

серло йелла! Дина даьллачу дикачу гIуллакхана дохковала мегар дац!

Ткъа олхазарийн эла Ида, шен болатан зIок, мокхазан тIулгех хьокхий ир а йой, Пхьарматан доIах дажа долало.

Пхьармата цхьа узар ца бо. Цуьнан бIаьргаш чу цкъа а тIуналла ца йуссу. Доккхачу доьналлица, воха ца вухуш, лов цо и доккха Iазап, и доккха лазар.

Оццу хенахь дуйна схьа ду-кх вайнехан, наьрт-орстхойн кьонаха воьлхуш цахилар. Оццу хенахь дуйна ду-кх, ламанийн баххьашкахь, даиманна а ца дешаш, дижина Iуьллу луо, ша хьобкхуш, шийла дарц. Пхьармат Башламанан коьрте дIавихкича, цунна Iазапна, аьлла, Селас цига хьалагулдина-кх иза, даиманна а иза йовхонах хьего, цIарах хьего.

Оццу хенахь дуйна схьа ду-кх шерачу аренашкаххий, кIоргечу Iаннашкаххий, ламанийн басешкаххий хаза хьожа йолу бецашший, тайп-тайпана зезагашший. Оцу хенахь дуйна схьа йу-кх лаьттахь йовхо, беркат, серло. И йовхо адамашна Пхьармата йеана! Ткъа Пхьармат дIавихкина ву оцу Башламанан буйххье. Иза даиманна а доккхачу Iазапехь ву, амма цкъа а лийр вац иза! Турпал ца ле! Турпал даим веа!

Прометей

(Легенда)

Чтобы Бог добро тебе сделал, чтобы с добром ты долго жил, чтобы зло тебя обходило, чтобы добро тебя находило, к чему говорить-сказывать, я расскажу тебе одну сказку, чудо расскажу тебе, уши косули наостри, глаза волчьи раскрой!

Было это давным-давно, когда вон виднеющиеся ледниковые горы были выше, чем сейчас, когда на их вершинах не было снега и льда, а были разные цветы, приятно пахнувшие травы, когда в глубоких ущельях, на горных склонах никогда не тающие снега и ледники были.

Я расскажу тебе, с каких пор вон на той вершине Башлама снег лежит, я расскажу тебе, с каких пор на ровных полях, на горных склонах приятно пахнувшие травы, разные цветы показались.

В то время наши предки нарт-орстхойцы населяли глубокие ущелья, высокие башни и пещеры. Они были большого роста, этим горным скалам подобны. Их кони тоже были крупные. Подобно медведям, сильные были нарт-орстхойцы, подобны волкам, смелые были они, подобно тиграм, ловкие были они, подобно лисам, хитрые были нарт-орстхойцы. Они рукой легко отрывали куски горных скал и бросали их, криком своим они заставляли дрожать небеса, тем не менее они были немощны – огня не было у них.

А могучий Села был безжалостен, был беспощаден. Он был хозяином неба, и огонь был его собственностью. На что сила, когда от нее людям нет прока? Какая польза от силы, когда от нее страдают люди?

Чтобы показать свою силу нарт-орстхойцам, садился Села на огненные колесницы и над небесными высями прокатывался, поднимая страшный грохот – как будто разламываясь на куски, обрушивался небесный свод.

О-о! Как он удивлял людей!

О-о! Какой страх он наводил на землю!

Небесное обиталище Селы было вечно окутано черными тучами. Наполняя дождем, тучи низвергал на землю Села. А дождь в виде града-льда шел на землю, нагоняя на людей еще больше горя и бедствия. Из огня-радуги сделанного лука начинал он метать на землю молнии, все сокрушая. И добро, и зло были во власти Селы.

На зло щедр был Села, а на добро был скуп он.

Добро люди брали у него с трудом, зло Села сам давал.

Между небом и землею была вечная вражда!

Между Селой и человеком шла вечная борьба!

Чем больше нарт-орстхойцы бывали удручены горем и несчастьем, тем больше злорадствовал Села; чем лучше было настроение Селы, тем печальнее была Сата, возлюбленная Селы, мать нарт-ортсхойцев. Сата очень хотела помочь нарт-орстхойцам, но боялась Селы.

В то время жил в горах могучий нарт Пхармат. Отличный кузнец был Пхармат. За доброе слово из холодной бронзы ковал он нартам мечи, щиты и кольчуги. А доброе слово высоко ценится в горах: да будет тебе счастье! Да будет тебе удача! Победа да будет за тобой! Будь ты свободен! Пхармат был скромным, щедрым, сильным нартом. Он мало говорил, много думал. Думал он, как и чем помочь людскому горю, как бы достать огонь. Ведь Села добром не давал его. С тех пор, как он появился на свет, собирал он все, что было лучшее в людях: силу, ловкость, острый ум, сноровку, терпение.

Конь его Турпал ходил в горах на воле.

– Конь закаляется под седлом и всадником, а мужчина – в труде и борьбе! Так почему твой Турпал всегда ходит на свободе? – спрашивали нарты.

Пхармат же отвечал:

– Конь мой закален. Придет время, и мой конь принесет тлеющую головешку из небесного очага!

Нарт-орстхойцы простодушно смеялись над словами Пхармата. А Пхармат же думал о том, как бы помочь людскому горю.

И крикнул Пхармат своего Турпала. И от этого крика загремело ущелье Аргуна, задрожали горы, а могучий Села, проснувшись, перевернулся на другой бок.

Турпал, пасшийся далеко в горах, услышав зов своего хозяина, заржал в ответ, и от этого, как волны Аргуна, забились горы, а воды Аргуна вылились из своих мраморных берегов (звери в горных отрогах от перепуга застыли на месте, как вкопанные). Со скоростью молнии примчался Турпал к своему хозяину.

Взял Пхармат в руки булаву, прикрепил к локтю из кожи зубра сделанный щит, повесил на шею лук (божий пращ), подпоясал сбоку полную стрел кобуру, облек свой стан в кольчугу, подпоясал меч, сжал в руке копьё с медным наконечником. Оседлав своего Турпала-коня, выпил полный турий рог хмельного напитка, приговаривая, «чтобы как на смоле нога держалась, чтобы как на тесте рука держалась», сел на коня и отправился туда, куда никто не ездил и откуда никто не возвращался.

Нарт-орстхойцы посыпали просо на дорогу, по которой должен был ехать Пхармат, чтобы ему счастье сопутствовало, поставили полную меру проса,

«чтобы уходил легким-пустым, возвращался тяжелым-наполненным!» Долго ехал Пхармат. Семь дней, семь ночей пробыл он в пути. Семь ущелий, семь гор прошел он и подошел, наконец, к подножию самой высокой горы Башлам, которая подпирает небесный свод, на котором живет Села. Долгий и трудный путь проделал Пхармат, поднимаясь на вершину горы по ее тяжелым уступам. На вершине горы были приятно пахнущие травы, разные цветы и красиво поющие птицы.

Изредка на вершину горы спускалась отдыхать солнцеликая Сата, Села-Сата, возлюбленная Селы, мать нарт-ортсхойцев. Обернувшись птицей, вышла она навстречу Пхармату. Человеческим голосом заговорила она:

– Эй, могучий нарт, ты неспроста поднялся на вершину Башлама.

– Правда это, щедрая птица, я неспроста поднялся на вершину Башлама. Я приехал за горячей головешкой из небесного очага и без нее не вернусь, – ответил Пхармат.

– Тому, кто с добрым намерением вышел, не может не сопутствовать счастье. Я помогу тебе. Конь скорый ли у тебя? – спросила Села-Сата.

– Быстрее ветра мой конь.

– Силен ли твой конь?

– Силен мой конь. Где конь мой ударит копытом, там родник образуется.

– Силен ли ты сам?

– В моих руках холодная бронза мягче смолы и воска, – ответил Пхармат Села-Сате.

И рассказала Села-Сата Пхармату, как, каким путем можно добраться до очага Селы и как из него достать горящую головешку.

– Села теперь спит. Как ветер, быстро помчавшись, пусть твой конь перепрыгнет через очаг. А ты в это время нагнись, хватай головешку и гони своего коня прямо на вершину Башлама. Берегись! Страшен Села, жесток Села! Если он проснется, живым не уйдешь и огонь не донесешь.

Пхармат так и поступил, как советовала Сата.

Быстро разогнавшись, над очагом Селы пронесся конь Пхармата. В это время, нагнувшись, из очага Пхармат схватил горящую головешку и помчался на вершину Башлама. От быстроты Турпала-коня от головешки поднялись языки пламени, будто длинный хвост потянулся за Пхарматом. И проснулся Села от того, что попали ему в ноздри эти огненные языки.

Увидел он, как смелый нарт с неба огонь несет на землю людям.

Очень перепугался Села, зная, что человек, если ему в руки попадет огонь, делается сильным и смелым и попытается восстать против него.

Грозную погоню предпринял он за смелым нартом.

Развязал Села бурдюк с темной ночью. И стало так темно, что Пхармат не видел пальцев своих рук и ушей коня. Перестали видеть и нарт, и его конь. Вот-вот сорвутся в пропасть. Но чудесная птица Села-Сата полетела впереди их и своим чудесным пением указывала им дорогу. Видит Села, что темная ночь не в силах остановить Пхармата и его коня. И он развязал свой второй бурдюк со страшной бурей. Сильная буря и темная ночь чуть было не погубили смелого нарта и его коня. Но чудесная птица указывала им дорогу своим прекрасным пением.

Смелый нарт увидел, что буря гасит его головешку, и он, не задумываясь, спрятал огонь за пазуху. От сильного волнения воды Аргуна расплескались из каменной теснины, большие дубы, вырванные с корнями из земли, носились в небе, как соломинки.

Видит Села, что ни темная ночь, ни сильная буря не в силах остановить ни нарта, ни его коня, что он целым и невредимым уходит от небесной погони. И открыл Села свой третий бурдюк со жгучим морозом. От жгучего мороза со страшным шумом трещали скалы и съезжались горы. Но бесстрашный нарт Пхармат и его Турпал-конь продолжали идти вперед.

Не в меру перепугался Села. Он видел, как смелый нарт и его конь уже подходят к подножию Башлама, и они вот-вот могут скрыться в пещере. Тут он с яростью схватил свой лук, из огня и луча сделанный, и начал метать молнии вслед нарту. От молнии содрогнулись горы, замерзшие родники растаяли, а волны Аргуна, как отара кутана, разбежались по горным склонам, высокие горные кручи задрожали, точно живые.

Ни жгучий мороз, ни сильная буря, ни темная ночь, ни молнии не смогли остановить и сбить с пути бесстрашного нарта Пхармата и его коня Турпала.

Они пришли в ту самую пещеру, где их ждали нарты.

– Берите! Вот вам огонь! – сказал Пхармат, обращаясь к удивленным нарт-орстхойцам. – В каждой башне, в каждой пещере, в каждом доме разожгите пламя!

Да будет в каждом доме много огня, тепла и света! Да будет вам счастье!

А в горах в это время был великий гул. Небо заявляло земле о своей вечной вражде. Люди же заявляли небу о своей вечной борьбе.

– Будьте счастливы! – крикнул бесстрашный нарт еще раз.

В горах в это время стоял страшный шум от небесного грома и вспышек молнии.

– Будьте счастливы, люди! Я должен предаться вечной муке! Я предамся муке, чтобы избавить вас от гнева Селы! Не горюйте обо мне! – и, выйдя из пещеры, направился бесстрашный нарт Пхармат сквозь молнии, холод, темную ночь и бурю на гору Башлам.

Над его головой вспыхивали молнии, буря бросала его в разные стороны, его руки и ноги заоченели от холода, крошечная тьма ночи окутала его. Это Села, разгневавшись, изрыгал злость.

Завидев смелого нарта Пхармата, идущего к небесному своду, на вершину Башлама, не спеша, затащил Села в свои бурдюки бурю, холод и ночь. Постепенно на равнинах, ущельях и горных склонах снизу вверх, вслед за Пхарматом, тая, все выше до самой вершины Башлама поднимались снег и мерзлота.

Вершину Башлама сковали снег и лед, она навечно надела на свою голову белый, снежный башлык.

И крикнул Села:

– Да будешь ты вечно жаждать огня, который ты унес с неба. Будешь вечно жаждать тепла!

И послал Села навстречу Пхармату своего верного слугу, одноглазого Ужу, с бронзовыми цепями.

Привязал одноглазый Ужу Пхармата бронзовыми цепями к ледяной вершине Башлама.

Села проклял его. С тех пор так повелось: все доброе проклято Селой, все, что проклято Селой, одобрено человеком! Между небом и землей существует вечная вражда! Между человеком и Селой происходит вечная борьба!

Каждое утро прилетает к привязанному Пхармату царь всех птиц – Ида.

Присаживаясь на колени Пхармата, задает она каждый раз один и тот же вопрос:

– Эй, несчастный Пхармат! Эй, жалкий Пхармат! Каешься ли ты в том, что совершил? Если ты раскаялся, я не трону тебя, если не раскаялся, я буду клевать твою печень!

Пренебрегая страшными муками, которым он будет подвергаться, всегда один и тот же ответ, говорят, дает Пхармат:

– Нет-нет! Я не раскаялся. Я дал людям тепло и свет! Нельзя раскаиваться в совершенном добром поступке.

А Ида, наточив тот же час о кремневую скалу свой стальной клюв, принимается клевать печень Пхармата.

Пхармат-нарт не издает ни звука. Его глаза никогда не увлажняются. С большим мужеством и терпением переносит он эту великую пытку и боль. С того времени, говорят, у вайнахов нарт-орстхойские мужчины никогда не плачут! С этого времени лежат на вершине Башлама снег и лед. На вершину Башлама, где привязан Пхармат, собрал Села с равнин и ущелий, с горных склонов весь снег, весь лед назло Пхармату, чтобы увеличить его жажду к теплу, огню.

С этого времени на склонах гор, в ущельях, на равнинах тепло. И это тепло от огня, привезенного Пхарматом с неба. С этого времени у подножия горы, на равнинах растут приятно пахнущие травы, разные цветы, красивые, чудесные птицы поселились в них, а на вершинах Башлама – мерзлота, вечная буря, никогда не тающий, затвердевший ледник. Там же привязан Пхармат. Он будет пребывать в вечной муке. Но никогда не умрет он. Он будет жить вечно!

Наше интервью**Куклы ТЮЗа на сцене и в виртуальной реальности**

Историю Чеченского театра юного зрителя любопытствующему легко найти на сайте Министерства культуры ЧР, на сайте ТЮЗа и по ссылкам местных и российских СМИ. Но человеку легко затеряться в потоке информации, а в реальной жизни он и так затерян и затюкан в сетях цифровых технологий. Так подумалось, увидев Руслана Хачукаева снова в ТЮЗе. Сам собой определился формат общения с ним – интервью, так как лучше, чем он, стоявший у истоков чеченского кукольного театра, не скажет никто.

Руслан Хачукаев – актер, режиссер, заслуженный деятель искусств ЧИАССР, награжден медалью «За заслуги перед Чеченской Республикой».

1973 – 1987 гг. – актер Республиканского театра кукол;

1982 – 1986 гг. – окончил Ярославский государственный театральный институт по специальности «Актер театра и кино»;

1987 – 1988 гг. – Высшие театральные курсы. ГИТИС им. Луначарского;

1987 – 1994 гг. – директор Республиканского театра кукол;

1987 г. – помощник главного режиссера по литературной части;

1989 г. – главный режиссер театра;

1989 – 1994 гг. директор Республиканского театра кукол.

1994 – 1998 гг. – главный специалист отдела искусств Министерства культуры.

1998 – 1999 гг. – заместитель директора Чеченского драматического театра им. Ханпаши Нурадилова.

2006 – 2021 гг. художник-постановщик ЧГТЮЗ.

Роли:

Левша в спектакле «Левша» А. Замятина; Хачатур – «Про добро и зло и про длинный язык» Н. Осиповой; Волк, Лев – «Наши сюрпризы» А. Цыганкова; «Хочу быть большим» Х. Мешкова; «Маленькая Баба-Яга» Ю. Коринец; «Слоненок» Г. Владычиной; «Аленький цветочек» С. Карнауховой и Браусевич; «Военная тайна» Лебедева и Кириловского; «По щучьему велению» Е. Тараховской; «Мальчик Рой» Т. Якоба; «Похождения Чирдига» М. Ахмадова. и др.

Если прикинуть, что природа квантового скачка может измениться с быстро меняющимся миром цифровых технологий, что мир и сознание ребенка не имеет никаких границ, что мир реальный и мир виртуальный в восприятии действительности детей и подростков давно уже один большой мир детства – с таких, немного фантазийных, но реалий, мы можем понять мир современного ребенка, подростка.

Дети XXI века и театр кукол. Театр кукол – живых, трепетных и материальных, которых нельзя двигать пальчиком по экрану смартфона – театр безгранично открытого мира, детского мира, жив, пока живут куклы в детстве. Только детству свойственно жить в сказке, в выдумке, причем с вымышленными им же самим историями своих же кукол. Истории, считай те же сказки, придуманные

взрослыми, удостоятся их – детей – внимания и восприятия, если они будут придуманы человеком искренним, непосредственно и сугубо талантливым. А в кукольном театре еще и сыгранным.

С таких размышлений начался разговор с одним из старейших работников ТЮЗа Русланом Хачукаевым, и начался с такой раскадровки – куклы «до» – т.е. советских времен и куклы «после» – в сегодняшнем ТЮЗе.

– В чем отличие, кроме того, что зритель другой? Сегодня юный зритель – почти житель двух планет – реальности и виртуальности. Как быть театру в двухмерной их локации, какие куклы станут его героями? Анимешки с виртуала, которых они видят чаще, чем родителей, традиционные куклы, с живыми голосами, смешными повадками, неуклюжими, но очень подкупающими своей искренностью, потешные, серьезные?

Руслан Хачукаев. Мое личное мнение – сегодня в чеченском ТЮЗе много играется спектаклей в живом плане, т.е. артисты-кукловоды на сцене играют полноценные спектакли с частичным вводом кукол. Куклы нужны театру юного зрителя. Эта традиция столь древняя, что никакие изменения современного техногенного мира не отменяют живое, теплое, родное отношение детей к кукле.

– Республиканский театр кукол в 2006 году переименован в Театр юного зрителя. Для театра кукол нормально играть только кукольные спектакли. Но переходя в новый статус, видимо, руководство имело в виду разноплановость репертуара и расширение новых творческих возможностей актеров-кукловодов?

– Актер-кукольник стоит за ширмой – вот она, закрытая ширма. Он там может лежать, сидеть. Ребенку не интересно, что и кто там за ширмой – ему интересно, что здесь кукла делает. Больше должно быть кукольного, лично мое мнение. В свое время мы объездили полстраны, брали свои куклы, декорации и с таким багажом налегке гастролировали. Но живой спектакль везти проблемно. ТЮЗ сегодняшний – это ж не драматический театр. Ребенку интересна кукла. Актер должен и куклой владеть, и в живом плане работать. А потом, у нас сейчас в репертуаре смешанные спектакли – и живой план, и куклы. К примеру, в спектакле «Сказка о царе Салтане», по сказке А.С.Пушкина, задействованы куклы Белочка, Царевна-Лебедь, Коршун.

– Расскажите о репертуаре кукольного театра, ведь вы в разных ипостасях проработали в театре, начиная с 1973 года. Как вы думаете, что можно привнести на современную сцену из, несомненно, богатого, красочного репертуарного прошлого театра?

– Классика не стареет. То есть пьесы, которые раньше написаны, в разы лучше, чем современные. Я имею в виду не только чеченских авторов – вообще, тенденция идет к упрощению, – анимешки и т.д. Вот тот же Домбровский, который сейчас планирует приехать в Наур и поработать, ставил прекрасные

кукольные спектакли. У нас же работают две труппы кукольников – русская труппа находится в Науре – это филиал нашего ТЮЗа. Есть пьесы. Сейчас можно спокойно взять то, что мы в 1973 году ставили. Если мне тогда было девятнадцать лет, то нашим зрителям того времени сегодня 50. И эти пятидесятилетние уже бабушки и дедушки сегодняшнего юного, младенческого даже, зрителя. Старых сказок много, очень интересных и поучительных, и даже необязательно где-то искать новую пьесу – возьми старую и покажи ее уже этому поколению. Новые интересные пьесы тоже есть, конечно, и на русском языке, и на чеченском. Но их очень мало. У нас как таковых драматургов и нет, а авторов, пишущих детские пьесы – так вообще, я не видел. Чаще всего режиссер-постановщик делает инсценировку – и вот, согласуя с автором произведения, как-то так создается спектакль. Я имею в виду современных писателей. Муса Ахмадов очень много для театра кукол написал пьес. Он тесно сотрудничает с ТЮЗом до сих пор. Есть Арби Усманов, он тоже много написал, и до сих пор пишет. Кстати, он же член приемной комиссии в ТЮЗе. Он как-то говорил, что у него наброски есть...

Куклы нужны с детского сада и вплоть до 7 класса. Таков контингент нашего зрителя. Я, можно сказать, хорошо знаю своего зрителя – за 40 лет работы в ТЮЗе знаю ситуацию и закулисную, и со сцены, и с зрительного зала. А теперь и внуки свои – вожу их на спектакли в ТЮЗ, смотрю, как они реагируют на представления. И вижу, насколько им близки и любимы куклы и кукольные спектакли.

При всех жизненных коллизиях я не расставался с театром юного зрителя. Всегда занимаюсь с молодежью, вне зависимости от того, работаю я там или нет. Методы передачи опыта проявляются во время репетиций сами собой, порой чисто на импровизации. Благо опыт у меня большой и разноликий – кем я только ни работал в ТЮЗе. Куклы-то разные бывают: есть напольные куклы, планшетные, тростевые и те, которые одеваются, как перчатка на руку – перчаточные – там же много всяких кукол. Вот они – актер и кукла – работают. В левой руке у актера-кукольника две трости, вот он держит куклу, но голова-то его поднята – он должен смотреть на куклу свою и говорить, т.е. озвучивать ее, а речь его персонажа должна звучать в зале четко и ясно. Я говорю актерам на репетиции: положите руку себе на диафрагму: если вы сделаете поверхностный вдох – то лишь одно слово скажете и все – воздуха у вас нет в запасе. А если диафрагмой – можете говорить долго, четко, ясно. А еще приходится смеяться, попадать в артикуляционный ритм, в эмоциональный фон, при этом ходить, бегать, приседать, да мало ли... Это ж говорят куклы, характеры их и т.д. Там же эмоции. Да, живой план тоже нужен. Актер-кукольник, бывает, должен выходить на сцену как конферансье, как рассказчик, объявлять и т.д. Я не отмечаю, что он драматические вещи не должен знать – должен знать. Актер – он должен быть во всех отношениях. Театр юного зрителя – он нужен и юношеству, а как же... Я это не отрицаю.

– Как сегодня воздействовать на внимание детей? Пока только внимание, заметьте. Куклы и телефоны? Совмещать, или только куклы?

– В этом-то и заключается задача – отвлечь. Если раньше надо было просто привлечь внимание и интерес ребенка к театру кукол, то сейчас сначала надо

отвлечь его от телефона. А какие методы? Сначала мотивация должна идти от автора-драматурга, и как режиссер поставит. Я смотрю в You-Tube, допустим, какой-то отрывок из фильма, вечером иду на этот же спектакль и спектакль мне понравится в разы больше. Вот и все. Так же и с ребенком – оторвать его оттуда, показать здесь. Это тяжелейшая задача.

– А может из телефона какую-то сказку, сюжет – и все то, что тянет ребенка к экрану, вывести на сцену?

Руслан Хачукаев за работой

– Только при одном условии – название должно быть другое. Был Ваха Джамалдаев – директор театра. Кстати, он один из первых отправил нас на высшие театральные курсы при ГИТИСе. Так вот, от отца Вахи я услышал такие слова: «Нохчийн гиллкхаш дIакхехьа хала ду дегIан тамбеш» («Очень трудно придерживаться чеченского этикета и традиций, потакая собственным капризам»). Смысл там огромный. Сегодняшняя молодежь не видела наши спектакли. Я имею в виду, что им будет интересно, какие кукольные спектакли смотрели их родители, какие куклы им нравились, в какие куклы родители играли, будучи детьми, – и их детям будет так же интересно. Старые пьесы можно спокойно восстановить, хотя бы две-три пьесы.

– Традиция и современность. Как вы видите их слияние и в чем оно сегодня?

– В самих этих двух словах обозначена и проблема воспитания – как современную юную аудиторию подвести к традициям народа, к его обычаям, культуре социализации, личной культуре, какими механизмами воздействия на детскую психику владеет театр юного зрителя, какие средства, методы использует или должен использовать. Вот в этом проблемы сегодня.

Я бы обратил сегодня и акцентировал внимание на чеченский язык, на чеченских авторов, писателей, поэтов, драматургов. Язык, и еще раз, родной язык. С любого языка можно перевести на чеченский язык любую пьесу. И чем ближе пьеса по духу (чеченскому), тем лучше. Идея должна быть, и она есть в старых пьесах, в которых играли мы. Язык – очень важная составляющая нравственности здорового общества. А у нас, у чеченцев, слово – дош (слово) – мерило чести и достоинства человека, юноши. Когда перестали носить кинжалы на поясе, за языком перестали следить, сказал кто-то умный. Вот и происходит с нашим юным поколением сейчас то, что происходит – телефоны, гаджеты влияют на их еще не окрепшие умы, на затуманенное шквалом беспорядочной цифровой

информации сознание. Искажается само восприятие мира. А мир – он разный, и не всегда совпадает с миром и идеалами чеченского народа. Вот поэтому я говорю, что театр юного зрителя нужен и юношеству. Даже семнадцатилетним.

– Вы профессионал, который находится на преломлении, на стыке двух эпох и нескольких смен детских поколений – и на ваших спектаклях выросло почти три-четыре поколения детей. Какие планы на сегодня у вас? Каков сегодняшний юный зритель, по-вашему? Что вы ему предложите?

– Сегодня у детей больше информации, чем у детей прошлых лет. Сегодня им интересен интернет и т.д. Нет ничего лучше личного участия и живого общения. И самое главное, мы, актеры, должны взять на себя большую часть воспитания. Показать все лучшее, что есть у нашего народа. Я говорю о театре юного зрителя, как о главном театре Чеченской Республики, потому что начинать надо с детства. Конечно, радует, что у нас много театров есть в республике. Грозный – город четырех театров. Потом, еще в Гудермесе есть драмтеатр, в Аргуне есть. А ребенку что? Ему интересна кукла прежде всего. И у него есть театр, свой – театр юного зрителя. Это очень хорошо. ТЮЗ должен учитывать интересы юного зрителя прежде всего – интересы детей, юношества. И только обратный интерес детей к нашему творчеству – наш капитал, и мы должны воспользоваться этим в своей работе.

Когда так говорит мастер, поставивший на службу детскому театру свой талант, материализовавший свои мысли и идеи в конкретные действия и дела – вот уже более 40 лет организует мир театра для самых искренних и лучших его зрителей – детей, то убеждаешься в правильности и точности его же слов: «А мир – он разный, и не всегда совпадает с миром и идеалами чеченского народа. Вот поэтому я говорю, театр юного зрителя нужен»

Руслан Хачукаев – герой многих публикаций советского прошлого. Беседовать с ним, писать о нем, вернувшись после небольшого перерыва под своды Театра юного зрителя («под ширму кукольного мира», как он сам говорит), значит ,узнавать театр и прошлого, и современности.

Актеры-кукольники живут под ширмой. И каждому ребенку всегда интересно заглянуть за нее. Но после общения с Русланом интерес этот проявляется и у взрослого (ведь в каждом из нас живет ребенок): действительно, а что там за ширмой, что там делают кукловоды – их речь, пластика, непредсказуемые и неведомые зрителю ситуации?..

Беседовала З. Муртазалиева

*Рецензия***Муса Багаев**

доктор исторических наук,
профессор ЧГУ, академик.

Монолог, вызывающий к диалогу...

С годами становится слишком велик, непосилен груз жизненных впечатлений, возникает острая необходимость, хотя бы частично, освободиться от их тяжести, поделиться ими с окружающими людьми... Приходит такое душевное состояние, которое невольно заставляет человека остановиться, мысленно охватить прожитую им жизнь, вернуться в прошлое, чтобы извлечь из него правду о себе и времени.

О душевном состоянии человека в старости поэт К. Померанцев писал так:

Нам под старость становится тесно
От себя и от собственных дум...

Всем, сказанным выше, пожалуй, определяется феномен книги Г. Индербаева «Монолог памяти».

В основу книги легли реальные события жизни человека, на долю которого выпали тяжелейшие испытания временем. И все же, в книге читатель встречается с нечто большим, нежели «просто» биография человека.

«Монолог памяти» – это картины целой эпохи: в нем нашло отражение пережитого, прочувственного, увиденного и услышанного не только одним человеком, но целым поколением. И порою, даже, казалось бы, совсем незначительные детали из биографии автора, приобретают в «Монologe» более глубокое значение, отображая не столько отдельное, частное – сколько общее в частном: все подробности, о которых повествует автор, слишком характерны для прошлого. Они характерны не только для отдельной судьбы автора. Они раскрывают судьбу целого поколения. Под пером Г. Индербаева, например, оживают многие приметы послевоенного быта русской деревни.

Верность памяти – основная и ведущая тема воспоминаний Г. Индербаева. Кто хочет знать и помнить, возвращается назад... Без взгляда назад, в прошлое, нет и не может быть будущего.

Книга «Монолог памяти» состоит из множества очерков – новелл, которые, дополняя друг друга, создают запоминающийся «портрет» времени. Очерки они содержат в себе также эпизоды детства автора, воспоминания о его родителях и родственниках, о трагедии, случившейся с народом, размышления о времени. Они охватывают исторический период, протяженностью более семидесяти лет.

Очерки эти нельзя, конечно, назвать историями прошлого. Они лишь фрагменты истории, картины жизни разных лет. Но тем не менее в них

наглядно обнаруживаются приметы времени: пишущий о своей жизни, не может не выразить и свою эпоху...

«Монолог памяти» – книга о людях, которых знал, любил и почитал автор. Поэтому общее, что характеризует его героев – это доброта. Автор тонко и тактично подчеркивает в них те или иные черты: серьезные, комические, а порою и парадоксальные. Через эти характерные особенности проявляется их индивидуальность.

Как известно, в любой мемуарной книге существует зримый и незримый мотив, вокруг которого создается повествование. В этом мотиве сосредотачивается какое-то главное воспоминание человека, какое-то ядро его судьбы. Главными мотивами «Монолога памяти» являются трагическая судьба близких автору людей, депортация чеченского народа...

Тема памяти в книге Гелани Индербаева трактуется широко, охватывает разные уровни сознания: это и память детства, память поколения, пережившего депортацию, память первых послевоенных лет и возвращения на родину.

Особо в «Монологе» звучит тема личной судьбы автора. Неслучайно то, что «Монолог» начинается со страниц, повествующих о его детстве, о сильнейших впечатлениях, сказавшихся на всей его жизни.

Очерки наполнены глубоко личным содержанием. Индербаев откровенен и правдив по отношению к себе и своим близким, сверстникам и друзьям.

Материал в книге «Монолог памяти» излагается так, как он вспоминается автору. Он не сочиняет, не приукрашивает, а просто рассказывает то, что было, что вспомнилось, без литературных притязаний. На том, о чем исповедуется автор, лежит печать пережитого, передуманного, переосмысленного.

«Воспоминания» Г. Индербаева – это настоящее «я» автора, стягивающее к единому центру повествования многие другие «я» автора, разбросанные по прошлому. В этих воспоминаниях автор как бы допрашивает свое прошлое, свою память без всякого снисхождения.

Острое чувство исторической дистанции, прекрасная, цепкая память, способная сохранить огромное множество внешних физических и психологических подробностей, строгая объективность, юмор, интимность, беспощадная искренность в самохарактеристике позволяют автору приблизить мир прошлого к нашему времени.

Как известно, книги о времени и о себе не пишутся по обдуманному плану. Они складываются из событий, которые особо отложились в памяти, не позволяют ей успокоиться.

Перед каждым, кто решается описать свои воспоминания, неизбежно встает нелегкий вопрос: как передать увиденное словами – так, чтобы прошлое не дробилось осколками, чтобы личность вспоминающегося не распадалась на множество ипостасей, каждая из которых расположилась бы на определенном этаже прошлого... С трудностями, названными здесь, Г. Индербаев, на наш взгляд, прекрасно справился: его прошлое предстает перед читателем некой лестницей, каждая ступенька которой – отдельное событие и в то же время один из фрагментов обособленного «я» автора.

Воспоминания «Монолога памяти» несут в себе не только информацию

о прошлых событиях и фактах. Каждая глава мемуаров – самостоятельная новелла, со своим сюжетом, центральным образом и подтекстом.

Память в книге «Монолог памяти» осмысливается автором как духовное свойство человека, как невидимые узы, соединяющие отдельную личность с ее народом. Автор считает, что самое страшное, что может случиться с человеком – не смерть, а потеря памяти. Г. Индербаев призывает людей не забывать, не выбрасывать, а хранить и посещать свое прошлое. Искать в нем особые впечатления, отмеченные минуты, память о которых, может быть, и есть самое лучшее в жизни человека.

В книге звучит живой голос нашего современника, бывшего свидетеля многих событий ушедшего века. И в то же время в его воспоминаниях отсутствует желание с высоты якобы объективной истины, оценивать или интерпретировать события истории, освещать их собственным внутренним светом. Пожалуй, именно это и придает большинству очерков книги законченность и стройность, делая их художественно завершенными, подчас даже остросюжетными, имеющими самостоятельную ценность, и возможность выступить в качестве своеобразных новелл-миниатюр...

«Монолог памяти» повествует о давних и недавних событиях, о друзьях живущих и о тех, кого уже нет – всех тех, с кем свела его судьба. Воспоминания Гелани Индербаева написаны на добрую память людям, встречи с которыми оставили память в его сердце и след в жизни.

Книга написана в жанре, который пока что не получил развития в чеченской литературе, но потребность в нем все чаще и чаще ощущается: современный чеченский читатель обращен к прошлому, и этому есть свои причины. Современность, в которой живет сегодня чеченский читатель, находится в движении, противоречиях и переменах. И лишь прошлое, хотя бы внешне устоявшееся и неподвижное, может позволить отложить в своих глубинах, разместить какие-то желания, взгляды, страсти и раскаяние.

Завершить предисловие к «Монологу памяти» хочется строками, взятыми из стихотворения современного армянского поэта Ашота Граши. Они как нельзя лучше подходят для книги Г. Индербаева:

Нет, я не просто книгу издаю,
Я открываю вам судьбу свою...

*Хроника культурной жизни***«Мое небо. Моя земля. Моя крепость»**

С 24 июня по 4 июля в грозненском Мемориальном комплексе Славы имени А.-Х. Кадырова проходила персональная выставка молодой чеченской художницы Аси Умаровой «Мое небо. Моя земля. Моя крепость».

Это далеко не первая презентация ее работ, исполняемых традиционно в жанре графического импрессионизма – в «копилке» Аси она уже восьмая по счету. Прежде выставки ее работ с одинаковым успехом проходили не только в Грозном, но и в Санкт-Петербурге, Тбилиси (Грузия), различных городах Италии, Польши, Бельгии, Германии, США и других стран.

На этот раз из 37 представленных картин 22 были выставлены впервые, хотя тематически продолжают развивать линию вечных в любом творчестве приоритетов: человеческие чувства, память, какие-то личные воспоминания, осмысление своего и чужого жизненного опыта и впечатлений.

Как и прежде это событие в жизни художницы не осталось без внимания: на презентацию пожаловали многочисленные гости и посетители музея, среди которых, к слову, оказались и туристы из центральных регионов России. Среди гостей, пожелавших выразить слова восхищения и уважения ее таланту, были депутат парламента ЧР Аднан Нагаев, советник министра ЧР по делам молодежи Муса Дунаев, народный чеченский писатель Муса Ахмадов, замдиректора «Издательского дома» Зарина Алиева. А кто-то пришел, чтобы просто поддержать свою коллегу по творческому цеху: например, художница Хава Махмудова (кстати, бывший педагог Аси), молодой чеченский поэт Заур Ганаев и многие другие журналисты, литераторы, художники.

Известно, что интересы и профессиональная деятельность Умаровой не ограничиваются одной лишь живописью – Ася, имея филологическое образование (окончила отделение журналистики ЧГУ),

довольно активно проявляет себя в жанре прозы, пробует силы в анимации. И даже успешно дебютировала с мультфильмом «Война. Белье из прошлого» на международном кинофестивале «Вкратце», проходившим в 2016 году в Волгограде, посвященном взаимодействию Германии и России в сфере короткометражного кино. А ее повести и рассказы часто публикуются в литературных журналах «Вайнах», «Юность», «Дружба народов», «Нева» и других. Кстати, основная тема литературных произведений Аси сильно перекликается с ее же изобразительным творчеством – взгляд на чеченскую войну глазами ребенка и попытка ее осмысления.

На первый взгляд новые картины художницы, представленные на выставке, по настроению и тематике мало чем выделяются из общей стилистики так называемых «детских рисунков», написанных недетской рукой. Тем не менее внимательный зритель «десять отличий» обязательно обнаружит: во-первых, если раньше, по словам Аси, в ее работах чаще присутствовали изображения бумажных самолетиков, корабликов и книг, то сейчас – больше шерсти, ниток, занавесок, тканей... «Такой переход в моем творчестве связан с ощущением желанной теплоты».

А для особо придирчивых зрителей с вопросами, вроде: когда же в ее портфолио появятся, наконец, настоящие «взрослые» работы, у Аси есть достойный ответ: «У каждого из нас разные воспоминания и, как мне кажется, этим мы индивидуальны и отличаемся друг от друга. Перефразируя Андрея Тарковского, известного советского кинорежиссера, который говорил о героях своих фильмов: «У меня герои – это дети, которые мнят себя взрослыми», – у моего зрителя должно возникать такое ощущение, будто эти картины рисует ребенок, задумывающийся о глубоких «взрослых» вещах».

Когда-то, в начале двухтысячных Ася и сама была тем ребенком, который задумывался, по известной всем причине, об этих самых «взрослых вещах». Этот ее детский взгляд, отраженный не только в рисунках, но и в первых и в последующих литературных опытах, анимационных картинах – на войну и жизнь в условиях войны, на желанья ребенка, его мечты – нашел отклик и понимание во всем мире, где только зритель мог их видеть. И это был также успех – тот самый, к которому стремится любой творческий человек. Очевидно, что он не в последнюю очередь способствовал нахождению Асей Умаровой своей ниши и стиля в современном искусстве, – где нынче ей так комфортно творить это «детское» творчество.

Что же, перефразируя знаменитые строчки из детского стихотворения Сергея Михалкова «А что у вас», остается только добавить: и в искусстве художники разные нужны, художники всякие важны, – и пожелать Асе дальнейших успехов и вдохновения на столь благодатном для ее способностей поприще.

Р. Межиева

«Орга»-«Мах Дуг» – «Мах Дуг»-«Орга»: кавказско-литературное братство

Литературно-художественный журнал «Мах Дуг», выходящий на осетинском языке с 1934 года, посвятил свой второй номер за 2022 год чеченской литературе – прозе, поэзии, литературной критике и публицистике. В переводе на осетинский язык представлены следующие чеченские авторы: четверо народных писателей – Муса Ахмадов, Муса Бексултанов, Леча Абдулаев и Абу Исмаилов, прозаики Сулиман Мусаев и Иса Закриев, поэты Адам Ахматукаев и Роза Межиева, литературный критик Лидия Довлеткиреева и публицист Саламбек Алиев. А в цветной вкладке представлены работы чеченских живописцев: Чингизхана Хасаева, Элиты Дадакаевой, Артура Абдулаева, Сабины Дадаевой, Лолиты Яскиевой, Тамары Тайсумовой и многих других. Вслед за осетинскими коллегами эстафету примет чеченская сторона: в одном из номеров журнала «Орга» на чеченском языке заговорит литературная Осетия.

Идея данной литературной переключки возникла еще в прошлом году во время визита главного редактора журнала «Мах Дуг» Оксаны Хетагуровой в редакцию журнала «Орга», и в скором времени тексты чеченских авторов были отправлены на электронный адрес «Мах Дуга».

А с выходом журнала «Мах Дуг» в печать во Владикавказе прошла презентация данного литературного издания, куда были приглашены и чеченские авторы.

В актовом зале Национальной библиотеки собрались представители творческой интеллигенции Северной Осетии, в том числе и заместитель министра культуры РСО-А, а также студенты филологических факультетов вузов. В выступлении каждого участника презентации красной нитью проходила мысль, что литературное сотрудничество и соприкосновение, а именно переводы художественных текстов двух кавказских литератур, играют огромную роль в укреплении дружбы между народами и способствуют дальнейшему расширению творческого сотрудничества.

Примечателен был факт, о котором в своем выступлении поведал директор «Издательского дома» и один из чеченских авторов «Мах Дуга» Сулиман Мусаев. Он прихватил с собой из Грозного номер журнала «Орга» за 1986 год, в котором большая часть журнальной площадки была предоставлена авторам из Осетии в переводах на чеченский язык. Выяснилось, что все «новое – это хорошо забытое старое».

– А давайте сейчас проверим, помнят ли сегодня имена осетинских поэтов и писателей из далекого 1986 года, – обратился Сулиман Мусаев к залу и, открыв страницу с содержанием, начал зачитывать: – Михаил Цирихов, Александр Царукаев, Васо Малиев, Даут Дарчиев, Михаил Басиев, Ефим Тедеты, Музафер Дзасохов...

Было приятно, когда каждое из этих имен зал встречал с неподдельным восторгом, овациями и комментариями. Стало ясно, что не только помнят, но и любят.

И вот палочка литературной эстафеты вновь в руках журнала «Орга», в ближайшем номере которого будут опубликованы литературные произведения осетинских авторов, среди которых Залина Басиева, Борис Гусалов, Оксана Хетагурова, Изета Мамиева, Батраз Касаев и др. Ну и, конечно, великий Коста Хетагуров.

*Книжные новинки***Новые рассказы Исы Закриева**

Вначале была «Луисанна» – сборник фантастических и фэнтезийных историй. Затем мы были вынуждены поверить, что «Не все оазисы – миражи». И вот теперь вышел третий сборник рассказов Исы Закриева под названием «Вкратце о многом». А ведь так оно и есть – в книжке огромное количество коротких рассказов, которые поведают нам о дружбе, о любви, о боли, об одиночестве, о разлуке, о войне, о детстве, о начале и об исходе...

А еще рассказы Закриева можно разделить на четыре группы: смешные и очень смешные, грустные и очень грустные. А если охарактеризовать их одним емким, словом – они все очень по-человечески добрые.

Рассказы короткие. Какие-то – всего на несколько абзацев, а какие-то – и вовсе из нескольких предложений. Редко, но все же встречаются, рассказы и на несколько страниц. Но даже те, что изложены на нескольких страницах – на фоне «нескольких предложений», выглядят чуть ли не романами. Но они тоже коротки – то есть в них, в этих «длинных» рассказах, изложение настолько лаконично, мысль настолько сжата, что в конечном итоге, они немногим отличаются от «маленьких» своих «собратьев».

Но главное достоинство многих закриевских историй не в том, что они «очень маленькие», «маленькие» и «побольше». Тут «соль» в другом – в заливчатской подаче, в остром сюжете, в выверенном слове, в необычном ракурсе сквозь аллегорические образы ...

Будем читать!

Подготовил Саламбек Айдамиров

